

**Олег
Будилов**

ПО ДОРОГЕ К ВЫСОКОЙ БАШНЕ

2017

Annotation

Главный герой пытается выжить в мире позднего средневековья. Здесь нет драконов, эльфов и седобородых волшебников зато есть неприступные крепости, храбрые воины и бескрайние степи, населенные кровожадными кочевниками.

Будилов Олег Юрьевич

По дороге к высокой башне

Если бы в свое время мать не отдала меня монахам я бы уже наверно умер. Не думаю, что меня похоронили бы в погребальной пещере, скорее всего просто бросили у дороги и завалили мусором. По традиции младшего сына, родившегося в крестьянской семье, должны были продать в носильщики. Старший после смерти отца наследовал землю и дом, средний мог бы остаться и трудиться за еду и кров или поискать удачи на дорогах королевства, устраиваясь на сезонную работу на фермы или в шахты, а младшему была только одна дорога. Носильщики живут не долго. Тяжелая работа и скудная пища убивают их раньше срока. Мне повезло. Через нашу деревню проходили монахи, которые собирали ненужных детей для дальнего монастыря и мать в тайне от отца отвела меня к ним. Не знаю, что потом с ней стало. Думаю, что отец очень сильно на нее разозлился, возможно даже побил. Он любил мать, но носильщики платили за детей, а монахи нет. Семья могла бы на мне заработать. Денег никогда не хватало и пара медяков за сопливого мальчишку были бы совсем не лишними.

Нанять носильщиков было не на что, поэтому в дороге всю поклажу несли сами монахи и дети, многим из которых не исполнилось и восьми. Мы были плохо одеты, многие босиком, поэтому тяжелый переход выдержали не все. Боги следили за мной с вершин и мне хватило сил. Так материнская любовь привела меня на край света в самый дальний монастырь, построенный на границе со степью.

Королевство Дамиан раскинулось внутри гигантского кратера потухшего вулкана. Согласно легенде, раньше на этом месте бушевал огонь, и злобные демоны выбрасывали раскаленную лаву прямо в небеса. Потом, когда они успокоились и провал в преисподнюю закрылся, наши предки заселили эти благодатные земли, окруженные со всех сторон горным хребтом. На какое-то время скалы защитили их от опасностей окружающего мира, который был огромен и жесток. Вокруг этой естественной преграды раскинулись бескрайние степи, населенные кровожадными варварами. Но однажды годы мира и процветания закончились. Кочевые племена узнали о богатом королевстве и захотели присвоить себе то, что нажили честным трудом жители долины.

В том месте, где раскаленная лава оставила проход в скалах построили приграничный город Паус, который словно пробка закупорил ущелье, через которое кочевники могли бы прорваться в наш мир. Много раз они пытались проникнуть в долину, осаждали Паус и предавали его огню и мечу, поэтому для дополнительной защиты от набегов недалеко от города возвели земляной вал. Волны варваров накатывались и отступали. Иногда они исчезали на несколько лет, но потом опять появлялись снова. Степь жила своей особенной жизнью, о которой в долине имели весьма смутное представление. Ханы создавали военные союзы, грабили и убивали соседей, уходили в дальние походы, но потом опять оказывались под стенами Пауса. Иногда от них удавалось откупиться, иногда приходилось сражаться. Со временем в долине пришлось построить дополнительные защитные сооружения и высокие стены, чтобы защитить центральную часть и столицу от варваров, которые могли прорваться через ущелье. Сменялись династии, короли, не видя иного выхода готовы были биться до конца, но ряды защитников долины неумолимо редели. Бескрайняя степь питала отряды

завоевателей новыми воинами, тогда как укрытое в горах государство могло выставить ограниченное количество бойцов. Подростки не успевали вырасти, как оказывались в ополчении. И все-таки многолетняя война однажды закончилась. Церковь не могла больше мириться со сложившейся ситуацией. Монахи понимали, что, если не прекратятся набеги дикарей королевство Дамиан ждет неминуемая гибель. В тайне от короля они вступили в переговоры с кочевниками. Верховный владыка нашел путь к сердцу великого хана. Он был услышан. Хану понравились богатые подарки и почтение, которое проявил по отношению к нему молодой понтифик. Когда король узнал о тайных переговорах, он впал в неистовство, но со временем церкви удалось его уговорить подписать мирный договор. На долгие годы варвары оставили в покое границы королевства.

Когда время сражений прошло вперед выступили купеческие гильдии. Сначала с опаской, а потом все смелей и смелей они стали отправлять свои караваны в степь, чтобы проложить торговые пути и организовать выгодный обмен с кочевниками. Великий хан с радостью принимал в подарок десятую часть оружия, серебряных изделий, мягких тканей и тонких вин, поставляемых из королевства. К тому же он получал дополнительные подарки от каждого торговца, пересекавшего границу. Не все степняки разделяли взгляды хана, даже его собственные сыновья пытались перечить ему. Случались разбойные нападения на караваны, грабежи и убийства, но вопреки всему хрупкий мир сохранялся.

Король Дидон был молод и горяч, он жаждал славы и битв. Под нажимом верховного владыки и купеческих гильдий, которые внесли щедрые жертвования в казну, он согласился на временный союз со степью, но не простил церкви интриг за своей спиной. В память о мирном договоре он приказал отстроить величественный монастырь, новую резиденцию верховного владыки. По указу короля его возвели прямо в степи недалеко от Пауса на ничейной земле, раскинувшейся между самым удаленным городом королевства и земляным валом, защищавшим нас от варваров. Лучшие зодчие приглашенные со всего королевства выстроили великолепный храм, который мог бы поспорить красотой и богатством со столичным собором. Отныне глава церкви должен был жить здесь, вдали от королевского двора, в этих опасных и диких землях. Это была не только высочайшая милость, но и вечное проклятие. Если перемирие, когда-то заключенное стараниями владыки, закончится, толпы варваров сметут монастырь и убьют его первым. Понтифик не посмел ослушаться короля. Со всей своей многочисленной свитой он перебрался в новую резиденцию. Меня и еще несколько десятков мальчишек собрали со всей страны, чтобы окружить владыку максимальным комфортом, когда в монастыре стало не хватать рабочих рук. Конечно, если бы я родился во время войны, никому и в голову бы не пришло продавать меня носильщикам или отдавать в монахи. В те времена рождение мальчика было подарком королю и по достижении 14-летнего возраста подростка сразу забирали в армию. Но за несколько десятилетий мирной жизни укрепления заросли мхом и травой, а король позабыл о былой воинственности. Говорили, что он безвылазно сидит в столице, предается пьянству и чревоугодию.

К сожалению, мне суждено было родиться не в то время. Я был совершенно не создан для жизни в монастыре. Учение давалось мне легко, я довольно рано выучился читать и писать, но был невнимателен при чтении молитв и сами священные тексты запоминал с трудом. Суровые учителя постоянно лупили меня и лишали трапезы, но помогало это мало. В монастыре всегда много работы и, если послушник не годился для того, чтобы переписывать священные тексты его могли отправить на кухню, в прачечную или в поле. Я

побывал везде и нигде не прижился. В конце концов меня приписали в дворники. Каждое утро сразу после утренней молитвы я брал метлу и тяжелый совок и усердно мел отведенную мне территорию, потом убирал кельи простых братьев, к высшему ордену меня не допускали, и чистил отхожее место.

Однажды утром к стенам монастыря прибыла пышная процессия. К владыке часто приезжали видные сановники, поэтому немногочисленная охрана без лишних слов открыла ворота. Если вельможа хотел получить благословение понтифика он мог на несколько дней поселиться в монастыре. Для богатых паломников были оборудованы специальные комнаты в западном крыле храмового комплекса. Там в просторных кельях были установлены жаровни и печки, на кроватях лежали матрасы, набитые пухом, а из окон открывался вид на главную церковь, похожую на заснеженную горную вершину. Бедные паломники тоже могли задержаться в монастыре. К их услугам были холодные деревянные бараки, пристроенные к восточной стене, а за небольшую плату они могли получить на кухне миску похлебки или каши.

Когда заскрипели ворота и по брусчатке затопали кованные сапоги охраны я как раз заканчивал подметать широкий двор. В этот раз к нам прибыл большой отряд. Я остановился и поднял метлу словно пику, разглядывая незнакомцев. На паломников они походили мало. Впереди гордо вышагивал высокий сутулый человек в зеленом костюме и тяжелом плаще, украшенном золотым галуном. Его одежда хотя и поражала богатством, но была сильно измята, словно ее только что вытащили из дорожной сумки. В этом не было ничего удивительного, путники часто переодевались на постоянных дворах Пауса, чтобы предстать перед владыкой в лучшем виде. Лицо гостя показалось мне знакомым. Возможно он уже приезжал в монастырь и мне приходилось видеть его на службе. Его спутники были одеты в длинные запыленные плащи и высокие сапоги. Профессиональные воины, особая каста, которая верой и правдой служила короне. Дорожная одежда не могла скрыть ножны коротких мечей, а надвинутые на глаза капюшоны холодные и подозрительные взгляды незнакомцев. Громко топая они прошли мимо и скрылись за углом здания. Брат Симон, отвечающий за прием гостей, услужливо кланялся чужакам и бежал впереди отряда указывая дорогу.

— Что это Симон так старается? — спросил послушник третьего круга.

Он, как и я забросил свои дела, чтобы поглазеть на паломников.

— Наверно прибыл кто-то из высших. Охрана сплошь из дворян, — ответил я, — лицо у него знакомое, как будто видел где-то.

Послушник пожал плечами, вскинул на плечо тяжелую корзину и отправился восвояси.

Мой интерес к незнакомцам не укрылся от Симона. Он был назначен недавно и ужасно гордился своей должностью. Самые младшие послушники первого круга старались держаться от него подальше. Говорили будто бы он, пользуясь своим положением был не прочь зажать в углу зазевавшегося мальчишку. Я уже считался старшим, потому что перешел на второй круг и Симона не боялся, но ссориться с вредным монахом было довольно опасно, поэтому, когда он вышел из церкви и уставился на меня я отвернулся и сделал вид, что очень занят своими делами.

— Эй ты, — крикнул он, — иди сюда!

Я продолжал усердно мести двор.

— Я к тебе обращаюсь, уборщик, — рявкнул Симон, — немедленно подойди сюда!

Я обернулся, сделал удивленное лицо, положил метлу на землю, подбежал и низко поклонился.

— Слушаю тебя, брат.

— Послушник не должен оставлять работу и глазеть на паломников! — напустился на меня Симон, — любопытство и праздность страшные грехи!

С этим можно было поспорить, тем более, что приезжих разглядывала половина монастыря, но препираться с монахом я не решился, поэтому уставился в пол и пробормотал.

— Я виноват, брат.

— Ты виноват, — поддакнул он, — поэтому сейчас пойдешь со мной и будешь убирать комнаты для гостей.

Похоже хитрец решил переложить на меня часть своих обязанностей. В монастыре это обычное дело.

— Я еще здесь не закончил.

— Когда закончишь сразу приходи, — сказал Симон, — и не вздумай прятаться. Найду и пожалуюсь твоему наставнику.

— Хорошо, брат, — я низко поклонился.

Конечно в кельи меня не пустили, уборку комнат Симон не доверил бы никому. Мне пришлось подметать пол в коридоре и в трапезной для паломников. Охрана высокого гостя была уже здесь. Им принесли вина и легкой закуски, чтобы усталые путники могли отдохнуть с дороги. Большинство дворян расположились за столом, но несколько человек подошли к камину, чтобы погреться и просушить одежду. Сегодня с утра шел дождь, который порядком намочил неожиданных гостей.

— Зачем только Гамон сюда приехал, — сказал один из охранников, огромный словно скала, — владыка не скажет ему ничего нового.

— Говорят его послал король, — ответил другой.

— Ерунда, — не унимался великан, — король ничего не знает о нашем походе. Гамон никого не предупредил о том, что собирается в монастырь.

— Он думает, что кочевники могут объявить нам войну, — сказал толстяк, стоящий у камина. Он поворачивался к огню то животом, то спиной, чтобы одежда быстрее просохла.

— В столице считают, что войны не будет, — проворчал великан и налил себе вина.

Осень стояла дождливая, дорогу к храму размыло, и паломники нанесли из степи много грязи. Засохшая земля кусками отваливалась от сапог. Я усердно махал метлой, стараясь оставаться незаметным. Любые разговоры о большом мире, о королях и вельможах всегда увлекали меня без всякой меры. Иногда ночью мне удавалось усыпить бдительность дежурного, сбежать из общей спальни и пробраться в библиотеку. Там при свете украденной свечи я читал книги о дворцовых интригах и славных битвах.

— Разное говорят, — протянул худой маленький человечек, — может быть и правда никакой войны не будет. Ты как думаешь, Дафон?

Высокий мужчина брезгливо поморщился, когда моя метла едва не задела его сапоги.

— Я согласен с Гамоном, — сказал он, — никто не знает кочевников так, как владыка. То, что мы больше тридцати лет живем в мире его заслуга. Если он скажет, что война неизбежна значит так и будет.

Обходя сидящих на лавках воинов, я замешкался. Разомлевшие от тепла и вина охранники разоружились, многие сложили перевязи с мечами прямо на столе. Не один

мальчишка не устоит перед искушением потрогать настоящее оружие. Я ненароком коснулся холодной стали оставленного на виду меча.

— Ты что это делаешь, поганец? — неожиданно вскинулся один из охранников. Он резко встал и схватил меня за шиворот.

Дворяне никому не позволяли прикасаться к оружию. Некоторые считали, что его специально заговаривают на удачу. Хорошо, что мое внимание привлек меч. Наверно, если бы я дотронулся до магического жезла, то меня прибили бы сразу без лишних разговоров. Это оружие считалось священным. Правда с жезлами воины никогда не расставались, наверно даже когда спали клали их под подушку.

— Простите, — я безвольно повис в руках охранника, сопротивляться было бесполезно и довольно опасно, — я не хотел, я случайно.

— Случайно!?! — рявкнул дворянин и хорошенько меня встряхнул.

Мелкопоместные дворяне с раннего детства шли на военную службу. Они были опорой королевского дома и убийство простолюдина всегда сходило им с рук.

— Оставь его, Кабу, — сказал тот, кого называли Дафон, — мальчишка случайно задел твой меч. Он же монах. Для него оружие словно девка. И захочет потрогать, да побоится.

Все засмеялись. Рассерженный дворянин отпустил меня и отвесил тяжелую оплеуху.

— Убирайся, заморыш, — сказал он мне в след.

Я подхватил метлу и бросился вон из трапезной.

Симона я нашел в одной из гостевых комнат, он застилал постели чистыми простынями. Монах специально прервал свое занятие, чтобы проверить мою работу. В трапезной он придирчиво осмотрел каждый угол. Пока он возился я прятался за дверь, чтобы не попадаться воинам на глаза. Скорее всего хозяин меча все еще злится на меня. Лучше держаться от него подальше. Когда Симон меня отпустил я вздохнул с облегчением и постарался сбежать из западного крыла, как можно быстрее.

До дневной молитвы оставалось еще много времени, поэтому я выбрал самый долгий путь к молельному залу. Я прошел насквозь второй этаж, через узкую дверь выбрался на лестницу и поднялся в центральную галерею. Здесь было пусто, все братья занимались своими обычными делами. Праздность считалась грехом и стоящий без дела послушник сразу привлекал к себе внимание, поэтому я искал любую возможность спрятаться от посторонних глаз.

Я задержался у окна рассматривая окрестности. Отсюда из галереи открывался вид на пригороды Пауса. За годы мирной жизни город разросся и выплеснул наружу за стены отдельные дома и фермы. Купцы, торговавшие со степью, выстроили крепкие склады вдоль тракта, чтобы караваны кочевников могли купить или обменять товары, не заходя в город. Раньше во времена постоянных войн никому бы в голову не пришло строиться за городской стеной, но люди быстро привыкают к хорошему и перестают задумываться о собственной безопасности.

Иногда я думал о том, как хорошо было бы удрать из монастыря. Я знал, что большинство беглецов возвращались обратно, не выдержав мирской жизни и все-таки я был бы не прочь однажды навсегда исчезнуть из обители. Наверно я бежал бы со всех ног до самого города. Чем может заняться в миру мальчишка вроде меня я плохо себе представлял. Наверно можно было наняться к торговцу или караванщику, который собирался отправиться в степь. Дикие земли, населенные варварами, не пугали меня. Караваны, идущие с двух

сторон, часто заходили в монастырь, одни, чтобы получить благословение владыки, другие для того, чтобы преподнести ему небольшой подарок или передать привет от хана. Я видел кривоногих кочевников, знал их запах и разбирался в оружии дикарей. Восемь лет проведенных в монастыре не прошли для меня даром и, хотя я все еще путался в священных текстах, зато мог с первого взгляда определить принадлежность варвара к тому или иному племени. Кочевники никогда не питали большого уважения к нашим святыням, поэтому останавливаясь во дворе монастыря вели себя словно в открытом поле. Они могли затеять ссору или состязание, напачкать под стеной. Под страхом жестокого наказания нам запрещалось делать замечания беспокойным гостям, да на это и так никто бы не решился. Вид злобных варваров отпугивал монахов, но меня привлекала их грубая сила и непонятная гортанная речь, поэтому пока другие прятались я подбирался поближе, разглядывая и запоминая детали одежды и вооружения. В отличие от наших дворян кочевники не боготворили свои странные кривые мечи и разрешали к ним прикасаться. Однажды мне даже довелось подержать в руках настоящую саблю. Один из караванщиков заметил мой интерес и протянул свое оружие. Я взял его без опаски. Кочевник несколько раз резко махнул рукой, словно показывая, что нужно делать, и я повторил его движение. Сабля со свистом рассекла воздух. Видимо у меня хорошо получилось, потому что караванщик улыбнулся и одобрительно кивнул. Я держал оружие не больше минуты, но навсегда запомнил приятную тяжесть и холод чужого клинка. Нас увидели другие монахи и донесли владыке. Все ждали, что меня накажут, но понтифик только улыбнулся.

— Этот мальчишка сам того не желая помог нам, его глупая выходка обернулась добрым делом, — сказал он, — посланник хана не думал, что монахи умеют обращаться с оружием. Он расскажет об этом другим и наши позиции в степи укрепятся.

Признаться, тогда я не понял, что имел в виду владыка. Но в этом не было ничего удивительного от послушников скрыты мудрые мысли великих.

В галерее нельзя было задерживаться надолго, поэтому я немного полюбовался видом из окна и опять спустился на второй этаж. Проходя мимо кухни, я замешкался на минуту, чтобы вдохнуть приятные ароматы. Дверь была открыта и от плиты тянуло сытным мясным духом. В огромных кастрюлях что-то варилось, шкварчала большая сковородка, накрытая тяжелой крышкой. Время обеда еще не наступило, но есть хотелось ужасно. Тарелка каши, которая досталась мне на завтрак могла быть и побольше. Я потуже затянул пояс, чтобы пустой живот урчал не так сильно и шмыгнул в темный боковой проход, но сразу на кого-то наткнулся, попробовал сбежать, но был пойман за рукав.

— Ты кто такой, — взвизгнул старый монах, — куда идешь?

— Послушник второго круга, иду в молельный зал, — скороговоркой ответил я.

— Почему не работаешь?

— По приказу брата Симона я убирал гостевые комнаты. Сейчас иду на молитву.

— Убирал гостевые? — монах вытащил меня на свет и с сомнением оглядел с головы до ног, — как это Симон допустил тебя до чистой работы?

— Приехал какой-то вельможа, а комнаты не убраны, вот он и заставил меня полы подметать, — насплетничал я.

Старик подслеповато прищурился. Я знал, что он прислуживает владыке и очень удивился, увидев его здесь. Наверно угощение, которое готовили на кухне предназначалось для понтифика, и старик пришел, чтобы снять пробу.

— Ты уборщик верно? — спросил он.

— Да, брат.

— Сгодился Симону, сгодишься и мне. Руки покажи.

Я вытянул вперед грязные ладони.

— Фу ты, неряха. Ладно ванна владыки ничем не отличается от умывальни в трактире, — пробормотал монах, наверно он был глуховат и не думал, что я смогу разобрать его шепот.

— Иди за мной.

Он покрепче ухватился за рукав моей куртки, словно боялся, что я сбегу, и потащил меня вверх по лестнице. Возле покоев владыки он остановился, поскребся в тяжелую дверь и не дождавшись приглашения повернул массивную ручку. Мы очутились в маленькой круглой зале, из которой вели два прохода закрытые тяжелыми портьерами. Вдоль стен стояли низкие столики, на которых была разложено церковное облачение и предметы культа. Мне бросились в глаза белые свечи в высоких канделябрах и массивные чаши для вина. Из залы мы попали в небольшую комнату без окон, посередине которой стояла мраморная ванна, выстеленная изнутри чистым полотном, в углу на печке в большом котле грелась вода.

— Помоги перелить воду, — сказал монах, протягивая мне толстые рукавицы, — а то сил не хватает.

Он действительно был очень стар. Интересно, кто поручил ему такую работу? Тут и молодым было бы не легко справиться. Мы с трудом подняли котел, протащили по полу и поставили возле ванны.

— Передохнем немного, — сказал старик, вытирая вспотевший лоб.

Наконец он отдышался и знаком показал мне, что пора браться за дело.

Мы с огромным трудом оторвали котел от пола, подняли и наклонили над ванной. С шумом полилась вода, поднялся густой пар. Старик неожиданно вскрикнул, возможно, обжегся и чуть не выпустил ручку, часть воды расплескалась по полу.

— Ах ты, непутевый, — накинулся он на меня, когда работа была закончена, — из-за тебя столько воды натекло.

На самом деле я был ни в чем не виноват, вода пролилась по его вине, но злобного монаха было не остановить. Ругаясь в полголоса, он порылся за печкой, достал тряпку и бросил мне.

— Вытри пол и убирайся, — сказал он и ткнул кривым пальцем в дальнюю портьеру, — выход там.

— Хорошо, брат — я кивнул.

Монах что-то проворчал и вышел. Я остался один и принялся с остервенением тереть каменные плиты. Сегодня мне не везло. Сначала я попался на глаза Симону, потом старику. Старшие всегда искали возможность свалить часть работы на молодых.

Вообще от покоев владыки я ожидал большего. Я думал, что при входе увижу грозную стражу, а в комнатах мебель из дорогого дерева и всякие интересные вещицы. Размышляя об этом я закончил уборку, засунул мокрую тряпку за печку, вытер руки о куртку и уже собрался уходить, когда за портьерой послышались тяжелые шаги.

— Не знаю, не знаю, дорогой Гамон, — услышал я голос владыки, — сыновья хана кровожадны и невежественны. Уверен, что от нападения их удерживает только приказ отца. Если его не станет они сразу развяжут войну.

Я замер в растерянности. Что мне было делать? Мой путь лежал через прихожую, в которой остановился владыка и тот, к кому он обращался. Наверно я должен был показаться,

поздороваться и поскорее удалиться, но от одной мысли, что мне придется прервать беседу таких важных господ бросало в дрожь.

— Сколько у нас времени? — спросил незнакомый голос.

— Не знаю. Хан очень плох. Я послал к нему своего лекаря, но кочевники ему не доверяют. Боюсь, что наш верный союзник может умереть в любой момент. Нужно убедить короля в том, что мы стоим на пороге войны.

Понтифик и гость остановились совсем рядом, и я затаил дыхание. В узкую щелку мне был виден небольшой кусок пола, испачканный в грязи сапог и зеленые штаны. Где-то я уже видел сегодня зеленый костюм. Неужели понтифик разговаривает с вельможей, который прибыл утром?

— Король не станет меня слушать, — пожаловался гость, — он погряз в разврате и пьянстве, его былая воинственность пропала. Армия распущена. Для того, чтобы собрать ополчение и выступить к границе понадобится не меньше недели.

Никогда прежде я не слышал, чтобы дворянин так непочтительно отзывался о короле. Возможно гость владыки не последний человек в государстве, но даже ему не следовало говорить такое.

— Я очень встревожен, Гамон, — продолжал владыка, — поэтому и послал за тобой. Паус плохо укреплен, он не выдержит осады. Кочевники захватят его без труда и тогда дорога в долину будет открыта.

Не думаю, что слова владыки предназначались для ушей нерадивого послушника. Страшно было представить, что будет, если меня обнаружат. Я был так напуган, что, наверно, не раздумывая сиганул бы в окно, если бы оно было в комнате для умывания.

— Что же делать? — спросил гость.

— Найди верных людей. Собери отряд и будь готов выступить в любой момент.

— В лучшем случае меня поддержит десяток домов. С помощниками и слугами нас наберется не больше сотни. Для защиты оборонительного вала этого слишком мало. К тому же укрепления давно пришли в упадок, стены осыпались, заросли травой и кустами. Даже ребенок сможет без труда вскарабкаться наверх.

Я хорошо понимал, о чем идет речь. Городские власти следили за состоянием каменных стен Пауса, но никому не была дела до старого земляного вала, который должен был стать первой линией обороны от надвигающейся степи.

— Я ничего не понимаю в воинском деле, — сказал владыка, — и не могу помочь тебе советом. Что ты сам думаешь об этом?

— Вал мы не удержим, но, если успеем собрать ополчение, то сможем защитить Паус.

— Чем я могу тебе помочь?

— Чтобы нанять солдат понадобятся деньги.

— Возьмешь серебро у моего казначея. Я распоряжусь.

Какое-то время они стояли молча, наконец понтифик тяжело вздохнул и пробормотал, — по крайней мере теперь у нас есть план.

— Вам нужно срочно покинуть монастырь, — забеспокоился гость, — кочевники не пощадят никого. Все, кто не успеет укрыться за стенами Пауса окажутся в смертельной опасности.

Владыка ответил не сразу.

— Нет, дорогой друг. Мое место здесь. Если этому храму суждено погибнуть я уйду вместе с ним.

— Не говорите так, господин, — воскликнул вельможа, — Вы слишком важны для нас. Уходите в столицу пока не стало слишком поздно.

— А как же указ короля, запрещающий мне покидать монастырь?

— Я возьму этот грех на себя.

— Нет, Гамон. Я слишком стар для бегства. Каждый монах мечтает поскорее вознестись на священную вершину. Если будет угодно богам я отправлюсь туда вместе с остальными братьями.

Послышались тяжелые шаги, голоса стали звучать тише, видимо гость с владыкой перешли в одну из комнат. Не стоило больше испытывать судьбу. Я покинул свое укрытие, прокрался по коридору и выскользнул за дверь.

Во время службы я беззвучно открывал рот и только делал вид, что читаю молитвы. Мысли в голове путались. Наверно неразумный юнец первого круга не понял бы ничего из того, о чем говорил владыка, но я прочел достаточно книг, чтобы сложить одно к другому. Пока мои сверстники зубрили божественные откровения я изучал историю мира. Около 30 лет назад великий хан заключил союз с королевством. Кровавые распри закончились и наступили долгие дни мира. Но теперь хан умирает, а его сыновья хотят развязать новую войну. Они попытаются захватить Паус и сожгут монастырь, который окажется у них на пути. Владыка твердо решил остаться. Он смирился с судьбой и хочет забрать нас с собой. Конечно большинство монахов мечтает о том, чтобы поскорее оставить этот суетный мир, но только не я. Глядя на братьев, раскачивающихся в такт божественной песне я понимал, что не готов умереть молодым и вознестись вместе с ними к сияющим вершинам. Да и попаду ли я туда? Какой из меня праведник?

Во время обеда я украдкой спрятал за пазуху маленькую лепешку. Сейчас мне нужен был дельный совет, а без подарка к брату Химону лучше было не приходиться. Из всех, с кем свели меня боги в монастыре он был единственный, кто был по-настоящему добр ко мне. К тому же Химон когда-то служил в армии и воевал с кочевниками. Кто, если не он расскажет мне о предстоящей войне.

Я ужасно торопился, поэтому сделал свою работу быстро и неаккуратно. Конечно, если кто-нибудь это заметит мне влетит, но я очень надеялся на то, что в темноте уборной братья все-равно не сумеют оценить по достоинству мои старания. Несмотря на то, что я просто подметал и мыл отхожее место, некоторые послушники ради смеха называли меня золотарем. На самом мы не пользовались услугами черпальщиков. Монастырь не город и нечистоты из него никто не вывозил. Они свободно стекали из отхожего места по наружной стене и оседали в гигантской выгребной яме, поэтому даже привычные к местным порядкам монахи затыкали носы, когда начинали дуть ветра с востока.

Нужно было спешить. Если я не вернусь до вечерней молитвы меня могут оставить без ужина. Монастырские поля и огороды находились за стеной, но перебраться через нее не составляло большого труда. Не смотря на свои 15 лет, я был довольно высокого роста и мог без труда забраться на крышу амбара, оттуда перелезть на ограду, зависнуть на руках и спрыгнуть с трехметровой высоты.

Охрана, как всегда отдыхала после обеда, поэтому на смотровых площадках никто не дежурил, большинство стражников отсиживалось в башне над воротами. Солдаты не были монахами, их нанимали за деньги, поэтому к службе они относились спустя рукава. За все время меня не поймали не разу, а через стену я перелезал довольно часто.

Раньше люди жили словно звери, не знали огня, спали на голой земле и укрывались листьями. Они не умели читать и писать, а между собой почти не говорили и объяснялись знаками. Ели дикари в основном съедобные корни, грибы и ягоды, мясо было редкостью, потому что никто толком не умел охотиться. Но иногда им удавалось загнать большое или раненое животное. Если это случалось мясо ели сырым, пока не остыло. Однажды несколько человек погнались за хромым козлом. Несмотря на серьезную рану, рогатый был силен и не собирался сдаваться. Он ушел в горы, думая, что его не смогут догнать на крутых утесах. Но люди упорно преследовали его и поднимались все выше и выше. В конце концов они забрались так высоко, что случайно разбудили древних богов. Укрытые колдовским туманом великие и могучие они проспали много веков. Над миром проносились дни и недели, весна сменяла зиму, а они дремали в огромных пещерах, ворочались с боку на бок, вызывая оползни и землетрясения. Разбуженные громкими криками охотников боги открыли глаза, увидели перед собой людей, и сразу все поняли. Они хорошо знали это племя, которое невозможно было стереть с лица земли. Чтобы не происходило вокруг они выживали на зло всем законам природы. Боги любили людей и ненавидели их. Они бы с удовольствием избавились от этих назойливых "насекомых", но никто на свете не почитал их с таким рвением, как человек. Окинув одним взглядом весь мир, боги увидели, что некогда могучее и мудрое племя в очередной раз превратилось в невежественных и беспомощных дикарей. Такое уже случалось. Достигнув пика своего развития люди уничтожали собственную цивилизацию, чтобы однажды возродиться вновь и опять пройти долгий путь от неразумных животных до безумных гениев. В очередной раз боги пожалели нас. Упрямые глупцы, забравшиеся высоко в горы, вернулись в долину совсем другими. Самый сильный охотник, тот кто поднялся выше всех, познал, что такое власть. Поговорив с богами, он спустился вниз и назвал себя королем. Идущие следом за ним, упорные и честолюбивые, но не такие отчаянные узнали, что такое верность и служение и стали опорой трона — дворянами — воинами, а самые осторожные, бредущие в хвосте отряда, услышали слова молитвы и открыли для себя веру, они стали просветителями и священниками.

— А твои предки вместо того, чтобы бегать по горам в поисках божественного откровения сидели в лесах и копались в отбросах, — говорил мне Химон, — и теперь из-за своей лени они обречены вечно ковыряться в грязи. Поэтому учись раз у тебя появилась такая возможность, тянись к знаниям, пока тебя не изгнали из монастыря за обжорство и нерадивость.

Мой бывший наставник был совершенно прав, но не смотря на все старания монахов, я оставался беспокойным и бестолковым послушником, ленивым и безответственным. В вопросах моего воспитания учителям не помогли ни розги, ни наказание голодом.

Химона я нашел возле маленькой хижины. Он варил похлебку из моркови и брюквы.

— Здравствуй, брат, — сказал я, подходя к нему.

Монах-земледелец был все еще крепок. Он давно потерял все зубы, поэтому выглядел старше своих лет.

— Садись, шалопай, — сказал он и похлопал по маленькой деревянной скамейке.

Когда книжники поняли, что я не гожусь для того, чтобы переписывать священные тексты меня отправили помогать Химону. Работа на огороде считалась тяжелой и грязной, поэтому послушники воспринимали ее, как каторгу. Мне было не привыкать возиться в

земле и, хотя здесь я тоже не прижился, но сохранил с монахом дружеские отношения. Несмотря на то, что Химон обломал о мою спину не одну хворостину я был по-своему к нему привязан.

— Это тебе, — я сел и протянул ему лепешку.

— Вот спасибо, — обрадовался монах, — похлебку будешь?

— Буду.

Он знал, что я всегда хочу есть. Кормили в монастыре плохо. Послушник должен в первую очередь заботиться о душе, а не о собственном брюхе, но моему телу было мало одних молитв и миски жидкого супа. Если бы я не принес с собой лепешку Химон не пригласил бы меня за стол. Старик не отличался гостеприимством, но понимал, что, если сейчас не угостит меня, в следующий раз я приду с пустыми руками. Наливая похлебку в деревянную миску, он зорко следил за тем, чтобы мне досталась одна вода без гущи.

— По делу пришел или как? — спросил он не раньше, чем выхлебал половину своей миски.

— Ты много знаешь о кочевниках. Скажи они могут напасть на монастырь?

Химон утвердительно кивнул головой.

— Могут. Всегда могли.

— Но ведь у нас с ними мир.

Монах долил себе похлебки и зачавкал разваренной брюквой.

Я терпеливо ждал.

— Для них мира нет. Степь любит войну. Она ей живет.

— А они смогут захватить монастырь? — спросил я.

— Конечно.

— Но ведь владыка нанял стражников.

— Мусор, — проворчал монах, доел остатки супа и облизал ложку, — не солдаты, а ботва. Хотя от ботвы тоже может быть толк, — Химон шмыгнув носом и с тоской посмотрел на пустой котелок, — но от этих вояк толка не будет.

Я надолго задумался. Все, что говорил монах подтверждало мои опасения.

Химон отставил в сторону котелок, облокотился о стену хибары и вытянул толстые ноги. Он прикрыл глаза словно собирался вздремнуть, но я видел, что старый пройдоха внимательно наблюдает за мной.

— Я думал кочевники тоже хотят мира, — сказал я, — все живы, торгуют друг с другом, всем хорошо.

Монах захохотал так, что затряслась хижина.

— Что смешного? — не понял я.

— Дурак ты, — беззлобно сказал Химон и почесал толстый живот, — зачем торговать, если можно отнять?

— Но ведь погибнет много людей, — не сдавался я, — степняки потеряют хороших воинов.

— В жизни радости нет, — монах вздохнул, — я прозябаю в этой мерзкой хижине и ем похлебку из брюквы, а кочевник спит под открытым небом и жрет протухшее вяленое мясо. Нам всем будет лучше, когда мы окажемся на том свете.

— Варварам лучше не будет, — буркнул я, — им гореть в преисподней.

— У них другая вера, — монах назидательно поднял вверх указательный палец, — там для праведников свой загробный мир, где в избытке кислое лошадиное молоко и жаренное

мясо.

— Тьфу, — меня передернуло, однажды я попробовал любимый степняками напиток из лошадиного молока и меня чуть не вырвало, — откуда у них праведники?

— У кочевников все по-другому. У них кто больше убьет неверных тот и праведник.

— А кто такие неверные? — задал я глупый вопрос.

— Мы с тобой.

Я надолго замолчал. От страха в груди сжался ледяной комок.

— Все равно, — упрямо сказал я, — наша вера истинная, а они безбожники и гореть им в огне.

Химон не ответил и принялся ковырять пальцем в носу.

— Что это ты степняками заинтересовался, — наконец спросил он, — случилось, что?

Я беспокойно заерзал. Мне не хотелось рассказывать о происшествии в покоях владыки. Как ни крути, но утром я совершил грех подглядывая за понтификом. Конечно богов не обманешь, они все видят с высоких вершин, но чем меньше об этом будут знать обычные люди, тем лучше. С другой стороны, Химон уже почувствовал неладное и теперь просто так от меня не отвяжется, поэтому я решил ограничиться полуправдой.

— К владыке утром гость приходил. Он сказал, что варвары могут на нас напасть, — буркнул я.

— С чего это? — удивился монах.

Я пожал плечами.

— Вроде, как великий хан при смерти, а его сыновья хотят нам войну объявить.

— Ну дела, — монах покачал лохматой головой, — а что за гость такой? Наверно какой-нибудь богач?

В глазах Химона мелькнул живой интерес. Иногда зажиточные жители Пауса приходили в монастырь целыми семьями. Чаще всего это происходило во время церковных праздников, но случалось, что паломники заходили и в обычные дни. Купцы хотели получить благословение перед крупной сделкой, дворяне помолиться за врага убитого на дуэли, девушки выпросить у богов жениха, женихи — богатое приданное, пожилые матроны — долгих лет жизни. Они одаривали монахов деньгами, просили почитать молитвы за живых и усопших, угощали послушников различной снедью и сладостями. Наверно старый пройдоха подумал, что сможет чем-нибудь поживиться. Такие, как он не стеснялись хватать паломников за рукав и выпрашивать угощение. К тому же Химон всегда мог найти предлог для того, чтобы появиться в монастыре.

— Настоящий вельможа, — сказал я, — с охраной.

— Видел я тут одного на дороге, — сказал монах, — коротышка в коричневом плаще.

— Нет. Этот высокий весь в зеленом.

— А охраны много?

— Целый отряд.

Химон разочаровано пожевал губами. От таких гостей не получишь ничего кроме тумачков. И все-таки ему было интересно. Он любил сплетни, а все новости доходили до монаха — земледельца последним.

— А о чем они еще говорили? — с жаром спросил он.

— Я только про войну слышал.

Химон досадливо крякнул.

— Эх ты, глухая лягушка! Такой разговор интересный, а ты все прослушал! Вот я бы ни

одного слова не пропустил.

Наверно в монастыре не нашлось бы второго такого грешника, как Химон. Как и откуда он попал к владыке монах никогда не рассказывал. Говорили будто бы их что-то связывало, но подробностей никто не знал. Сплетен и слухов ходило много, но доверия им не было. Одно я знал совершенно точно, если бы не заступничество владыки старого греховодника давно бы изгнали.

— Ладно, — монах зевнул, обычно после еды он пристраивался подремать, — помой посуду и ступай. У меня дел много.

Я подхватил котелок и миски, и направился к маленькому озерцу. Круглое словно тарелка и мелководное оно разлилось справа от хижины возле капустных грядок. Раньше, когда я жил с Химоном, то обычно купался в нем и стирал одежду. Сам монах мыться не любил.

— А что делать, если кочевники и правда придут? — спросил я на ходу.

Монах громко рыгнул.

— А что мы с тобой, дурачок неразумный, можем поделаться? Ступай в монастырь и молись, может быть пронесет.

Признаться, другого совета от старого обжоры я и не ждал.

Когда я вернулся к хижине Химон уже разлегся под навесом и храпел во всю. Я поставил посуду на стол и пошел по своим делам. Нужно было возвращаться пока меня не хватились. Я выбрался на дорогу и остановился. Впереди лежала бескрайняя степь, а позади возвышались городские стены.

Легко представлять себя свободным человеком сидя в монастыре и совсем другое дело по-настоящему решиться на побег. Во-первых, через городские ворота просто так не пропустят, нужно заплатить за вход, а денег у меня отродясь не было, а во-вторых монахи сразу бросятся в погоню, когда хватятся. Конечно можно было попытаться проскочить в город с каким-нибудь караваном, но я понимал, что сделать это будет довольно трудно. Чтобы затеряться в толпе нужна мирская одежда, а взять ее было негде. К тому же затянули осенние дожди, и торговцы перестали ходить в степь. Когда ударят настоящие холода, разбитые дороги подмерзнут и ноги носильщиков перестанут вязнуть в жидкой грязи, караваны опять потянутся из города, но это будет еще не скоро. Большой мир казался мне чем-то нереальным. Конечно я помнил, как жил с родителями на ферме, как шел с караваном в монастырь через все долину, но с тех пор прошло столько времени, что яркие воспоминания детства стали казаться сказкой, пустым вымыслом, глупой песенкой, спетой ярморочным певцом.

Химон дал хороший совет. Сиди, молись и боги позаботятся о тебе. Может быть он прав и не стоит мне, жалкому червяку, бороться с судьбой? Если боги уготовили всем нам смерть от руки кочевников не лучше ли смириться с неизбежным и вознестись вместе с братьями? Может быть умирать всем вместе будет не так страшно?

Пока я шел небо затянуло тучами и опять пошел дождь. На мое счастье охрана укрылась от непогоды в караулке. Из кустов хорошо было видно огонек в сторожевой башне. С большим трудом я забрался на мокрую и скользкую иву, прополз по ветке, зацепился за стену, подтянулся и юркнул между зубцами, ободрав брюхо о каменный парапет, потом замер на стене, подождал удобного момента, когда во дворе никого не будет, и спрыгнул вниз на кучу соломы.

Пробираясь обратно в монастырь, я промок до нитки, поэтому на вечерней молитве дрожал от холода. И все-таки я радовался тому, что сумел поговорить с Химоном. Трудно было держать в себе страшную тайну. После ужина и молитвы мне стало легче и укладываясь на жесткое ложе в сырой и холодной общей спальне я уже почти не боялся. Каждый день и час боги проверяют нас и сурово карают тех, кто пытается избежать ниспосланных свыше испытаний.

Беспокойные гости ушли рано утром. Я видел, как важный вельможа простился с владыкой и в сопровождении охраны покинул монастырь. Вооруженные до зубов воины прошагали мимо, громяхая по мостовой тяжелыми сапогами. Я смотрел им вслед, пока не закрылись ворота, а потом опять принялся мести двор. Дел у меня было по горло. Братья заметили, что вчера я плохо выполнил свою работу, поэтому сегодня спуску мне не давали.

Теперь каждый день я истово молился и очень надеялся на то, что боги усмирят степь и мирная жизнь продлится еще немного, по крайней мере до тех пор, пока я не состарюсь и не умру естественной смертью. Я никогда не понимал, как можно молиться сразу за всех, за процветание целого города или за здоровье жителей долины. Когда просишь только за себя можно со временем понять помогли тебе высшие силы или нет. Например, попросишь, чтобы в супе тебе попался кусочек мяса и однажды он там окажется. Пусть и не сразу, но все-таки. А как узнать услышали тебя боги или нет, когда просишь за всю страну? Может быть в столице что-нибудь и изменилось, а у нас в монастыре нет. И все-таки боги меня не услышали. Может быть я неправильно молился, а может быть в шуме ветра они не разобрали мой тихий голос.

После разговора с Химоном прошло несколько дней. Мой страх перед кровожадными варварами начал проходить, как вдруг однажды на взмыленной лошади из степи примчался всадник и заколотил нагайкой в ворота. Его сразу впустили. Судя по узорам на халате и по заостренным носкам сапог к нам прибыл посланник великого хана. Выглядел он усталым, видимо скакал не один день, длинные волосы спутаны, лицо в пыли. Гонец с трудом слез с лошади и направился к храму, в руках он держал кожаный мешок. Его провели в трапезную и послали за владыкой. Я подметал двор у восточной стены, поэтому мне было хорошо видно через узкое окошко, как появился понтифик, как он вздрогнул, услышав короткий рассказ гонца, как схватился за грудь, когда кочевник развязал тесемки мешка и показал ему то, что находилось внутри. Разговор со степняком занял всего несколько минут. Посланник бросил мешок на стол, без всякого почтения развернулся и вышел. Мне показалось, что владыке стало плохо, потому что сопровождавшие его монахи загалдели, подхватили старика под руки и куда-то увели. Меня распирало от любопытства. Что привез посланник? Почему монахи так забеспокоились? Я прислонил метлу к стене и юркнул в маленькую потайную дверь, которую использовали уборщики. Даже у таких недостойных червяков, как подметальщики были свои секреты. В трапезной не было ни души. Я в два прыжка оказался у стола, схватил мешок и заглянул внутрь. В нос ударил тошнотворный запах. В мешке лежала отрезанная голова любимого лекаря верховного владыки.

После того, как гонец уехал в стенах монастыря поднялась невероятная суматоха. Сначала шесть раз ударил маленький колокол созывая к владыке монахов шестого круга. Я с удивлением смотрел, как почтенные старцы семят к храму. Приученные ходить медленно и с достоинством сегодня они спешили изо всех сил, смешно перебирая слабыми кривыми

ногами, многие опирались на сучковатые палки. Видеть это было так непривычно, что несколько младших послушников прыснули со смеху самым неприличным образом.

Убирая двор, я старался не смотреть на окна трапезной. Страшный мешок все еще лежал там на одном из столов. Вспоминая пережитый ужас, я понимал, что надолго запомню пустые глаза мертвеца и кошмарный запах. За что кочевники убили лекаря? Неужели он не смог помочь хану? Что же теперь будет?

Когда колокол прозвонил для монахов четвертого и пятого круга я перестал махать метлой и удивленно уставился на колокольню. Это что же получается, старики еще не вышли, а звонарь уже зовет следующих братьев? Такого в монастыре еще не случалось. Все важные новости владыка обсуждал только со старшими, а уже они потом рассказывали остальным то, что считали нужным. Никогда прежде на совет не приглашали представителей разных кругов. У каждого в монастыре были свои обязанности, каждый из нас знал свое место и собраться вместе мы могли только во время общей молитвы или в трапезной.

"Может быть владыка решил отслужить молебен по невинно убиенному лекарю? — подумал я и почесал затылок, — но тогда позвали бы и нас. Да и не стал бы он так стараться ради простого лекаря — не велика птица".

Если бы я только мог проникнуть в общую залу! Там тоже была потайная дверь и даже, наверное, не одна, но кто же даст от нее ключ сопливному уборщику. В предвкушении чего-то страшного и необычного засосало под ложечкой. Меня распирало от любопытства, поэтому я отставил надоевшую метлу, поднялся по лестнице, ведущей на стену и затаился в тени сторожевой башни, отсюда хорошо просматривался весь двор. Пусть меня накажут за то, что оставил работу, зато, когда монахи выйдут из храма, я все увижу своими глазами и не пропущу ничего важного. Похоже многие послушники рассуждали так же, как я, потому что они тоже стали бросать свои дела и подходить к центральной лестнице.

Время тянулось бесконечно. Монахи не выходили и мне уже стало казаться, что они просидят в церкви до вечерней молитвы, как вдруг дверь распахнулась и на пороге показался брат Нимас. Он быстро сбежал по лестнице, промчался через двор, махнул стражнику, подождал пока откроют ворота и выскочил из монастыря. С того места, где я сидел было хорошо видно, что Нимас побежал в сторону города. Он считался самым быстрым ходоком. Знать бы зачем владыка отправил скорохода в Паус.

Я думал, что сейчас и остальные появятся, но двери за бегуном захлопнулись и опять наступила зловещая тишина, нарушаемая только кашлем простуженных послушников. Удивленные и напуганные они почти не разговаривали друг с другом. Мне было холодно сидеть на сырой каменной лестнице, поэтому я бегом спустился вниз, взял у амбара охапку соломы, вернулся назад, застелил ступеньку и устроился поудобнее.

Через какое-то время опять открылась дверь и во двор выбежал старший ключник. Старик со всех ног бросился к сараю на ходу вытирая пот с покрасневшей лысины. Он загремел ключами, распахнул ворота и принялся выкатывать одну за другой ручные тележки. Обычно их доставали во время уборки урожая или тогда, когда нужно было отправлять гонцов в город, чтобы пополнить запасы. Овощи, овес и кукурузу собирали с собственных полей и огородов, но мяса, сыра и вина мы сами не заготавливали, поэтому раз в месяц на базар отправляли несколько человек. Мне тоже приходилось пару раз ходить с братьями за продуктами.

Наконец монахи хлынули из церкви. Не знаю, что им сказал владыка, но лица у братьев

были серьезные и озабоченные. Несколько человек быстрым шагом проследовали в сторону жилых покоев, а остальные выстроились в цепочку на лестнице и принялись передавать друг другу какие-то тюки, свертки и небольшие сундучки. Монахи помоложе передавали друг другу тяжелые баулы и укладывали их в тачки, а старики зорко следили за тем, чтобы груз был надежно закреплен. Когда катишь тяжелую тележку по ухабам можно растерять часть поклажи, поэтому братья проверяли каждый сверток, обвязывали веревками и затягивали крепкие узлы. Разглядывая толпу, я заметил, как несколько плечистых монахов, помогая друг другу, стали натягивать ремни для переноски тяжелых грузов. Это было уже совсем удивительно. Сначала я хотел подойти поближе, но потом решил, что тогда меня тоже заставят таскать тяжести. Младшие послушники не только забросили все дела, но потеряв всякий страх подошли вплотную к центральной лестнице. Странное дело, на них никто не обращал внимания. Раньше на бездельников обязательно накинулся бы кто-нибудь из старших и заставил работать, но сейчас никому не было до них никакого дела. Видимо странный груз был настолько важен, что мальчишек к нему решили не допускать. Для тележек уже не хватало свободного места, а ключник выкатывал все новые и новые.

Неожиданно я заметил Химона. Он стоял в тени ворот и исподлобья смотрел на мечущихся монахов. Я совершенно не ожидал его здесь увидеть. Интересно, как земледелец узнал о том, что у нас твориться? Неужели зашел случайно?

Работа кипела во всю. Скоро весь двор оказался забит тяжело нагруженными ручными тележками. Несколько братьев навьючили на себя объемные тюки и теперь натужно кряхтели, и потели в ожидании того, когда караван наконец тронется в путь. В том, что монахи собираются в город, уже не было никакого сомнения. Интересно, что они уносят из монастыря?

Пошел дождь. Монахи беспокойно загалдели и стали натягивать на головы капюшоны холщевых курток. Где-то далеко ударила молния и раскат грома докатился до обители. Один из старших воздел руки к небу и затянул молитву дальнего пути. Собравшиеся во дворе подхватили ее, даже послушники запели священную песню. Я скатился с лестницы в тот момент, когда караван потянулся в распахнутые ворота, немного постоял в задних рядах мысленно прощаясь с братьями, но петь не стал, а потихоньку обошел молящихся послушников и подкрался к Химону.

— Здравствуй, брат.

Монах обернулся и смерил меня тяжелым взглядом.

— Здравствуй.

— Ты зачем к нам?

— Не твое дело, — проворчал он.

Я обиженно засопел.

— Где владыка? — спросил Химон не обращая внимания на мои поджатые губы.

— Кажется ему плохо, он внутри, — я кивнул на главный храм.

— Кажется, — передразнил меня монах, — везде суешь свой нос, а толком и не знаешь ничего.

Неожиданно он сгреб меня за рукав и потащил за собой.

— Знаю, что у вас, червяков, есть разные ходы потайные, — прогудел Химон, — проведи-ка меня незаметно внутрь.

Мы воспользовались той же дверью, через которую я прокрался, чтобы осмотреть мешок. Ключ все еще лежал у меня в кармане. Мы быстро прошли трапезную насквозь и

оказались на узкой винтовой лестнице. Здесь было темно и сыро.

Химон остановился и припер меня животом к стене.

— Давай рассказывай, что ты там вчера слышал и видел, только все без утайки.

От неожиданности я замешкался, не зная с чего начать, и монах меня хорошенько встряхнул.

— Рассказывай.

Я все ему выложил и о том, как оказался в покоях владыки, и как прятался за портьерой и о чем говорил странный гость, и даже о том, как заглянул сегодня в мешок.

Химон не разу меня не перебил. Он внимательно слушал и тяжело сопел.

— Голову значит привезли, — проворчал он и наконец отпустил меня, — понятно.

Через маленькое слуховое окошко сквозь пелену дождя можно было разглядеть хвост уходящего каравана.

— Зачем они уходят в город, — спросил я, — что везут?

В темноте зловеще блеснули глаза Химона.

— Ты, что совсем дурак, — ондохнул на меня луковым перегаром, — они вывозят из монастыря казну и священные книги.

— Зачем? — не понял я.

— Степняки развязали войну. Ты думаешь они просто так прислали владыке отрезанную башку.

— Но нас ведь защитят, пришлют гвардию или ополчение, — начал я, но он грубо меня оборвал.

— Потом поговорим, дальше веди.

Мы стали подниматься по лестнице.

— Почему мы прячемся? — спросил я.

— Не хочу, чтобы меня задержали эти глупые вороны, — проворчал старик и я понял, что он имеет в виду монахов шестого уровня, которые сейчас заполнили первый этаж, — придется каждому объяснять куда и зачем я иду, а у меня нет на это времени.

Пока мы поднимались я размышлял над его словами и никак не мог взять в толк, как монахи могли вывести священные книги, если библиотека насчитывала несколько сотен оригиналов и великое множество копий, которые мы делали на продажу. Такой маленький отряд не смог бы вынести и десятой доли всего, что стояло на полках.

— Почти пришли, — сказал я, когда мы выбрались в галерею второго этажа — здесь повернешь направо и все.

— Со мной пойдешь, — буркнул старик.

— Ты что, — испугался я, — мне туда нельзя.

— Со мной пойдешь, — повторил монах и погрозил мне пудовым кулаком.

К сожалению, я оказался прав. Владыке было плохо. Когда мы вошли в покои оказалось, что он лежит на кровати в окружении учеников и лекарей. Заслышав звук открывающейся двери все повернули головы в нашу сторону.

— Что такое, — вскинулся какой-то монах, — как вы сюда попали!? Как посмели...

— Замолкни, — Химон грубо оттолкнул его, я не рискнул следовать за ним и юркнул за занавеску, — не к тебе пришел.

Монахи испуганно шарахнулись в разные стороны.

— Владыка, — сказал мой бывший наставник и опустился на колени.

— Встань, брат, — услышал я слабый голос, — подойди ближе.

Химон подошел к кровати и склонился у изголовья. Он говорил тихо, но я сумел разобрать каждое слово.

— Степняки пришли. Утром я забирался на земляной вал, видел кибитки и множество всадников. Они уже здесь.

— Они прислали голову лекаря, — голос владыки был едва слышен, — война началась. Я отправил братьев в Паус. Они отвезут священные реликвии.

— Думаю, что лазутчики степняков уже перерезали дорогу в город. Боюсь, что караван не дойдет. Нам надо спешить, владыка. Я должен вывести Вас отсюда.

Понтифик всхлипнул.

— Ты думаешь...неужели...помогите им боги.

Он замолчал, наверно ему было трудно говорить.

— Я никуда не пойду, старый друг, — сказал он, — у меня удар. Я все равно умру по дороге. Отправь остальных. Пусть все уходят. Скорее.

Владыка надолго замолчал, и я решил, что он умер, но оказалось старик впал в беспамятство. Из-за занавески я видел, как Химон опять опустился на колени и поцеловал сухую сморщенную руку. Какое-то время он сидел молча, сжимая ладонь старика, потом поднялся, повернулся и направился к выходу.

— Пошли, — сказал он, поравнявшись со мной, — отвыкай прятаться за занавесками, червяк.

Братья, оставшиеся в монастыре, столпились у центральной лестницы. Они говорили все разом, размахивали руками, кто-то даже начал толкаться и потрясать кулаками. Когда мы вышли во двор они загалдели пуще прежнего.

— Тихо! — рявкнул Химон, от его грозного рыка опомнились самые шумный, голоса смолкли, — в монастыре оставаться нельзя. Скоро здесь будут степняки. Владыка велел всем уходить.

— Кто ты какой, чтобы говорить от имени владыки! — вскинулся старший ключник, — почему мы должны слушаться какого-то огородника?!

— Можете не слушаться. Оставайтесь, если хотите, но через пару часов вы все умрете.

Не все поверили Химону. Для большинства он был просто монах — изгой, отправленный на огороды в назидание другим. В монастыре многие надсмехались над ним и не воспринимали всерьез. Я бы и сам наверно ему не поверил, если бы не присутствовал при разговоре с владыкой. И все-таки нашлись те, кто послушался толстяка. Несколько человек быстро собрались и покинули монастырь. Не знаю сколько всего братьев решило остаться. Я видел, как два старших монаха вернулись в храм и затворили главный вход, как несколько послушников бежали в сторону гостиницы для паломников. Очень скоро двор опустел. На земле осталось несколько порванных тюков и сломанная тележка.

Мы с Химоном поднялись на стену. Бредущий по дороге караван был хорошо виден, братья не успели далеко уйти. Они уже миновали нетронутый участок степи, на котором колыхалась высокая трава, росли редкие деревья и кусты. Монастырские огороды были дальше к западу, урожай давно убрали, поэтому издали перепаханная земля казалась черной словно уголь. Первые поля расчищали поближе к городу, на случай набегов или степного пожара. Владыка собирался довести огороды до самых монастырских стен, но не успел.

От десяти нанятых стражников осталось четверо, остальные в суматохе разбежались.

Мы столкнулись с ними возле центральной башни.

— Здравствуйте, добрые люди, — сказал Химон, с интересом разглядывая двух крепких молодых парней, седого мужчину и мальчишку моего ровесника, — а вы что же с остальными не ушли?

— А ты почему остался? — без всякого почтения поинтересовался пожилой стражник.

— Владыка болен, идти не может, — сказал Химон, — а я без него никуда.

Стражник нахмурился.

— А мы за эту работу деньги взяли. Если уйдем боги нас накажут.

Монах понимающе кивнул.

— Верующие значит. В преисподнюю боитесь попасть?

— Боимся.

— А не боитесь, что нас здесь кочевники всех порежут?

Старик вздохнул и с тоской оглядел свое воинство. Взгляд его задержался на мальчишке. Они были чем-то похоже, наверно родственники.

— Боги уже все решили, — сказал он, — если нам суждено здесь умереть значит так тому и быть.

Химон приказал стражникам запереть ворота. Охрана не стала перечить незнакомому монаху. Казалось они были даже рады тому, что наконец нашелся человек, который знает, что нужно делать. Разительная перемена, которая произошла с земледельцем не переставала меня удивлять. Из обжоры и лентяя он на глазах преобразился в деятельного и серьезного мужа. Владыка разговаривал с ним, как со старым другом, многие братья и даже стража послушались его.

Поговорив с охраной Химон отправился гулять по стене, а я словно привязанный следовал за ним по пятам.

— Почему мы не ушли с остальными? — наконец не выдержал я, — ты же сказал, что оставаться в монастыре опасно.

— Не трясись, — проворчал монах, — успеешь удрать.

Он остановился, огляделся и направился на западную смотровую площадку, с которой можно было разглядеть далекие стены Пауса. Там он уселся на маленькую скамеечку, которой пользовались наблюдатели, сложил руки на объемном животе и замер, похожий на большой ноздреватый сугроб.

— Сходи в кладовую и принеси нам чего-нибудь поесть и выпить, — неожиданно сказал он.

Я удивленно уставился на него.

— Как я туда попаду?

— Иди, иди, — Химон махнул рукой, — сам все увидишь, ключники давно разбежались.

Я нехотя спустился со стены и попробовал пройти через главный вход, но дверь оказалась заперта. Пришлось опять воспользоваться потайным проходом и идти через трапезную. Страшный мешок пропал, видимо кто-то убрал его подальше, но казалось, что отвратительный запах никогда не выветрится из зала. Я быстро пересек комнату и по винтовой лестнице спустился в подвал. Химон оказался прав, из трех кладовых одна оказалась открыта. Замок просто выломали из двери вместе с куском доски. Внутри все оказалось разгромлено, мешки вспороты, ящики с овощами перевернуты. Горох, лук и картошку рассыпали по полу, в углу из разбитой бочки вытекло остро пахнущее подсолнечное масло, у входа блестели осколки бутылок и темнели винные пятна. Я в ужасе

смотрел на испорченные припасы. Часть продуктов унесли, а то что осталось зачем-то сбросили на пол. Интересно кто все это натворил? Неужели монахи настолько обезумели, что напоследок разграбили собственную кладовую или это порезвились стражники, когда решили оставить обитель на произвол судьбы?

Я взял несколько кусков сыра, пару лепешек и большую бутылку вина. Задерживаться в разгромленной кладовой мне не хотелось, поэтому я постарался, как можно быстрее сбежать из сырого подвала. На обратном пути я решил поискать братьев. Многие не решились покинуть монастырь и сейчас прятались где-то внутри. Мне было любопытно, чем занимаются остальные. На первом этаже я никого не встретил, только гулкое эхо моих торопливых шагов отражалось от стен. В галерее тоже было пусто, зато на втором этаже я услышал слова священной песни. Похоже несколько братьев закрылись в общей зале, чтобы помолиться. Поможет ли это? Может быть мне надо было все бросить и присоединиться к ним. Я немного постоял в нерешительности не зная, как поступить, но потом взял себя в руки и побежал на стену.

Химон все так же неподвижно сидел на скамейке.

— Я тут нашел..., - начал было я, но он грубо оборвал меня на полуслове.

— Молчи, — рыкнул монах, взял у меня большой кусок сыра и принялся торопливо есть, — не мешай, тихо сиди.

Я обиженно засопел, опустил ся рядом и вцепился зубами в черствую лепешку.

Откуда-то издали послышался тихий вскрик, потом еще один. Химон вскочил со скамейки.

— Ты слышал это? Слышал?

— Что? — спросил я.

— Вроде кричал кто-то.

В холодном осеннем воздухе звуки разносили далеко и скоро мы опять услышали крики.

— Это на дороге, — сказал я.

Беспокойство Химона передалось и мне, поэтому я отложил еду и забрался на зубец стены. Мне не удалось ничего разглядеть. Разросшиеся вдоль тракта деревья мешали обзору. Где-то там сейчас должен был идти наш караван.

— Кажется больше не кричат, — сказал я.

Монах спокойно огляделся.

— Никого не видно на дороге?

— Нет, — сказал я.

Химон тяжело вздохнул.

— Что, что это было? — забеспокоился я, — кто кричал? Что все это значит?

— Караван не дошел до города, — сказал он, — на дороге засада. Кочевники окружили нас.

Только что они убили твоих братьев.

От ужаса у меня подкосились ноги. Все это время я не мог до конца поверить в то, что мирная жизнь закончилась и скоро монастырь, в котором я провел лучшие годы жизни сгорит в горниле надвигающейся войны. Перед глазами вставали лица тех, кто отправился с караваном. Многих я хорошо знал, сидел с ними в трапезной за одним столом, слышал их голоса во время молитвы.

— Ты знал, что так будет? — спросил я.

— Догадывался.

Так вот почему он не пошел вслед за остальными. Трусливый "мешок брюквы" решил подождать и проверить есть ли на дороге засада. Он скрыл свои мысли от братьев и отправил их на верную смерть. Я с ненавистью уставился на него.

— Знал и ничего не сказал, — выкрикнул я, — они могли бы остаться здесь, отсидеться пока все не кончится!

— Дурак, — сказал Химон, — глупый щенок.

Он спокойно набивал брюхо пока мои друзья погибали на дороге. В неухоженной бороде застряли сырные крошки. Ужас и отвращение захлестнули меня. Я вскочил и набросился на него с кулаками.

Вернее, мне показалось, что я набросился на него, но на самом деле мой порыв был остановлен коротким точным ударом, от которого я словно камень, выпущенный из пращи отлетел к стене и свалился на пол. В мгновение ока монах оказался рядом, наступил мне ногой на грудь и не дал подняться. Какое-то время он с интересом наблюдал, как я барахтаюсь, лежа на спине, потом склонился пониже и сказал:

— Отсидеться не получится. Тех, кто ушел и тех, кто остался ждет одинаковая судьба. Ночью кочевники захватят монастырь и убьют нас.

Я сделал еще несколько неудачных попыток подняться, но скоро окончательно выбился из сил и затих. От злости и обиды я заплакал. Тогда Химон убрал ногу с моей груди, отошел в сторону, уселся на скамеечку, поднял и отряхнул упавший кусок сыра, и опять принялся за еду.

— Плачь, плачь, — сказал он с набитым ртом, — сейчас самое время.

Я всхлипывал и размазывал слезы по лицу. Ужасно было жалко себя и братьев, и еще было очень страшно.

Монах откупорил бутылку вина, сделал несколько глотков и протянул мне.

— Вышей.

— Послушникам нельзя, — я замотал головой.

— Теперь можно.

Я взял бутылку и сделал большой глоток. Вино нам давали только по праздникам по маленькой ложке на каждого, поэтому пить помногу я не привык. От нескольких глотков в голове зашумело. Я сел и ощупал грудь. Вообще-то я был не дурак подражаться. Высокий рост давал мне преимущество перед другими послушниками, поэтому из большинства драк я выходил победителем. Конечно в монастыре следили за порядком и жестоко наказывали тех, кто нарушал правила, но мальчишки остаются мальчишками даже, если на них надеты бесформенные монашеские куртки. Понятно, что Химон был намного сильнее меня и все-таки, как он так ловко сбил меня с ног? Я не видел самого удара, которым он меня остановил, только почувствовал, как ноги оторвались от пола.

— Хватит с тебя, — проворчал монах и отобрал бутылку.

Он смотрел на меня и посмеивался. Другой бы на его месте разозлился на глупого мальчишку, который набросился на старшего с кулаками, а ему хоть бы что. Казалось он уже обо всем забыл.

Химон надолго присосался к бутылке, а когда она опустела выбросил ее за стену. Изделия из стекла были большой ценностью и в монастыре им велся обязательный учет.

Я сначала дернулся, чтобы остановить нерадивого монаха, но потом передумал. Если уж мерзкий безбожник не пожалел людей, то стоит ли говорить с ним об имуществе обители.

— Почему ты сказал, что кочевники убили моих братьев, — спросил я, — они такие же

мои, как и твои. Разве ты не один из нас?

— Я не монах, — неожиданно сказал Химон, — и никогда им не был.

Он встал и с трудом стащил через голову длинную до колен холщовую куртку, под ней оказалась черненная кольчуга тонкого плетенья, широкий кожаный пояс и длинный нож. Раньше я не замечал оружия потому что Химон носил его не как все воины у бедра на боку, а на специальной перевязи под мышкой.

— Я не монах, — проворчал он, — я дворянин и воин короля.

Я не поверил собственным ушам и с удивлением уставился на Химона. Как мог дворянин прожить половину жизни в старой хижине, носить рубище, есть отвратительную похлебку и спать на гнилой соломе?

— Как же так, — спросил я, — зачем, почему?

Теперь, сбросив грубую монашескую одежду старик преобразился. Он расправил широкие плечи, выпятил грудь и стал казаться не столько толстым, сколько могучим словно огромный камень возвышающийся у дороги.

— Долгие годы я охранял владыку, — ответил он и тут же добавил, словно прочитав мои мысли, — воин может вытерпеть очень многое ради великой цели, даже тупых трусливых монахов и болтливых приставучих послушников.

— А я тебе исповедовался, — возмутился я, — ты мне грехи отпускал!

— Как наставник и старший товарищ, — ответил он, — кстати твои рассказы о жизни в монастыре очень мне помогли. Все новости я узнавал через тебя. Сам я не мог часто появляться в обители, моей задачей было следить за степью.

Так вот почему мне так не везло в жизни! Теперь стало понятно почему большинство моих молитв осталось без ответа. Я исповедовался поддельному монаху и получал ложные благословения. Боги не слышали меня. Я в ужасе схватился за голову.

Видимо крики на дороге слышали не только мы. Стражники закрылись в центральной башне и что-то обсуждали. Из-за двери раздавались встревоженные голоса. При нашем появлении они сразу замолчали.

— Ты изменился, монах, — сказал пожилой воин с удивлением разглядывая моего спутника.

— На твоё счастье я могу удержать в руке не только молитвенник, — ответил Химон и тяжело опустился на лавку.

Похоже стражники решали, как лучше сбежать. При виде нас они насторожились и обменялись многозначительными взглядами. От нас они явно не ждали ничего хорошего. Их можно было понять. Монастырь опустел, а защищать священные реликвии ценой собственной жизни они не собирались. Наверно они подумали, что странный старик и послушник вряд ли смогут им помешать. Один из молодых парней украдкой потянулся к поясу, на котором висел длинный охотничий нож.

Его движение не укрылось от Химона.

— Я бы не стал этого делать, — спокойно сказал он, — ты не успеешь вытащить нож, как я тебя убью.

Стражник шумно сглотнул и убрал руку.

— Меня зовут Химон из Редука, — сказал старик, — я прислан для того, чтобы защищать владыку от любого зла. И пусть я не монах, но мое призвание служить богам и их наместнику на земле. И сейчас я говорю не о короле.

Стражники угрюмо молчали, никто не хотел перебивать старого воина. Конечно они были молоды и сильны, но одно дело наброситься на заплывшего жиром монаха и совсем другое выяснять отношения с солдатом.

— Если Вы захотите уйти я не стану мешать, но разграбить монастырь и покуражиться над оставшимися монахами я Вам не дам. Вы уйдете прямо сейчас с пустыми руками. Ворота открывать не будем, спуститесь по стене.

Химон встал и отошел от двери, давая понять, что разговор окончен и проход свободен.

— И ты не станешь бросать копья нам в спину? — спросил один из молодых.

— Не стану. Если вам повезет доберетесь до города, если нет вас прирежут кочевники.

Похоже к побегу все уже было готово, потому что один из парней тут же вскочил, схватил котомку с пожитками, выдавший виды плащ и не говоря ни слова выскочил за дверь. Второй бросился следом. Пожилой стражник и подросток остались на месте.

— А вы, что же? — спросил Химон.

— А мы и не собирались уходить, — ответил мальчишка.

Старики велели нам выйти, а сами остались в башне.

— Им надо решить, как защищать монастырь, — сказал мальчишка, когда мы отошли подальше и расположились на куче дров.

— Ты давно в стражниках? — спросил я.

— Первый год, — ответил мальчишка, — отец привел.

— Успел с кем-нибудь повоевать?

Он усмехнулся.

— Только с соломенным чучелом.

Мы помолчали. С вершины дровяной кучи открывался хороший обзор. Никаких кочевников видно не было, вокруг монастыря колыхалась под ветром высокая трава. И все-таки мне было не по себе. А вдруг сейчас отряд степняков подбирается к нам. Трава была высокая по пояс и могла укрыть осторожного человека.

Наконец мальчишка нарушил затянувшееся молчание.

— А ты, как в монахи попал?

Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел на своего нового знакомого.

— Мать отдала.

— Слушай, а что это за дядька с тобой? Я думал, что он монах, а оказывается дворянин.

Я усмехнулся, Химона еще никто никогда не называл дядькой.

— А с чего ты решил, что он из дворян? — спросил я.

Конечно я знал, как отличить вельможу от простолюдина и сам на днях сразу определил, что за охрана у незнакомца в зеленом плаще. И все-таки мне было любопытно узнать, как стражники распознали в Химоне важного господина. Конечно, сбросив монашеское одеяние он сильно преобразился, но магического жезла — главного отличительного знака у Химона не было, а доспехи может надеть кто угодно, например, тот же наемник, который решил немного подзаработать на охране каравана или купеческого дома.

— Ты что не видел, какая у него кольчуга, — удивился мальчишка, — такую в Паусе не достать. У нас конечно тоже могут сделать, но попроще. За такой в самую столицу нужно ехать. Да и вообще...

Наверно он был прав. Я так и не смог посмотреть на Химона другими глазами. Я так

привык относиться к нему, как к старому греховоднику и обжоре, что просто не видел очевидных вещей.

— Тебя, как зовут? — спросил мальчишка.

— Тибон.

— А меня Холин. Будем знакомы, — юный стражник дружески хлопнул меня по плечу.

Я так и не узнал, о чем договорились старики, потому что, когда Химон вышел из комнаты стражи он ничего мне не сказал и сразу отправился в монастырь повидать владыку. Ключ от потайной двери он у меня отобрал.

— А мне, что делать? — поинтересовался я.

— Что хочешь, — буркнул фальшивый монах.

— А что, если кочевники нападут пока ты будешь говорить с владыкой?

— До темноты они не нападут, — сказал Химон.

Не могу сказать, что его слова меня убедили, поэтому какое-то время я проторчал на смотровой площадке, пытаюсь разглядеть вражеских лазутчиков. Ничего подозрительного я не заметил. Наконец мне надоело сидеть без дела, к тому же я порядком замерз, поэтому спустился со стены и отправился в подвал. Если уж нам суждено было погибнуть, защищая монастырь, то уж точно не на пустой желудок. В разоренной кладовой я раздобыл вина, сыра, лепешек и яблок, и со всем этим добром вернулся в центральную башню. Старика и мальчишки на месте не оказалось, видимо они решили обойти стену дозором. У всех было занятие кроме меня. Я оставил еду на столе и принялся разглядывать сложенное у стены оружие. В углу стояли три коротких копья, длинная пика и лежал арбалет, а на стене висел колчан с десятком болтов. Интересно, как и чем Химон собирается отбиваться от кочевников? Возможно часть оружия унесли с собой сбежавшие стражники, но скорее всего его вообще было немного, в монастыре никто не собирался воевать всерьез.

На самом деле я ни на минуту не сомневался в том, что в последний момент произойдет какое-нибудь чудо и нас спасут. Возможно степняки передумают нападать на обитель, все-таки раньше они с уважением относились к владыке, или из Пауса придет королевская гвардия и прогонит незваных гостей. В любом случае случится что-то хорошее и мы все останемся живы.

Как оказалось, магический жезл у Химона все-таки был, когда старик вернулся на стену он красовался у него за поясом. Видимо до поры таинственное оружие было спрятано в монастыре, возможно, даже в комнате владыки. Раньше я никогда не слышал о том, чтобы дворяне-воины оставляли где-нибудь свои жезлы. Вообще мне казалось, что они с ними никогда не расстаются.

Химон провел с владыкой несколько часов. Его не было так долго, что даже пожилой стражник начал волноваться. День катился к закату, подмога из города не приходила и прежние страхи вернулись ко мне. Как могут защитить монастырь три солдата, один из которых неразумный мальчишка? Конечно Химон опытный воин, а магический жезл страшное оружие, он издает ужасный шум и убивает врага огненной вспышкой, но ведь он у нас только один. Конечно я не знал всей заложенной в нем силы, но очень сомневался в том, что магией можно разогнать целое войско. По крайней мере в книгах и летописях об этом не писали. Во всех известных сражениях с обеих сторон принимало участие большое количество воинов и как правило именно численный перевес становился залогом победы. С магией или без, но втроем много не навоюешь.

Химон обрадовался собранному мной угощению и уселся за стол. От волнения мне кусок не лез в горло, и я попросил его отпустить меня на стену следить за степняками.

— Лучше найди мне несколько палок, вот такой длины, — толстяк развел руки в стороны.

— Сколько?

— Чем больше, тем лучше, — ответил он с набитым ртом.

Я пожал плечами и отправился выполнять нелепое поручение. Он, что собирается бросаться этими палками в кочевников?

Теперь, когда монастырь опустел и большинство братьев погибло я решил, что бесполезно беречь нажитое монахами имущество. Конечно никаких палок во дворе я бы не нашел, поэтому отправился в кладовку уборщиков и поломал все метлы. Из каждой получилось, как раз по две палки нужного размера. Пока я занимался этим странным делом Химон отправил стражников в кладовую. Они таскали тяжелые мешки с картошкой и укладывали их возле башни. В ответ на мой вопрос, зачем они это делают, Холин жалобно вздохнул и сокрушенно покачал головой.

Замысел Химона стал мне понятен намного позже, когда из мешков и старой одежды он смастерил несколько пугал, похожих на те, которые мы ставили в поле, чтобы отпугивать птиц, и разместил их в дальних сторожевых башнях.

— Это будет наша стража, — сказал старик, приделывая к мешковине принесенные мной палки.

— А не лучше ли дать им в руки копья? — спросил пожилой стражник.

— Нет, — коротко бросил Химон.

Старик достал из кармана длинную тонкую веревку, нарезал ее ножом на равные отрезки и прикрепил к палкам. Теперь с каждой свисал кусок шнура.

— Когда скажу Вы обойдете все башни и подожжете эти фитили с одного конца. Понятно? — спросил он меня и Холина.

— Да, — ответили мы и переглянулись.

Не знаю, как молодой стражник, но я не понял ничего.

Пока мы возились стемнело. Никто из нас не рискнул выйти за ворота, чтобы проверить, как будет смотреться обманка. Химон запретил зажигать факелы везде кроме центральной башни, поэтому я совершенно не представлял, как кочевники должны были заметить наших поддельных стражников. Дальние участки стены тонули во мраке и с того места, где я стоял нельзя было ничего разглядеть, разве только очертания башен. Конечно, когда мы запалим обрезки веревки, напротив бойниц появятся огненные точки, которые будет хорошо видно со стороны степи. Но как могут крохотные огоньки отпугнуть кочевников?

Степняки явились, как только солнце спряталось за горы. Небольшой отряд подъехал к башне и остановился в нескольких метрах от ворот.

— Ты сможешь попасть в них из арбалета? — спросил я своего нового знакомого.

— Смогу, — Холин кивнул и нервно дернул плечом.

Мы выстроились возле бойниц. Пожилой стражник сжимал в руке копьё, а мальчишке отдали единственный арбалет. Они и мне попытались всучить копьё, но я только замахал руками.

— Зачем оно мне? Я все-равно промахнусь, лучше дайте нож.

Никто никогда не учил меня обращаться с оружием, тем более метать копьё.

— Держи, — сказал Химон и протянул мне длинный кинжал в потертых кожаных ножнах.

Под одобрительные возгласы стражников я нацепил его на пояс.

Один из всадников выехал вперед.

— Эй, монахи! Открывайте ворота!

— Зачем?! — крикнул в ответ Химон.

— Хан Зулук объявил эту землю своей! Теперь все ваше имущество и жизни принадлежат ему!

— Это, что за хан такой? — тихо спросил пожилой стражник, — никогда о нем не слышал.

— Младший сынок великого хана, — проворчал Химон, — тот еще крысеныш.

— Открывайте по-хорошему, — продолжал кочевник, — не заставляйте ждать своего нового господина.

— Посмотреть бы на этого Зулука и болт в него всадить, — проворчал стражник.

Химон перешел от одной бойницы к другой, всматриваясь в темноту.

— Его здесь нет. Он свою голову бережет.

Лошадь под всадником беспокойно переступала. В свете факелов, которые держали его спутники был хорошо виден силуэт парламентаря и притороченный к седлу значок племени.

Химон поставил на стол и открыл небольшой ящичек полный баночек, палочек и коробочек непонятного назначения. Когда он вытащил из-за пояса свое магическое оружие я уставился на него с благоговением и ужасом. Никогда прежде мне не доводилось видеть так близко таинственный артефакт. Оказалось, что он покрыт какими-то металлическими пластинками, выступающими крючками, шпешечками и скобами, а с одной стороны в нем даже имеется отверстие.

— Вы, что заснули там, трусливые собаки?! — закричал кочевник.

Удерживая жезл левой рукой Химон открыл небольшую баночку, высыпал ее содержимое в отверстие, потом лизнул кусочек ткани, положил его сверху, на него опустил круглую дулю похожую на катышек от оленьего помета, после чего длинной палочкой с усилием протолкнул ее внутрь жезла. Заметив, что я с интересом слежу за его действиями Химон хмыкнул и повернулся ко мне спиной. Из-за этого небольшую часть магического ритуала я пропустил. И все-таки мне удалось заметить, как он вставил кусок фитиля в специальный зажим, укрепленный на боку жезла и зажег его с двух сторон.

— Убирайтесь вон, — закричал Химон, — вам нечего делать на святой земле!

Кочевник махнул рукой и сразу с десятков стрел ударили в башню, несколько вонзилось в ворота, одна даже залетела в бойницу, но никого не задела. Кочевники не пользовались арбалетами, зато их луки били довольно далеко и с большой силой. Не думаю, что они стреляли прицельно, скорее всего просто хотели нас напугать.

— Затыкай уши, червяк, — весело сказал Химон и вытянул руку в сторону гарцующих степняков.

Раздался страшный грохот похожий на раскат грома, жезл окутался удушливым дымом, но прежде чем он заполнил комнату я успел заметить, как кочевник со знаменем свалился с лошади. Кони, напуганные шумом, прыгнули в сторону и понесли всадников прочь от стены.

— Вот так-то лучше, — проворчал Химон и опять склонился над ящичком, — быстро бегите в башни и зажигайте фитили, а по дороге шумите побольше. Кричите, что на нас

напали, что кочевники атакуют.

— А мне, что делать? — спросил пожилой стражник.

— Ворота охраняй.

Я выскочил из башни и помчался по стене задыхаясь и выкрикивая на ходу какие-то нечленораздельные звуки. С противоположной стороны Холин вопил, — степняки нападают! Оружайся, готовься!

Я промчался мимо кучи дров, влетел в башню чуть не своротив чучело, упал на колени и зачиркал кресалом. С четвертого раза мне удалось поджечь фитиль. От страха кровь так сильно шумела в ушах, что я ничего вокруг не видел и не слышал. Оказывается, Химон бежал следом за мной. Старик неожиданно ворвался в башню, просунул руку в бойницу и громыхнул своим жезлом. Снаружи послышались испуганные крики.

План Химона оказался прост. Он обошел всю стену, обстреливая из каждой башни кочевников магическим огнем, а мы с Холином, следуя его указаниям, носились между зубцами и орали, как резанные. Наша суета, беготня и крики создавали ощущение того, что в обители засел довольно внушительный гарнизон, а горящие фитили, прикрепленные к палкам, недвусмысленно намекали кочевникам на то, что в каждой башне засел опытный стрелок, вооруженный магическим жезлом. Глупая детская хитрость сработала. На какое-то время степняки отступили. Они не стали далеко уходить, мы слышали поблизости гортанную речь, но к самой стене всадники старались не приближаться. Похоже они не ожидали, что монахи окажут сопротивление, а присутствие в обители настоящих воинов заставило их взглянуть на предстоящий штурм по-новому. Честно говоря, если бы в меня с высокой стены лупили магией я бы бросил все дела и поскорее убрался восвояси, но кочевники оказались не робкого десятка. Они собирались небольшими группами, перекликались в темноте, подавали какие-то знаки зажигая и гася факелы.

— Скольких ты убил? — спросил я Химона.

— Не знаю, — ответил старик, — попал два раза, а убил или ранил кто же в темноте разберет.

Я с сомнением уставился на него. Неужели магический жезл может промахнуться? Я очень надеялся на то, что волшебный огонь спалил по меньшей мере два десятка всадников.

— И я одного подстрелил, — похвастался Холин. Видимо я пропустил момент, когда он воспользовался арбалетом, но судя по тому, что количество болтов в колчане заметно уменьшилось мальчишка не врал.

— Мы выиграли немного времени, но скоро они оправятся и пойдут на штурм, — сказал Химон.

— Пусть только попробуют, — Холин воинственно сжал кулаки, — мы им опять зададим.

— Они нападут сразу со всех сторон и у нас просто не хватит сил для того, чтобы отразить атаку, — ответил старый воин, — нам пора уходить со стены.

— Куда уходить? — не понял я.

— Соберите все оружие и припасы, — сказал Химон, — мы пойдем в храм.

Молодой стражник попробовал протестовать, но его старший товарищ отвесил ему увесистый подзатыльник и молча пошел собираться.

— Да вы, что, — мальчишка задохнулся от обиды, — мы же отбились, скоро подойдет подмога и кочевников прогонят.

— Не будет никакой подмоги, — буркнул пожилой стражник.

Химон торопил нас и все-таки мы не успели. Подкравшись к неохраняемой стене, кочевники перебрались через нее в нескольких местах и напали на нас в тот момент, когда мы уже подходили к потайной двери, главный вход в храм все это время оставался закрытым. Атакующие увидели нас, закричали и кинулись по боковым лестницам вниз, а один смело прыгнул прямо во двор словно не боялся переломать ноги падая с такой высоты. Через стену полетели горящие факелы, они ударились о мостовую, разбрасывая вокруг сверкающие искры. Вспыхнула сложенная у амбаров солома и стало светло, как днем. Все-таки военная выучка чего-то да стоила. Неожиданное нападение не застало моих спутников врасплох. Химон подтолкнул нас с Холином к двери, развернулся и направил жезл на степняка, который оказался ближе всех. Раздался грохот. Сила огня была так велика, что нападавшего отбросило в сторону и он свалился возле забытой во дворе сломанной тележки. Пожилой стражник успел метнуть копье и поразить второго кочевника, но тут же сам завалился назад, из его груди торчали две стрелы. Степняки, взобравшиеся по наружной стене, не торопились спускаться во внутренний двор, они натягивали луки и собирались расстреливать нас сверху. Подгоняемые Химоном мы едва успели заскочить в трапезную и захлопнуть за собой дверь, когда в нее ударили первые стрелы.

— Бегите, — рявкнул на нас старик.

Мы бросились между столами к винтовой лестнице. Я слышал за собой прерывистое дыхание Химона, его тяжелые шаги. Интересно, как он выдерживает все это? Не думаю, что в последнее время старику приходилось столько бегать.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж.

Здесь уже можно было остановиться и отдышаться. Химон выбрался из узкого прохода последним, отошел в сторону и тяжело облокотился о стену.

— Запри дверь, — прохрипел он.

Я с усилием задвинул железный засов, потом бросился к стрельчатому окну и выглянул на улицу. Кочевники рыскали по двору в поисках уцелевших монахов, несколько человек пытались выломать дверь, ведущую в храм, но засовы не поддавались. Какой-то степняк в сердцах рубанул по ней саблей, но дверь, собранная из толстых дубовых досок и кованых гвоздей, не поддалась, такую хоть топором руби толку не будет.

Неожиданно Химон застонал и опустился на пол. Мы с Холином бросились к нему.

— Ты ранен! — воскликнул я.

— Думаешь я не знаю? — буркнул он.

Я помог ему сесть поудобней и осмотрел рану. Стрела вошла не глубоко, но видимо причиняла Химону сильную боль. Странно, что воина не уберегла дорогая кольчуга. Наверно кочевники использовали бронебойные наконечники. Я читал о них в книгах. Монахи писали, что каленные четырехгранные насадки могли пробить даже сплошные латы.

— Нужно вытащить стрелу.

— Дурак, — сказал старик, — тогда я истеку кровью. Просто обломай древко, а наконечник оставь в ране.

Я схватился за стрелу двумя руками и неожиданно легко ее переломил.

Химон закричал и с трудом поднялся. Я подставил ему плечо и охнул, когда старик навалился на него всей тяжестью.

— Помоги добраться до покоев владыки, — попросил он.

С большим трудом мы дошли до нужных дверей.

— Все, — сказал я, — что дальше? Что нам делать дальше?

Химон удивленно посмотрел на меня.

— А дальше ничего. Здесь мы умрем, защищая владыку и вознесемся к горным вершинам.

До самого последнего момента я надеялся на то, что Химон найдет выход из положения. Он так уверенно вел нас, так спокойно говорил, что я поверил в скорое спасение. Мне представлялся потайной лаз, через который мы сможем выбраться далеко за пределы монастыря или хитрый схрон, в котором можно будет отсидеться. Значит все было напрасно: наша беготня по стене, фальшивые стражники и даже магический огонь.

— Как же так? Я думал...

Неожиданно старик мягко обнял меня словно родного и тихо сказал.

— Смирись. У нас будет легкая смерть. Боги с радостью примут героев, погибших в бою.

Мечтая о жизни в миру я представлял себя помощником лавочника или караванщика, который готов в меру сил защищать имущество господина от грабителей и воров, но даже в страшном сне я не мог вообразить себя в роли героя, умирающего на поле боя. Иногда во сне я видел себя стоящим над телами убитых врагов с саблей в руке и с перевязанной головой. Но одно дело представлять, как ты получаешь легкое ранение и совсем другое на самом деле упасть замертво.

Я вывернулся из-под тяжелой руки старика.

Химон покачнулся, оставшись без поддержки, но устоял. Казалось старик не ожидал от меня такой прыти. В последний момент он попытался ухватить меня за шиворот, но не успел.

— Оставайся, если решил, — твердо сказал я, отступая к стене, — только отпусти нас. Нам с Холином незачем здесь умирать.

Химон злобно уставился на меня.

— Вы не сможете выбраться, — проворчал он, — мы в ловушке. Даже полевка не проскочит мимо кочевников.

— Я обману степняков, доберусь до города и проживу долгую счастливую жизнь, — заявил я, — ты со мной, Холин?

Мальчишка — стражник кивнул.

— Глупые трусливые щенки, — прошипел старик, — все кончено. Неужели вы не понимаете, что боги сейчас смотрят на вас. Будьте достойны великой чести. Умрите, как настоящие воины.

— Мы не воины и не герои.

Конечно в первую очередь я имел в виду себя, Холин был стражником и наверно мог бы назвать себя воином, пусть и с некоторыми оговорками. Он давно уже бросил разряженный арбалет, все равно колчан с оставшимися болтами потерялся в суматохе, и теперь переводил испуганный взгляд с меня на Химона.

— Труссы, — сказал старик и вытащил из-за пояса жезл, — жалкие труссы.

При виде магического артефакта я подумал, что Химон собирается испепелить нас огнем, но вместо этого старик из всех сил ударил несколько раз жезлом по стене. Заскрежетал металл, от деревянной части отлетела длинная щепка.

— Что ты делаешь?! — воскликнул я.

Старик не ответил. Он еще раз ударил жезлом о стену и отбросил в сторону изувеченный артефакт. Наверно Химон не хотел, чтобы жезл попал кочевникам в руки. Я

никогда бы не подумал, что от обычного удара, пусть даже очень сильного магическое оружие может повредиться, но дворянину виднее.

Холин дернул меня за рукав и кивнул в сторону бокового прохода. Действительно в любую минуту в коридоре могли появиться степняки. Уже давно снизу раздавались тяжелые удары, видимо нападающие пытались выбить дверь. Сколько она продержится не знал никто.

Душа моя разрывалась на части, я не мог бросить старика одного и остаться тоже не мог. Я не хотел, чтобы в последний момент Химон возненавидел меня. Он был единственный к кому я хорошо относился в монастыре. Нельзя сказать, что все эти годы он был мне вместо отца, но так или иначе толстяк заботился обо мне.

— Химон, — взмолился я, — пожалуйста, отпусти нас.

Старик хотел что-то сказать, но в этот момент снизу раздался громкий треск, и кочевники разразились ликующими воплями, видимо дверь наконец не выдержала и рухнула под ударами тарана.

— Бегите, сопляки, прячьтесь, — проворчал Химон и выхватил короткий меч, — я скажу богам, чтобы они не обижались на вас, скажу, что вы еще не готовы.

Я схватил Холина за рукав и потащил за собой. Медлить было нельзя через минуту степняки будут здесь. На бегу я оглянулся. Старик кивнул мне на прощание, развернулся к двери и встал в боевую стойку.

Когда мы завернули за угол и бросились по коридору в сторону восточной галереи сзади раздалась радостные крики кочевников, которые очень скоро сменились предсмертными хрипами. Химон из Редука забрал с собой столько врагов сколько сумел.

С наступлением ночи братья, оставшиеся в обители, зажгли светильники. Их надо было постоянно проверять и заправлять маслом, но сегодня монахам было не до этого, поэтому к тому моменту, когда степняки ворвались в монастырь, большинство лампад уже погасло. Слава богам я хорошо ориентировался в здании и мог найти дорогу в полной темноте.

Как же я хотел последовать совету Химона и спрятаться, забиться в какую-нибудь нору, чтобы пересидеть нашествие, но не было такого места, где нас не нашли бы кочевники. Я слышал, как где-то рядом страшными нечеловеческими голосами кричали те, кто попался им в руки. Наше бессмысленное сопротивление разозлило нападавших и теперь они собирались отыгаться на всех, кого сумеют найти.

Способ побега, который пришел мне в голову наверно привел бы Химона в ужас. Чтобы я не думал о старике, какими бы словами его не называл, но он вел себя, как настоящий герой. В этом и была разница между нами, он был дворянином и воином, а я всего лишь послушником и крестьянским сыном. Что хорошо для одного не подходит для другого.

Я ворвался в темное сырое помещение и замер прислушиваясь. Тяжелый смрад ударил в нос. Днем комнату освещали несколько маленьких узких окошек, а ночью два чающих светильника, один из которых уже почти погас. Странно, что в сегодняшней суматохе их вообще догадались зажечь.

Молодой стражник забежал следом и с разбега налетел на меня.

— Куда ты привел нас?! — завопил он, — отсюда же нет выхода!

Некогда было объяснять почему мы оказались в монастырском нужнике. Времени почти не осталось. Я бросился к дальней стене и ухватился за тяжелую крышку сливного люка.

— Помоги мне, — промычал я.

Нам с трудом удалось открыть круглый лаз, через который монахи-повара сливали помой.

— Это единственный безопасный выход из монастыря, — быстро сказал я, — через эту дыру мы попадем в выгребную яму.

— Я туда не полезу, — неожиданно заявил Холин.

Я заглянул в темный провал и содрогнулся. Снизу тянуло холодом и нечистотами. Слив был узкий. Взрослый человек не смог бы здесь пролезть, но худой послушник совсем другое дело.

— Ну и оставайся, — сказал я, расстегнул пояс с кинжалом, стянул с себя куртку и полез в дыру. Ноги мои заскользили, я успел поднять руки над головой и провалился в зловонную темноту.

Когда я отплеываясь выбрался на сухое место меня всего колотило от холода и отвращения. Пока я дополз до высокой травы меня несколько раз вырвало. Конечно Холин тоже полез в дыру. Сейчас он пробирался следом. Я слышал, как он икал и давился. Сначала мы ползли, но потом встали в полный рост и пригибаясь побежали прочь от монастыря. Нас никто не видел. Степняки грабили обитель, а дозорные держались подальше от вонючего озера разлившегося под восточной стеной.

На наше счастье пошел дождь. Конечно он не мог отбить ужасный запах, который успел вместе с нечистотами впитаться в нашу одежду, но упругие струи хотя бы омыли наши руки и лица. Я вел Холина той самой тропой, которой обычно пробирался к хижине Химона. Не думаю, что кочевники устроили там засаду. Кому нужен старый покосившийся сарай? Возможно они обыскали развалюху, забрали спрятанную старым безбожником еду и перевернули все вверх дном. Я очень надеялся на то, что степняки не смогли обнаружить тайник, который соорудил фальшивый монах-земледелец. Однажды я случайно увидел, как он что-то прячет между гнилыми половицами. Два дня я не решался забраться в подпол, а на третий Химон ушел по делам в монастырь, и я вскрыл тайник. Конечно ничего серьезного он там не хранил: немного денег, старую одежду. Это было весьма кстати, потому что нам сейчас не помешала бы пара сухих плащей. Возможно, если бы тогда я нашел в тайнике магический жезл или кольчугу, наши отношения сложились бы по-другому.

В темноте трудно было различить тропу. Иногда я останавливался и начинал беспокойно оглядываться по сторонам. Конечно, если бы в небе светила полная луна идти было бы намного легче, но именно кромешная тьма, окутавшая окрестности, спасла нас от неминуемой гибели. Все-таки степняки оставили возле хижины дозорного. Он укрылся от грозы под навесом и завернулся в попону. Шум дождя скрыл наши шаги, поэтому кочевник заметил нас слишком поздно. Сначала я ничего не увидел и только когда навстречу шагнула размытая тень, понял, что мы попали в западню. Возможно степняк принял нас за своих товарищей, потому что даже не стал доставать оружие. Он что-то сказал и Холин, который первым пришел в себя от неожиданности, бросился на чужака. Не знаю почему часовой не поднял тревогу. Наверно он посчитал, что сам сможет справиться с незнакомцами, ведь его оставили для того, чтобы ловить безоружных монахов, а может быть гордость не позволила ему позвать на помощь. Они с Холином сцепились и покатались по земле. Конечно я хотел помочь юному стражнику, но не мог разобрать в темноте кто где находится. Воины словно змеи сплелись друг с другом в смертельной схватке. Вдруг откуда-то снизу от самой земли донесся задушенный хрип.

— Помоги.

И тут я сделал то, чего совершенно от себя не ожидал. До сих пор я думаю, что в тот момент чья-то чужая воля управляла мной. Возможно это боги завладели моим телом или дух Химона материализовался на мгновение, чтобы помочь нам. Словно в забытьи я вытащил кинжал и ударил наугад, целясь в то место, где, как мне казалось должна была находиться спина кочевника.

Лезвие вошло в тело на удивление легко, раздался короткий вскрик и Холин сбросил с себя мертвого чужака. Какое-то время стражник барахтался в грязи, пока я не помог ему подняться.

— Ты убил его? — спросил он.

— Да, — ответил я и засунул кинжал обратно в ножны, — сам не понимаю, как получилось.

— Молодец, — Холин легонько толкнул меня в плечо, — если бы не ты он меня прикончил.

Наверно нам нужно было сломя голову бежать от опасного места, но после неожиданной встречи с кочевником, после внезапного ночного боя страх окончательно покинул нас.

Я разыскал огниво и сухую щепу, которую Химон всегда держал в одном месте, и высек огонь. Дрожащий свет горящей лучины осветил хижину. Кочевники перерыли все вверх дном, разломали лавки и старые корзины, но не нашли тайник. Старик припрятал совсем немного: вполне приличный плащ, дырявые сапоги, рубашку и четыре мелкие серебряные монеты. Теперь нам хотя бы было во что переодеться.

Мы сбросили с себя грязную одежду и полезли в озеро. Вокруг свирепствовала буря, дождь лил, как из ведра, а высоко в небе сверкали молнии. На наше счастье в хижине нашлись высушенные корни "мыльнянки", благодаря которым мы наконец смогли избавиться от отвратительного запаха, который преследовал нас всю дорогу.

Все наши вещи были безнадежно испорчены. Мы раздели степняка, распотрошили его дорожный мешок и кое как поделили добычу. Мне достались ужасно грязные кожаные штаны, шерстяная безрукавка, сапоги и плащ Химона настолько широкий, что я мог бы обернуться им два или даже три раза, а Холин нацепил на себя высокие сапоги степняка, цветные шаровары, рубашку из тайника и тяжелый панцирь из грубо выделанной кожи.

Видимо кочевники не стали охранять поля и оставили сторожей только на тракте, потому что, пробираясь огородами мы больше никого не встретили. Сначала мы шли осторожно и пугались каждого шороха, но потом, когда в свете молний удалось рассмотреть стены Пауса, забыли о страхе и прибавили шагу. В городе знали о нападении. Отправленный владыкой скороход успел проскочить мимо вражеских дозорных. Ворота оказались заперты, но после долгих уговоров стража впустила нас. Сначала они странно косились на моего спутника, который очень напоминал молодого степняка, пока один из солдат его не признал.

— Холин — это ты что — ли? — удивленно спросил он.

— Я, дядька Полун.

— Откуда ты взялся, пропащая душа? Твой отец уже решил, что больше сыночка не увидит.

— Мы из монастыря идем. Его кочевники захватили.

— Ты сам их видел? — быстро спросил стражник.

— Конечно, — с гордостью ответил мальчишка, — не только видел, мы с другом даже убили двоих.

Часовой почесал затылок и повел нас к начальнику.

Нас допрашивали до самого рассвета. Оказывается, в городе знали только то, что степняки напали на монастырь. Живущие снаружи крестьяне и торговцы сразу сбежали за стену побросав имущество и ничего интересного рассказать не могли, поэтому нашу историю об обороне монастыря готовы были слушать снова и снова. Мы были единственные кто сумел обойти заслоны и добраться до ворот. Получалось, что кроме нас рассказать о том, что творится за стеной было некому.

По дороге в Паус я попросил Холина никому не говорить о том, что я принадлежу к монашескому ордену. Теперь, когда все мои наставники погибли, а обитель, которая стала мне родным домом разрушена я больше не желал возвращаться к прежней жизни. Меня в городе никто не знал, и я наивно полагал, что одинокому мальчишке будет нетрудно затеряться на дорогах королевства. Казалось, что моя мечта о жизни в миру может легко осуществиться. Чтобы избежать лишних вопросов я сказал на допросе, что перед самым нападением степняков нанялся в услужение к знатному воину Химону, которого прислали охранять владыку.

Семья Холина жила в квартале городской стражи в небольшом доме с одним окном, выходящим на улицу и вонючую сточную канаву. Не могу сказать, что нашему появлению здесь сильно обрадовались, но, когда Холин показал трофейное оружие и одежду, взятую у мертвого степняка отец разрешил нам остаться.

— Снимайте с себя все и ступайте мыться, — проворчал он, — потом мать вас накормит.

Благодаря корням мыльнянки от нас уже не так явно разило нечистотами, но все-равно запах был не очень. Я подумал, что нас отправят в баню, но Холин подвел меня к корыту с мутной водой, из которого минуту назад пила худая свинья, и дал в руки обмылок.

— Зачем твой отец забрал у нас одежду? — спросил я.

— Он ее продаст на базаре, а нам принесет какую-нибудь рвань, — весело ответил мальчишка.

— Кто ее купит, — удивился я, — она же вонючая и грязная?

— Не скажи, — не согласился мальчишка-стражник, — сапоги и шаровары кочевника совсем новые, да и плащ Химона хорош, а грязь и отмыть можно.

Я беспокожно огляделся. Видимо в этих трущобах подобное обращение с чужим имуществом было в порядке вещей. Получалось, что я оказался в полной зависимости от отца Холина. Без одежды не спрячешься и не сбежишь.

— Да ты не бойся, — новый знакомый хлопнул меня по плечу, — без штанов не останешься.

— Плащ жалко, — признался я.

Мальчишка наклонился к моему уху и прошептал, — зато деньги из хижины я припрятал, потом поделим.

Без вещей я чувствовал себя слабым и незащищенным, но видя, как беззаботно веселится Холин постарался прогнать гнетущие мысли. Я не знал законов этого мира, поэтому он казался мне бестолковым и опасным. Со временем это пройдет, к жизни в монастыре я тоже привык не сразу.

Мы долго плескались в корыте. День выдался на удивление солнечный и в маленьком дворике было тепло, как летом. Мать юного стражника, полная хмурая женщина, накормила нас пустой похлебкой из капусты. Наевшись и обсохнув на солнце, мы присели на лавочке у двери.

— И что теперь будет? — спросил я.

Холин закинул руки за голову и вытянул длинные худые ноги.

— Отец сказал, что город набирает ополчение. После базара он пойдет к начальнику стражи и продаст нас ему за две серебряные монеты.

— Зачем? — возмутился я, — не хочу, чтобы меня продавали!

— Почему? — удивился Холин, — в ополчении хорошо кормят.

Я хотел возразить, но потом передумал. Признаться, отправляясь в Паус я совершенно не представлял, чем буду заниматься. Других знакомых кроме юного стражника в городе у меня не было, а бродить по улицам без сопровождающего было опасно. Знакомый охранник, которого мы встретили у ворот, рассказал Холину, что стража получила приказ забирать в ополчение всех без разбора. Первым делом они собирались переловить городских бродяг. Получалось, что так или иначе я все равно попал бы в армию.

— Одну монету отец заберет себе, — рассуждал вслух юный стражник, — а вторую отдаст нам. Потом проедем ее в харчевне. Тут недалеко вкусные лепешки пекут со шкварками, я тебя отведу. Станем охранять город и отомстим кочевникам за твоего Химона.

Я смотрел на Холина и думал о том, что, возможно, в моем случае действительно будет лучше затеряться среди наемников. Конечно я не ожидал, что кто-нибудь будет искать пропавшего послушника. Настоятелям других монастырей нет дела до чужих "заблудших овец" и все-таки лучше затаиться на время. Великие мудрецы писали, что в трудную минуту нужно отдаться на волю волн, потому что только боги знают куда вынесет твою лодку.

Отец Холина вернулся с базара в хорошем расположении духа, видимо выгодно продал наши вещи. Он ни слова не говоря бросил нам большой сверток и сразу прошел в дом. Одежда, которую он для нас выменял наверно раньше принадлежала какому-нибудь бедняку, она оказалась не только сильно поношенной, но и чиненной в нескольких местах. Штаны и рубашка пришлись мне как раз впору, а вот куртка была немного велика. Холину повезло меньше, ему куртку покупать не стали. Юному стражнику пришлось влезть в старую, из которой он вырос год назад. На наше оружие никто покушаться не стал. В квартале городской стражи к этому вопросу относились серьезно и с пониманием. Добытые в бою трофеи мы поделили поровну Холин забрал себе кожаный панцирь и короткий кривой нож, а я саблю кочевника. Кинжал, которым я убил степняка тоже остался при мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Нас действительно продали в ополчение. Холин напрасно ждал обещанную серебряную монету, отец выдал ему пару медяков и пригрозил побить, если мы не явимся на службу до полуночи. Порядки, царящие в квартале стражников, странные взаимоотношения в семье и торговля собственными детьми были для меня в диковинку. Конечно в свое время отец тоже собирался продать меня в носильщики, но тогда речь шла о выборе жизненного пути и будущем ремесле. Он вынужден был следовать традициям и сам мучился от этого. Но здесь в квартале стражников подростков сдавали в аренду на время словно старый плуг или ручную тележку.

— А что здесь такого? — сказал Холин, когда мы наконец покинули его

"гостеприимный" дом и отправились искать свой отряд и нового командира, — дети стражников идут на службу с 14 лет, а родители забирают себе половину их жалования. Моего отца тоже, когда-то продали и деда, и прадеда. Никто не станет слушать мальчишку и совсем другое дело, когда за тебя придет просить взрослый мужчина. Ему легче сторговаться с нанимателем и не продешевить.

— Но получается твой отец нас обманул, — сказал я, — обещал заплатить серебро, а дал медяки.

— Получается, — Холин обиженно засопел, — а что я могу поделаться отец все-таки.

В городе было не протолкнуться. Узкие улочки оказались запружены народом. Как я понял многие спешили убраться отсюда подальше, не дожидаясь нападения кочевников. К западным воротам тянулась вереница тяжело груженных носильщиков, подгоняемых надсмотрщиками, но некоторые семьи уходили налегке, уложив все необходимое в ручные тележки или взвалив на собственные плечи. Холин знал город, как свои пять пальцев, он уверенно вел меня по улицам, и чтобы не отстать я схватил его за рукав. Еще не хватало потеряться в такой толчее.

— Давай поедим, — предложил Холин, — времени у нас еще много.

Сразу после выхода из дома мой новый приятель отдал причитающуюся мне часть денег и теперь в моем кармане звенели настоящие монеты. Это было интересно и удивительно, никогда прежде ни за что на свете мне не приходилось расплачиваться самому.

В харчевне народу оказалось немного. Несмотря на сухую погоду в общем зале в очаге развели огонь. Пока Холин покупал еду и разговаривал с трактирщиком я с интересом разглядывал укрепленные на стенах головы оленей, подвешенное к потолку колесо, утыканное свечными огарками, огромную бочку в углу и неопрятного вида шумную компанию, которая расположилась за дальним столом. Почему-то никто не спешил занять широкие лавки у огня, хотя там было довольно уютно.

Я уже собрался было опуститься на одну из них, когда Холин окликнул меня, — Эй, ты что это делаешь?

Я не понял вопроса, поэтому пожал плечами и подошел к нему.

— Что ты там забыл? — поинтересовался мальчишка.

— Хотел присесть у огня.

Услышав мой ответ, трактирщик неожиданно засмеялся, словно услышал веселую шутку. Завсегдатаи харчевни удивленно уставились на нас.

— Он издалека, — быстро сказал Холин и незаметно толкнул меня ногой, — порядков наших не знает.

— Из столицы что ли? — спросил трактирщик, когда отсмеялся вволю.

— Да, — соврал Холин.

— А там значит не так, как везде, — удивился дядька, — голодранцев к огню пускают?

— В столице все по-другому, — буркнул Холин, взял с подноса две большие лепешки и потащил меня к выходу.

— Дурак ты, — ворчал он на ходу, — сейчас бы пришлось платить трактирщику еще и за лавку.

— За какую лавку? — не понял я.

Когда мы выбрались на улицу Холин сунул мне в руку лепешку.

— Знал я, что Вы монахи не от мира сего, но, чтобы так.

— Да объясни наконец в чем дело!

Он откусил большой кусок, прожевал и только тогда сказал, — лавки у огня только для господ, чтобы на них сесть нужно заплатить деньги. Голодранцев вроде нас с тобой на эти места даже за плату не пустят. Теперь понял?

— Понял, — я кивнул головой, — извини.

— Ладно, — Холин откусил еще кусок и сказал с набитым ртом, — гони медяшку, я за твою лепешку заплатил.

Древние зодчие построили Паус в ущелье, поэтому разрастался он не как другие города вширь, а поднимался вверх, захватывая все новые горные уступы, поэтому на некоторых улицах даже днем было сумрачно из-за нависших над головами прохожих галерей и балконов. По давней традиции дворяне возводили дома на склонах гор. Они забирались выше всех, чтобы оказаться ближе к богам, поэтому верхний квартал так и назывался аристократическим, а чуть ниже, соблюдая определенную дистанцию, селились богатые торговцы. В отличие от верхних соседей они не стремились доказать свое божественное происхождение, поэтому не возводили высоких башен, зато их дома отличались внушительными размерами и более дорогой отделкой. У жителей купеческого квартала денег было больше, и они компенсировали нарочитой роскошью недостаток происхождения. Закон предписывал простолюдинам возводить дома и пристройки не выше полутора метров от земли, чтобы чернь знала свое место, поэтому нижний уровень делили между собой кварталы бедноты: ремесленный, торговый, служилый и квартал стражи. Именно здесь находился базар, множество дешевых кабаков и всевозможные лавки. От сточных канав, устроенных вдоль улиц, вверх поднимался удушливый смрад. Вырываясь из узких проходов, он смешивался с ароматами большого города, и подхваченный ветром уносился прочь. Говорили, что привычная простолюдинам вонь не достигала купеческого квартала. Но возможно это были только слухи, потому что, если задрать голову вверх иногда можно было увидеть на балконах раздетую знать, брезгливо прижимающую к носам надушенные платки.

Первая линия обороны или, как ее еще называли "нижняя стена" проходила, как раз на уровне купеческого квартала. Она была высотой пять метров и именно ее надлежало защищать ополчению. На стену можно было попасть только одним путем через узкие двери, расположенные в центральной башне. Как только стрелки и копейщики занимали свои места, проходы сразу блокировались — опускались тяжелые решетки и запирались крепкие замки. Вторая линия обороны или "высокая стена" возвышалась на восемь метров позади первой. Ее охраняла стража, немногочисленные дворяне — воины и мобилизованные на время войны зажиточные горожане, которых призывали на службу вместе со слугами. Конечно богачи могли откупиться, но тогда пришлось бы заплатить городу высокую цену, намного проще было отправить на стену младших сыновей в сопровождении самых нерадивых слуг.

В ополчение записывали на базарной площади. Торговцев потеснили, освободив приличный участок, на котором установили несколько больших шатров. В одном из них записывали всех желающих и сразу выдавали жалование по одной серебряной монете на человека за три дня службы, а в другом рекрутов вооружали. Вербовщики приводили людей по одному или группами. Крестьяне и ремесленники с радостью отправляли своих младших сыновей на службу, поэтому к центральному шатру выстроилась целая очередь. Многие пришли с утра, поэтому мы оказались в самом хвосте. Большинство новобранцев было

нашего возраста или немногим старше, хотя мне на глаза попало несколько взрослых мужчин. Почти все были одеты в какие-то обноски. Проводя дни в монастыре я и представить себе не мог, что большинство жителей этого блестящего торгового города живут в полной нищете. Высокие стены, которые я разглядывал сидя на галерее, казались мне воротами в волшебный сказочный мир, но на поверку оказалось, что за ними скрываются голод, вонь и убожество.

Те, кого уже успели вооружить выходили из шатра и строились у стены в одну линию. Ополченцев разбивали на десятки, командирами назначали ветеранов городской стражи. Они были слишком стары для того, чтобы сражаться, но могли руководить необученными новобранцами. Оружие и примитивные доспехи не сильно преображали горожан. Казалось ни что на свете не могло распрямить их сутулые спины и оживить потухшие глаза. Ополченцы имели вид не столько воинственный, сколько жалкий. Возможно я ошибался, но мне показалось, что большинство рекрутов, так же, как и я не умели обращаться с оружием.

Наконец нас с Холином запустили в шатер. Внутри было пыльно и душно, пахло потом и пивом. В середине за низкими кривобокими конторками расположились писари, а в самом дальнем углу устроился начальник стражи. Он был очень сердит. Приказ о наборе ополчения пришел неожиданно, денег из городской казны выдали мало, и вместо крепких солдат наниматься шел всякий сброд, от которого на стенах не будет никакого толка. Толстяк хмурился, хлебал пиво из большой оловянной кружки и что-то ворчал себе под нос. Освободившийся писарь махнул рукой, и мы подошли к конторке.

— Кто такие?

Холин назвался.

— Мы должны быть в списке, — сказал он.

Писарь зашуршал пергаментом, раскатал свиток до самого пола и ткнул грязным пальцем куда-то в середину. Пока он возился я попытался прочитать документ, который нам надлежало подписать, но разобрать жалкие каракули было совершенно невозможно, казалось бумагу под диктовку впопыхах заполнял какой-то школяр. Мне бросились в глаза отдельные слова: "не жалея сил...день и ночь...до самой смерти".

— Чего смотрите? — недовольно буркнул служивый, — подписывайте.

Холин грамоты не знал, поэтому напротив своего имени поставил отпечаток большого пальца, а я чиркнул неразборчивую закорючку.

В соседнем шатре нас придиричиво осмотрел пожилой стражник.

— Ого! — воскликнул он, обращаясь к ключнику, который возился с разложенными прямо на земле копиями, — эти со своим оружием пришли.

Многие новобранцы не имели не то что ножей или кинжалов, но даже поясов, на которые их можно было повесить, поэтому по сравнению с остальными мы с Холином выглядели настоящими воинами.

— Откуда такое богатство? — спросил стражник, разглядывая мою саблю и доспехи Холина.

— В бою у степняка взяли, — важно заявил мой спутник.

Дежурный уважительно крикнул, а ключник ухмыльнулся в усы, может быть не поверил, а может быть его развеселил внешний вид Холина. В панцире степняка мальчишка смотрелся весьма внушительно, благодаря плотным кожаным накладкам плечи казались значительно шире, но картину портили торчащие из-под брони тонкие ноги и рукава короткой куртки, которые не доходили до тощих запястий.

— Из арбалета стрелять умеете? — спросил пожилой стражник.

— Умеем, — за двоих ответил Холин и выразительно посмотрел на меня.

— Дай мальчишкам арбалеты, а вот этому, — стражник ткнул в меня пальцем, — какой-нибудь нагрудник.

Записавшись в ополчение мы еще какое-то время провели на площади. Нашего командира ни где не могли найти, поэтому оставленные без присмотра мы уселись прямо на землю и стали рассматривать полученные вещи. Многие в нашем отряде впервые получили возможность подержать в руках такое "богатство". Ограничений на ношение холодного оружия в городе не было, длинные ножи были почти у всех ремесленников и торговцев, но что такое обычный тупой тесак по сравнению с настоящим кинжалом.

Холин развлекался с арбалетом. Он прижимал его к плечу, делая вид, что целится, поворачивался вокруг своей оси и кровожадно скалил зубы, всем своим видом показывая, что, если враги подберутся к нему со спины им несдобровать. Я хорошо себе представлял, что это за оружие, но стрелять из него мне еще не приходилось.

— Как его заряжать? — спросил я Холина.

— Это просто, — мальчишка упер в землю железную скобу, прикрученную к ложу, просунул в нее ногу, схватился обеими руками за тетиву и натянул ее на рычаг.

— Так можно пальцы порезать, — сказал я.

— Должны перчатки дать, — ответил Холин, — а если не дадут какими-нибудь тряпками руки обмотаем.

Панцирь Холина смотрелся внушительнее, чем мой нагрудник. Я вертел его и так и эдак пытаюсь сообразить сможет ли он защитить меня от вражеского оружия. Доспехом его можно было назвать с большим трудом, просто прямоугольная железная пластина которая крепилась на груди при помощи нескольких ремешков надетых на плечи и затянутых на боках и спине. Зато на ней можно было выбивать разные мелодии словно на барабане, чем я и занимался пока не появился какой-то угрюмый старик, который назвался нашим командиром и не отвел нас на стену.

Только сейчас разглядывая с пятиметровой высоты бывшие монастырские поля, я осознал насколько все серьезно. Разгуливая по кварталам бедняков мы и подумать не могли, что враг настолько близко подошел к городу. От ярких значков, халатов и знамен рябило в глазах. Кочевники заняли все брошенные постройки, оставшиеся снаружи и разбили лагерь в двух полетах стрелы от крепостной стены. Для постройки укреплений им не понадобился ни камень, ни дерево. Они составили в круг кибитки, которые словно стеной окружили лагерь, а внутри установили шатры и палатки. Таких импровизированных крепостей было несколько. Невозможно было поверить в то, что степь решила пойти на нас войной только после смерти великого хана. Огромная армия, оказавшаяся под стенами Пауса не могла собраться за несколько дней. Даже мне мальчишке — послушнику, знавшему мир только по книгам было очевидно, что это нападение готовилось не один месяц. Тысячи воинов оставили свои дома, чтобы добраться до сокровищ королевства. В ужасе я смотрел на вражескую армию. Как слепы мы были с Холином, когда думали, что подмога из города сможет защитить монастырь. Даже, если бы Паус отправил к нам сотню воинов, они бы не справились.

— Ничего себе, — Холин присвистнул, — сколько же их?

Скованный ужасом я не нашелся, что ответить. Казалось увиденное поразило ни меня одного. Я ловил на себе испуганные взгляды других ополченцев, только командир был нарочито спокоен.

— Что уже в штаны наложили, — спросил он, осматривая участок стены, выделенный нам для охраны, — думали вам просто так деньги заплатили?

Я решил, что старик специально ворчит и ругает нас, чтобы не показывать свое беспокойство.

— Ты, встань сюда, — командовал он, — ты — сюда.

За несколько минут он расставил нас возле бойниц. Арбалетчиков он чередовал с копейщиками, поэтому между мной и Холином оказалось несколько незнакомых парней.

— Мы хотим вместе стоять, — заявил мой приятель.

Командир только отмахнулся от него, — заткнись, щенок. Мне два арбалета рядом не нужны. Стой, где поставил и не болтай.

Потянулись нескончаемые часы ожидания. Казалось кочевники не собираются на нас нападать. Со стены хорошо было видно, как они обустроивают лагерь, подвозят провизию и воду. Раньше я думал, что все степные воины передвигаются на лошадях, но оказалось, что это не так. Наблюдая за вражеской армией, я пришел к выводу, что основную ее часть составляет пехота, а кавалерии у варваров немного. Никогда прежде я не задумывался над тем, почему степь не торгует с королевством лошадьми. Жителям долины всегда не хватало вьючных животных. Все грузы внутри страны путники вынуждены были переносить на себе, а те, кто побогаче пользовались услугами носильщиков. Даже для того, чтобы вспахать поле или огород крестьяне сами впрягались в плуг. Выходит, лошади в степи тоже были редкостью и ценились на вес серебра. Возможно это было связано с тем, что на огромных незаселенных просторах плодородных земель было не так уж много. Со слов караванщиков я знал, что дальше на востоке степь переходит в безжизненную пустыню.

Стоять на одном месте было скучно и холодно. Чтобы немного согреться я переминался с ноги на ногу и махал руками словно мельница лопастями. Многие следовали моему примеру. Говорили, что ближе к вечеру на стене должны были разжечь костры, но сейчас не было ни дров, ни масла. Город не ждал нападения, поэтому к длительной осаде не успели подготовиться. Я часто вспоминал разговор владыки с неожиданным гостем и думал о том, где сейчас вельможа по имени Гамон, и где его вооруженный отряд, который должен был защищать Паус. Ни боги, ни высокие покровители не пришли к нам на помощь. Я вглядывался вдаль, пытаюсь разглядеть в надвигающихся сумерках очертания разоренной обители. Неожиданно прорвавшись сквозь облака последний луч солнца коснулся стен монастыря. Купол храма похожий на покрытую снегом горную вершину сверкнул на мгновение и окончательно погрузился во тьму.

Становилось все холодней. Оголодавшие за день ополченцы начали роптать. Огня не было, еды тоже. Радость от легко заработанных денег давно улетучилась, пропить и проесть свое серебро солдаты не могли, потому что в город никого не выпускали. Решетку и дверь в башню закрыли еще днем и теперь никто не мог уйти со стены без особого распоряжения. Очень скоро наша десятка забыла про воинский долг, оставила пост и сгрудилась у стены. Сбившись в кучу, словно стадо баранов, мы тщетно пытались согреться теснее прижимаясь друг к другу. Сначала командир покрикивал на нас и призывал к порядку, но потом плюнул и куда-то ушел.

Уже ближе к ночи появились ключники и принесли дрова, сухие коровьи лепешки для растопки, походные котлы с горячей кашей и бурдюки с крепким вином. Что ни говори, но Холин оказался прав кормили в ополчении хорошо. Каша была щедро сдобрена салом, а от вина сразу стало тепло даже на пронизывающем ледяном ветру. Когда в очагах развели огонь, а на стене разожгли факелы я подумал, что все не так уж плохо.

Несмотря на холод и тревоги этого дня мне даже удалось поспать. Все старались держаться поближе к огню. Нормально лечь мы не могли, не хватало свободного места у костра, поэтому дремали сидя. Ночь прошла спокойно. Степняки так и не решились напасть на город. Наверно ждали, что им предложат выкуп. Конечно все мы тоже надеялись на то, что купеческие гильдии захотят решить дело миром. Под утро, когда костер прогорел я ужасно замерз. Все-таки дежурить на стене не самое приятное занятие.

Нас подняли с первыми лучами солнца и сразу накормили. В этот раз помимо каши по рядам разнесли лепешки и ливерную колбасу. Некоторые набросились на них сразу. Мы с Холином поели горячего, а остальную еду предусмотрительно убрали в котомки до лучших времен. После завтрака жизнь уже не казалось мне такой ужасной, как в последние часы перед рассветом.

Люди обживались на стене. Для защиты от непогоды в нескольких местах натянули холщовые пологи, натаскали соломы, чтобы солдатам свободным от дежурства было, где отдохнуть. Опять откуда-то появились дрова и в очагах запылал огонь.

— Скорее бы они уже напали, — ворчал Холин, угрюмо разглядывая вражеское войско.

Мой приятель никак не мог согреться, он отчаянно мерз в короткой не по размеру куртке.

— Днем не нападут, — отвечал я, — помнишь, что Химон говорил — степняки любят атаковать ночью.

Холин только пожимал плечами и протягивал к огню посиневшие ладони.

За вечер и ночь проведенные на стене мы окончательно освоились, разузнали где находятся отхожие места и где можно набрать воды. Отправление нужды на стене превращалось в настоящий балаган, потому что залезть на бочку, не привлекая всеобщего внимания было невозможно. Бедолага сразу становился предметом скабрёзных шуток. Самые хладнокровные из нас не обращали внимания на подначки, остальные смущенно отшучивались или переругивались с болтунами. Прикрепленный к нашему участку стены золотарь все время кричал, — давай, давай, бочку наполняй! Будет чем степняков поливать!

Городские стены были построены несколько веков назад. Под воздействием солнца, дождя и ветра некогда мощные укрепления пришли в упадок. В некоторых местах кладка потрескалась, кое-где через трещины проросла трава, опускающиеся решетки потемнели и покрылись мхом, а дубовые створки ворот провисли. И все-таки городские стены казались неприступными. Считалось, что пробить их тараном невозможно, а взять приступом очень трудно. Большинство горожан утешало себя подобными мыслями, но нашлись и те, кто всерьез задумался о том, что случится с их домами и имуществом, если кочевники прорвутся в Паус. Если в первый день осады заботы о снабжении ополчения целиком легли на плечи городского совета, то сегодня представители торговых гильдий и просто зажиточные жители решили помочь армии. Конечно, если бы они побеспокоились раньше каменщики и плотники успели бы подготовить город к обороне. Сейчас уже некогда было обновлять кладку или ставить новые ворота, зато можно было заплатить деньги всем желающим и

нагнать на стены вооруженных наемников.

Ополчение все пребывало. Мы смотрели на вновь прибывших с чувством превосходства, словно ночь, проведенная на стене, сделала из нас бывалых воинов. В этот раз среди пополнения было много взрослых мужчин. На второй день осады жители Пауса перестали отправлять на стены младших сыновей и захребетников, потому что решили подзаработать сами. Жадность победила чувство самосохранения. Бедный люд не захотел оставаться в стороне, когда увидел, что город готов раскошелиться. Из вновь прибывших никто не собирався драться всерьез. Ополченцы думали, что просидят на стене несколько дней, отъедятся за городской счет и вернуться по домам, чтобы потом, сидя на лавочке, рассказывать соседям о выдуманных подвигах. Говорили, что скоро должен прибыть из столицы огромный обоз, который везет выкуп для кочевников — множество серебряных слитков и прочих драгоценностей. Мы так и не смогли узнать была ли в этих словах хоть толика правды, потому что совершенно неожиданно степняки пошли на штурм. Мои предположения не оправдались, они не стали дожидаться темноты и атаковали днем. Кочевники напали в полной тишине — не трубили рога, не грохотали барабаны. Просто без всякого предупреждения степная армия двинулась к стене. Казалось, что какая-то неведомая сила одновременно шепнула каждому степняку нужное слово, подала тайный знак к атаке. Наши часовые даже не сразу поняли, что происходит. Вдруг ни с того ни с сего кочевники оказались под стеной и когда прозвучал сигнал тревоги было уже слишком поздно. В небо взвилась туча стрел. Степняки из задних рядов били "навесом", а те, что оказались под стеной целились в бойницы и в проемы между зубцами. Захваченные врасплох ополченцы ничего не могли поделать. Щитов у нас не было, поэтому прикрыться от падающих сверху стрел было нечем. Казалось, что на нижней стене в первые минуты погибло не меньше половины защитников.

Нам с Холином здорово повезло. Перед самой атакой мы присели у стены, чтобы перекусить припасенной с утра колбасой, поэтому вражеские стрелы нас не задели. Когда раздались первые крики я в ужасе прижался спиной к холодным камням и затаил дыхание. Вокруг творилось что-то невообразимое. Казалось люди обезумели. Одни падали на пол и закрывали головы руками, чтобы спастись от стрел, другие бежали по проходу, толкались и кричали, пытаясь пробиться к единственному выходу, ведущему в город, но падали замертво на полдороги или добравшись до заветной цели молотили окровавленными кулаками в закрытую дверь. Из всех, кто оказался на нижней стене не растерялись только командиры. Бывалые воины без страха вставали в полный рост и выкрикивали команды, пытаясь остановить обезумевших ополченцев.

— Не вставать, не вставать! — кричали старики и махали руками показывая, чтобы горожане приседали, как можно ниже, — не поднимать головы!

— Великие боги помогите мне неразумному, — зачастил я скороговоркой и закрыл глаза, чтобы не видеть, как вокруг падают раненые и умирающие. От страха я вообразил, что сейчас нас всех перебьют.

Атака степняков застала врасплох ополчение, сконцентрированное в нижнем укреплении, но вставшие на защиту города немногочисленные дворяне-воины и городская стража оказались готовы к нападению. Сверху ударили арбалеты, загрохотали магические жезлы. Стрелков в верхнем укреплении и в сторожевой башне было достаточно, поэтому десятки арбалетных болтов и огненных искр обрушились на атакующих. Хлопки магических жезлов, крики раненых и стоны умирающих слились в ужасную какофонию. Грохот стоял

такой, что у меня заложило уши. Верхние зубцы заволокло дымом.

Не знаю, что заставило степняков отступить. Возможно они не ожидали, что получат такой отпор, а может быть изначально не собирались штурмовать стену. В любом случае они отошли, оставив в поле под стеной десятки мертвецов.

Как только стрелы степняков перестали сыпаться с неба командиры бросились поднимать людей. Многие ополченцы, так же, как и я оказались совершенно не готовы к ужасам войны и теперь боялись вставать в полный рост и приближаться к бойницам.

— Хватит валяться, трусливые ублюдки! — кричали командиры, раздавая направо и налево пинки и зуботычины, — к оружию!

Люди не могли поверить в то, что обстрел закончился, они неохотно вставали и в ужасе оглядывались по сторонам. Не знаю, как Холин, но я с большим трудом заставил себя подняться. Признаться, мне здорово помогла полученная от командира увесистая оплеуха.

Мертвых ополченцев нужно было убирать со стены и заниматься этим кроме нас было некому. Мне не хотелось прикасаться к погибшим товарищам, а Холин наоборот с радостью согласился вступить в похоронную команду. Позже он объяснил мне зачем ему это понадобилось. Пока мы перетаскивали мертвецов к выходу из башни команда Холина выносила тела в город и складывала у стены. Поглазеть на покойников собралась целая толпа, подходили бедняки, живущие по соседству, торговки и ремесленники с ближайших улиц. Кто-то узнал друга, кто-то родственника. Скоро над площадью стали раздаваться горестные крики мужчин, плач и причитания женщин. Воспользовавшись суматохой Холин сумел улизнуть от старика командующего похоронной командой, добежать до первой попавшейся харчевни и купить там пару кровавых колбас и небольшой бурдюк с вином.

— Убить нас могут в любой момент, — сказал он, передавая мне еду, — так хоть пожрем напоследок, а то деньги Химона пропадут зря. С тебя четыре медяка.

После нападения степняков людей на стене стало значительно меньше. Перепуганные ополченцы собирались небольшими группами, что-то обсуждали вполголоса, заговорщицки оглядываясь по сторонам. Большинство наемников старались держаться подальше от бойниц и поближе к выходу со стены. Мы с Холином расположились возле потухшего очага, развели огонь, благо дров было достаточно, и принялись за еду. Меня всего трясло, хотя холода я не чувствовал. Холин трещал без умолку. Он рассказывал о том, как горожане оплакивали погибших, о том, что в харчевне полно народу, а в городе много пьяных и о том, что все только и говорят о скором прибытии обоза с выкупом. Я задумчиво кивал головой, но совершенно его не слушал. Мимо прошел какой-то старик с ведром, он посыпал песком оставшиеся на проходе кровавые лужи. Увидев, что мы едим он остановился и спросил, — как Вы можете жрать после всего этого?

— Иди отсюда, — напустился на него Холин, — старый дурак.

Я угрюмо грыз колбасу и думал о том, что, раньше живя в монастыре готов был с утра до вечера рассуждать о величии бессмертной души, а теперь мечтаю только о том, как бы набить свое ненасытное брюхо. Что же случилось со мной? Что происходит с этим городом, если единственная цель живущих в нем людей заработать немного денег и спустить их в ближайшей таверне? Неужели бедняки так живут везде, даже в столице? Зачем я так яростно рвался из монастыря в этот ужасный мир?

— Почему ты не ешь? — спросил Холин.

В задумчивости я откусил всего пару кусков да так и застыл, сжимая колбасу в правой

руке.

— Не могу. После всего, что мы сегодня видели еда в горло не лезет.

Холин пожал плечами. Для человека, который только что перетаскал целую гору трупов он был на удивление спокоен.

— Подумаешь, нас никто на стену силком не тащил, знали на что шли.

Я не стал ему напоминать о том, что большинство горожан, да и я в том числе, никогда не собирались становиться воинами и оказались здесь благодаря случайному стечению обстоятельств.

— Дай выпить, — попросил я, и когда Холин протянул мне бурдюк сделал большой глоток.

От вина стало значительно легче. Казалось, что скрытая во мне пружина стала потихоньку разжиматься. По крайней мере руки перестали дрожать.

Месть за внезапное нападение не заставила себя долго ждать. Со смотровых площадок верхнего укрепления ударили тяжелые арбалеты. Длинные стрелы, обмотанные горячей паклей, посыпались на лагерь степняков. Болты пробивали тканевые борта кибиток, вонзались в высокие колеса, прошивали насквозь шатры, нанизывали словно на вертел тела зазевавшихся кочевников. Тяжелых арбалетов на стене было немного, поэтому серьезного урона живой силе противника они нанести не могли, но от зажжённых просмоленных тряпок в лагере степняков начался пожар. Теперь уже стало совершенно очевидно, что не будет никакого обоза и выкупа, что отныне две армии будут истреблять друг друга до тех пор, пока одна из них не дрогнет и не отступит. Горожане без жалости уничтожали оставшееся в поле имущество. Горел не только лагерь степняков, но и брошенные за стеной дома и купеческие склады. Кочевники без страха бросались в огонь, выводили упирающихся лошадей, оттаскивали пылающие кибитки, опрокидывали дымящиеся шатры. Действуя быстро и слаженно, они довольно быстро справились с пожаром. Похоже им удалось избежать серьезных потерь в лагере, а о сгоревших постройках они не особенно заботились. К чему им несколько домов, если они собирались захватить целый город? Глядя на мечущихся кочевников, я испытал ни с чем не сравнимую радость. В почти молитвенном экстазе я даже забрался на зубец стены и что-то кричал, потрясая кулаками. Невероятный душевный подъем, которой я испытал при виде разорения вражеского лагеря, одновременно обрадовал и напугал меня. Многие на стене радовались гибели чужаков, но никто не выражал свои эмоции так бурно, как я. Когда я, смущенно улыбаясь слез со стены Холин удивленно посмотрел на меня и покачал головой.

— Что?! — с вызовом спросил я.

— Ничего, — юный стражник крикнул, — вот ты разошелся.

Наступило затишье. Кочевники разбирали лагерь, с полей тянуло гарью. Не думаю, что мы смогли нанести большой урон вражескому войску. Тяжелых арбалетов у нас было совсем мало, а из обычных степняков на таком расстоянии было не достать. Пожгли немного и то хорошо. В следующий раз крепко подумают прежде чем идти на приступ. Не знаю, как остальным, но мне было жалко уничтоженного пригорода. Сухая древесина хорошо горела, в небо поднимался густой черный дым.

Мы с Холином честно отстояли до темноты в карауле, и командир отпустил нас отдохнуть и погреться у очага. Новых ополченцев городские власти не прислали, поэтому возле костра нашлось для нас место. Ключники запаздывали с ужином и Холин начал недовольно ворчать. За день я ужасно устал от его нытья и жалоб на дырявую одежду и

плохую кормежку.

— Слушай, — не выдержал я, — сколько можно о еде говорить. Дай тебе волю весь мир сожрешь!

Юный стражник обиделся.

— Чего это ты на меня взъелся? Сам что ли есть не хочешь?

— Не хочу, — буркнул я и сунул ему в руку кусок колбасы с утра завалившийся в мешке, — на держи.

— Спасибо! — мальчишка повеселел.

— А что ты удивляешься, — спросил он, — вот тебя сколько раз в день в монастыре кормили?

— Три.

— А меня один. У нас ведь бывает, что вообще на зуб положить нечего. Денег не заработал сиди голодай, поэтому и стараемся наесться впрок. Да и вообще какие у бедняков радости? Поел, поспал в тепле вот и все.

Конечно Холин был прав и последние годы мне жилось намного лучше, чем ему. Просто я никак не мог привыкнуть к тому, что все наши беседы сводились к еде. Хотя, о чем могли разговаривать два совершенно разных человека волею судьбы, случайно оказавшиеся вместе. Не о молитвах же мне с ним говорить и не о бессмертной душе. И все-таки нескончаемая болтовня о трудном быте городских стражников действовала мне на нервы.

— Зато вам жениться можно, — сказал я, чтобы уйти от надоевшей темы.

Среди молодых монахов о женщинах говорили постоянно. В силу возраста меня этот вопрос не особенно волновал, зато послушники постарше ни о чем другом думать не могли и часто до глубокой ночи говорили о женских прелестях. Обет безбрачия не давал нам права жениться, но кто же может помешать монаху мечтать?

От неожиданности Холин поперхнулся.

— Вот уж радость великая лишней рот в дом тащить! Была бы моя воля вообще бы никогда не женился.

— Кто ж тебя заставляет, — удивился я, — или отец тебя может продать родителям невесты, как продал нас в ополчение?

Холин фыркнул.

— Запросто. Сговорятся и женят, а мне потом мучайся. Отцу все-равно лишь бы приданное хорошее дали. Может вообще мне какую-нибудь страхолюдину подсунет.

— Ты что же сам себе подругу выбрать не можешь? — удивился я.

— Это только дворяне сами выбирают, а у нас старшие уговариваются, — ответил мальчишка, — бывает только на свадьбе невесту и увидишь.

Холин запихал в рот остатки колбасы, прожевал и тяжело вздохнул.

— И почему я не родился дворянином, вот у кого жизнь интересная. Все как один воины, владеют настоящей магией, сильные, смелые, богатые, сами себе жен выбирают.

— Не скажи, — буркнул сидящий рядом дядька, — у них жизнь тоже не мед. Вот ты, если степняки в крепость ворвутся бросишь все и сбежишь, а дворянину нельзя. Позор несмыаемый.

Раньше ополченцы держались особняком и рта без нужды не раскрывали, но сегодня после пережитого ужаса все старались быть ближе друг к другу, поэтому на стене завязывались новые знакомства и люди встречали в чужой разговор без всякого смущения. Никто не был против. За дружеской беседой время летит незаметно и не так страшно думать

о том, что будет завтра со всеми нами.

— И что? — с вызовом спросил Холин.

— А то, что ты спрячешься, а дворянин будет до последнего биться и умрет, потому что клятву особую дал.

Мой приятель не нашелся, что на это возразить. У костра возникло неловкое молчание. Казалось все задумались над тем, какого это исполнить такую клятву. А я вспомнил Химона стоящего в проходе возле дверей, ведущих в покои владыки и еще раз мысленно помолился за него.

— Зато у них денег много, — сказал молодой парень сидящий справа от меня.

— Это у купцов много, — не унимался пожилой ополченец, — а дворянам король крохи платит, да говорят еще и задерживает.

— Что же они бедствуют? — со смешком спросил кто-то.

— Нет конечно, — согласился мужичок и пошевелил угли палкой, — дома им за счет города строят, почести там всякие, то да сё.

— А ты откуда все это знаешь? — с сомнением спросил Холин.

— В услужении был вот и знаю, — огрызнулся дядька, похоже его задело, что другие отнеслись к его словам с недоверием.

Я смотрел на огонь и размышлял над словами наемника. Конечно я много читал о дворянах, но в книгах писали в основном о героических подвигах на поле брани, а о жизни и быте воинского сословия в них почти ничего не было. Как все эти годы жил Химон? Ведь он действительно богачом не был, денег в тайнике нашлось совсем мало. О чем старик думал, о чем мечтал, что стало с его родными и близкими?

К нам подсело несколько ополченцев и у огня сразу стало тесно.

— А еще я слышал, — сказал незнакомый молодой паренек, — что дворяне наследство кому хочешь оставить могут, даже простолюдину. Главное слово заветное знать. Вот захочет дворянин тебя наследником сделать, позовет и слово это скажет.

— Враки все это, — не согласился мужичок, который казалось знал все на свете, — ну знаешь ты слово, а делать то с ним что? Кому назвать?

— Вот этого я не знаю, — огорчился паренек.

— Говорю же враки.

— Это правда, — сказал я.

В свое время в одной из книг я наткнулся на похожую историю. Фиолин мудрый описывал случай, когда бастард стал наследником известного рода.

— Каждый дворянин-воин владеет тайным словом, которое принадлежит его роду. Оно записано в скрижалях. Оставляя родственнику имущество он обязательно это слово должен назвать.

— Вот! Я же говорил, — молодой ополченец обрадовался неожиданной поддержке.

— Только вот простолюдину никто этого слова не скажет, — ухмыльнулся я и процитировал слова трактата, — ибо только равный может наследовать оружие, землю и дом.

Наконец появились ключники и принесли дрова, кашу и вино. После еды мы с Холином легли у костра, прижались друг к другу для тепла и постарались уснуть. Я довольно быстро задремал и кажется даже успел увидеть короткий сон, когда приятель ткнул меня локтем в бок.

— Что такое? — спросил я, повернулся и недоуменно захлопал глазами.

— А здорово было бы, если бы Химон тебе тайное слово сказал, — мечтательно произнес Холин.

— Какое слово? — не сразу понял я.

— Ну то с которым дворянином станowiąтся. Ты бы мог сойти за вельможу, говоришь красиво, книг много читал.

— Да ну тебя, — я опять повернулся к нему спиной и попробовал устроиться поудобнее, — какой из меня дворянин? Мечом не владею, магии не знаю.

— А все-таки, — не унимался Холин, — ты бы стал воином, а я к тебе в услужение пошел. Представляешь, какая бы у нас жизнь началась, если бы Химон на прощание всего одно слово сказал?

Я надвинул капюшон на глаза и зевнул.

— Ну так не сказал же.

У очага было тепло, кто-то все время подбрасывал дрова, поэтому ночью я просыпался только два раза. Рядом храпели ополченцы, тихонько посапывал Холин. Всякий раз открывая глаза я видел вышагивающих на стене часовых и опять проваливался в черную пропасть без сновидений. Утром меня кто-то грубо потряс за плечо, я хотел было возмутиться, но человек зажал мне рот ладонью.

— Молчи и слушай, — прошипел встревоженный голос, я не сразу узнал командира, — тихо разбуди остальных. Кочевники что-то готовят. Вставайте к бойницам и заряжайте арбалеты.

С большим трудом мне удалось растолкать товарищей, утренний сон крепок.

Из степи напóлзал туман. Я до боли в глазах всматривался в белое облако и зябко поеживался. Холин стоял рядом и стучал зубами от холода. Ополченцы проверяли оружие, поправляли кожаные шлемы и нагрудники, боязливо выглядывали из-за зубцов. По проходу прошли два старика развешивая на крюках колчаны с запасными стрелами. Беспокойство командиров передалось и мне, казалось, что под стеной действительно что-то происходит, до нас долетали обрывки непонятных разговоров, где-то поблизости звенела сбруя, фыркали лошади.

Неожиданно вся долина взорвалась злобными криками, засвистели камышовые свистульки, загудели рога, ударили барабаны и прямо на нас из тумана вынырнули степняки. Пехотинцы тащили заготовленные заранее штурмовые лестницы, всадники готовились стрелять и натягивали короткие луки.

— К бою, — закричали командиры, размахивая красными флажками, — к бойницам, к бойницам!

Я высунулся между зубцами и прицелился в одного из кочевников. Лица противника я не видел, мешала надвинутая на глаза меховая шапка.

— Не ждите команды, — приказал кто-то из старших, — стреляйте по готовности.

Я выстрелил. Расстояние было небольшое и я попал с первого раза, правда ни туда куда целился. Арбалетный болт угодил кочевнику в ногу. Я не слышал его крика, но видел, как он повалился на землю, выпустив из рук приставную лестницу.

За вчерашний день я научился заряжать и разряжать арбалет. После тренировки болели пальцы. Хорошо, что нам выдали специальные рукавички, а то бы я точно поранился. Чтобы зарядить настоящий боевой арбалет нужно специальное приспособление, особый ворот, который натягивает тетиву. Наше оружие было попроще и все-таки обращение с ним

требовало определенной сноровки.

— Арбалетчики стреляй! Камни кидай! — кричали командиры.

Степняки были уже под стеной и несколько ополченцев схватили приготовленные заранее тесанные глыбы, с трудом подтащили к проему и сбросили на головы атакующих. Все вокруг кричали — ополченцы от страха, кочевники от злости. Оглушенный и испуганный я заряжал арбалет и стрелял в бегущие темные фигуры. В очередной раз заняв позицию между зубцами я сунулся вперед, чтобы выпустить приготовленный болт, когда тяжелая стрела ударила меня в середину груди. Нагрудник выдержал, наконечник застрял в железе и только оцарапал кожу, но удар был так силен, что я повалился навзничь.

— Ты что это? — Холин склонился надо мной.

— Ничего, — прохрипел я и попытался подняться, хватаясь пальцами за воздух.

Мальчишка помог мне встать и выдернул застрявшую стрелу.

— Легко отделался, — он хлопнул меня по плечу и вернулся на свое место.

А степняки уже установили лестницы и теперь лезли на стену, размахивая кривыми саблями. Падая я выпустил из рук арбалет. Времени на то, чтобы искать его у меня не было, еще минута и нападавшие окажутся на стене, поэтому я выхватил саблю и ткнул ею первого степняка, который показался в проеме. На моем противнике не оказалось никаких доспехов, только толстый халат. Я ударил его в живот и когда обмякшее тело стало уходить назад выдернул клинок.

Это было уже второе убийство, которое мне пришлось совершить. Почти все мои стрелы были потрачены впустую, а те, в кого мне удалось попасть были только ранены и кажется не собирались умирать. Божьей кары я не боялся, потому что не было греха в том, чтобы защищать от врагов свою родину и все-таки сердце мое бешено застучало и чуть не выпрыгнуло из груди. На мгновение мне показалось, что боги вынули из меня душу и подбросили высоко вверх, чтобы она смогла взглянуть на поле боя с высоты птичьего полета и ужаснуться увиденному. Если бы горожане знали сколько воинов пришло из степи, они бы сразу открыли ворота и отдали захватчикам все деньги и драгоценности, которые имели. Невозможно было остановить многотысячную орду. Те же, кто сейчас лез на стены были только маленькой частью вражеской армии, передовым отрядом, брошенным ханами на штурм Пауса.

Стрелы сыпались с неба словно град. Казалось кочевники не думали о том, что могут попасть по своим. Крепость огрызалась из последних сил. С верхних площадок вниз летели арбалетные болты, огненные вспышки расцветали по всей стене, но всего этого было недостаточно для того, чтобы остановить обезумевших от крови степняков. Они несли большие потери, но не желали отступать. Ханы выставили против центральной башни лучших стрелков, которые перебили большинство защитников и не давали оставшимся в живых подойти к бойницам. Если с верхней смотровой площадки вниз еще летели стрелы и камни, то сама башня замолчала. Воодушевленные этой небольшой победой степняки усилили натиск и смогли захватить часть стены. Положение наше стало угрожающим. Ополчению оставалось только умереть, защищая нижнее укрепление, потому что прорваться в город мы не могли, выход из башни был заблокирован. Нашу группу теснили к выходу, но мы упирались, как могли. Слава богам мы с Холином оказались в задних рядах. Я уже был с головы до ног забрызган чужой кровью и почти не чувствовал рук. В общей суматохе и скученности никто не думал об искусстве фехтования, мы просто рубили со всей силы или кололи при любой возможности. Большинство моих противников даже не успевали

защититься, потому что в момент нападения думали только о том, как бы не свалиться вниз и поскорее перебраться с качающейся лестницы на каменную стену. Мой нагрудник был весь исполосован режущими ударами, один ремешок порвался и доспехи держались только на добром слове. В тот момент, когда стало казаться, что надежды на спасение больше нет за нашими спинами раздался глухой скрежет и радостные крики. Я оглянулся. Решетка закрывающая проход в башню сдвинулась и стала медленно подниматься, за ней показалась кованная дверь. Не знаю, что произошло, возможно, сломался удерживающий механизм или один из стражников раненый стрелой сорвался с внутреннего балкона и падая выбил клин фиксирующий положение опускающейся решетки. Несколько человек кинулись к двери и склонились над замком. Среди ополченцев было много ремесленников, и я бы не удивился, если бы узнал, что именно они когда-то ковали ключи для этой двери.

— Задержите их, — кричал один, показывая на надвигающуюся волну степняков, — сейчас откроем!

— Стойте! Нельзя! — кричали командиры, но они были слишком далеко и не могли пробиться к башне. Внутри меня все заледенело. Если дверь откроют нападающие хлынут в город и больше никакая сила их не удержит, а если замок не поддастся мы все здесь погибнем. Что просить у богов, о чем молить?

Выбравшиеся в проход степняки откатились назад, чтобы перегруппироваться, а ополченцы отпрянули в сторону освобождая пространство для удара. На мгновение обе армии замерли. С одной стороны, выстроились кочевники, выставив вперед сабли и укрывшись круглыми щитами, с другой горожане с копьями и заряженными арбалетами. В тот момент, когда они бросились друг на друга, замок в двери поддался. Стоявшие под башней ополченцы устремились в образовавшийся проход. Они не захотели умирать на стене, а о том, что будет, если враги ворвутся в город никто из них не подумал. Обезумевшая толпа вынесла нас с Холином сначала на лестницу, потом в нижнюю залу, а оттуда на улицу.

Ополчение вырвалось в город и растворилось в близлежащих улицах. Никому не пришло в голову организовать оборону и остановить бегущих по пятам степняков. Люди были так напуганы, что словно зайцы бросились прятаться по домам и закоулкам. Небольшой отряд, оставшийся на стене, перебили очень быстро, и кочевники хлынули на городские улицы. Паус оказался совершенно незащищен, потому что ополчение либо погибло, либо разбежалось, а воины, дежурившие в верхнем укреплении, не сразу поняли, что происходит, а когда разобрались, что к чему в городе уже шла резня.

В безумном человеческом водовороте я потерял Холина. Когда неуправляемая толпа выплеснулась на базарную площадь, и растеклась по улицам я оказался совершенно один среди палаток, шатров и торговых прилавков. Еще никто ничего не понимал, и горожане с удивлением смотрели на забрызганных кровью ополченцев. Я столкнулся в проходе с двумя дородными тетками, которые при виде моей испачканной одежды брезгливо поджали губы.

— Пошел отсюда, оборванец, — прикрикнула одна.

Не слушая глупую торговку, я вскарабкался на какую-то бочку, надеясь с высоты разглядеть лохматую макушку своего друга, но за палатками ничего не было видно.

— Пошел говорю, — толстуха замахнулась на меня тряпкой.

Я ловко увернулся и прыгнул на мостовую.

— Прячьтесь, — на бегу выкрикнул я и метнулся в боковой проход в надежде, что он приведет меня к дому Холина, я был уверен, что юный стражник побежит именно туда, но

оказался в тупике, заставленном какими-то бочками. Пока я оттуда выбирался и искал другой путь собравшиеся на площади наконец сообразили, что дело нечисто. Завопили перепуганные торговки, засуетились мелкие лотошники, подхватив тяжелые корзины и задрав длинные юбки бросились в рассыпную служанки, отправленные хозяевами за покупками. Пользуясь моментом мелкое ворье стало хватать с лотков все, что плохо лежит.

Оглушенный истошными криками я свернул на незнакомую улицу. Нужно было как можно скорее уходить с базарной площади. Будем надеяться, что в этой кутерьме боги позволят мне отыскать Холина.

Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы я повернул не на том перекрестке. Скорее всего моя короткая жизнь закончилась бы в сточной канаве гибнущего города, но миновав несколько улиц я свернул направо и сам того не подозревая оказался в "служилом" квартале в двух шагах от каменной лестницы ведущей в верхнее укрепление. Выскочив из переулка я нос к носу столкнулся с толпой вооруженных мужчин, которые передвигались с такой скоростью, что едва не сбили меня с ног. Теперь, когда враг ворвался в город не было никакого смысла оставаться на верхней стене и многочисленные защитники бросились вниз. Командиры пытались их образумить, но остановить стражников и мобилизованных горожан было невозможно, они больше не слушали приказов. Люди хотели спасти собственные семьи и нажитое имущество. Именно с такой группой я и встретился в "служилом" квартале. Мне пришлось прижаться к стене, чтобы толпа не сбита меня с ног.

— Ты кто такой?!

Кто-то схватил меня за шиворот.

Я постарался вырваться, но рука держала крепко.

Похоже не все сегодня хотели поскорее попасть домой. Рядом со мной остановилось несколько вооруженных до зубов мужчин. Они не были похожи на стражников: короткие мечи, кольчуги или металлические нагрудники, у двоих я заметил арбалеты, а у того, кто схватил меня за поясом красовался магический жезл.

— Я из ополчения.

— Здесь, что делаешь? — сурово спросил дворянин.

— Ищу свой отряд, — соврал я.

— Ерунда, — проворчал один из солдат, — он из тех, кто бросил стену. Приколоть его и делу конец.

Неожиданно дворянин отпустил меня.

— Посмотри на него, — сказал он своему спутнику, — мальчишка весь в крови, а ран на нем я не заметил и у него сабля степняка.

— Тебе приходилось убивать? — спросил он в упор разглядывая меня.

— Да.

— В глаза смотри. Скольких ты убил?

— Трех, — сказал я, но спохватился, вспомнив мертвого кочевника у хижины Химона, — четверых.

— Ого! — присвистнул солдат, который предложил меня заколоть.

— С нами пойдешь, — проворчал дворянин и подтолкнул меня к остальным, — мне кровожадные волчата нужны.

Выхода у меня не было, и я последовал за незнакомцами. Надо сказать, что вели они себя довольно странно. Казалось им не было никакого дела до того, что в город ворвались степняки, по крайней мере они не торопились спастись бегством или наоборот спешить

навстречу врагам. Создавалось ощущение, что у отряда есть задание, какая-то важная миссия, которую он должен выполнить во что бы то ни стало. Группа передвигалась скрытно, избегая центральных улиц. Проводники вели нас проходными дворами и неприметными переулками. В городе я ориентировался плохо, но кажется мы уходили прочь от стены в сторону окраин. По дороге к отряду присоединилось еще несколько человек. Двоих поймали так же, как и меня, остальные пошли с нами добровольно.

Их можно было понять, передвигаться в одиночку стало опасно. В городе творилось что-то невообразимое. Казалось люди обезумели. Прослышав о том, что стена пала, законопослушные граждане решили, что терять им больше нечего. Они хватали обезумевших от ужаса женщин прямо на улицах, врывались к соседям и занимались откровенным разбоем. Задолго до появления кочевников город разграбили собственные жители. Глядя на весь этот кошмар, я больше не думал о том, чтобы отыскать Холина и очень надеялся на то, что с ним все будет хорошо. При случае я собирался помолиться богам за его здоровье и попросить у них совета и помощи. Похоже теперь мне придется заботиться о себе самому и выживать в этом сложном мире в одиночку.

Пробираясь узкими улочками, мы несколько раз становились свидетелями ужасных кровавых сцен. Остановить насильников и мародеров было некому, поэтому опьяненные безнаказанностью мерзавцы ничего не боялись. Занятые своими гнусными делами они не обратили на нас никакого внимания и жестоко поплатились за это. Их прирезали быстро и без лишних разговоров.

На выходе из Пауса порядка было больше, здесь дежурила стража и несколько дворян. Со стороны долины крепостной стены не было. Реку Суру считали надежной естественной преградой, поэтому городские власти не стали тратиться на укрепления и ограничились тем, что возвели по краям моста две низкие деревянные сторожевые башни. Ранним утром поток беженцев был не так силен, но сейчас, когда в городе началась паника на переправу хлынуло сразу много людей. Бегущие от войны жители старались побыстрее перебраться на другой берег и выйти на единственную дорогу, ведущую прочь из города. На середине моста несколько человек упали и не смогли подняться, возникла давка. Стража бросилась расталкивать напирающую толпу, используя в качестве оружия кулаки и древки копий, но перепуганные жители упрямо лезли на рожон.

Дворяне, дежурившие у переправы, предпочли не вмешиваться в драку и наблюдать за ней со стороны. Не дело настоящих воинов растаскивать разошедшихся горожан. Они тепло приветствовали нашего командира, спустились с ним под мост и принялись что-то обсуждать.

Тем временем разъяренные стражники пустили в ход мечи. Не желая покалечить горожан, они били их плашмя по макушкам и плечам, а нескольких особенно рьяных скандалистов просто столкнули в воду. Порядок на мосту был восстановлен. К сожалению, в давке погибло несколько человек. Мужчины вынесли и уложили на мостовую старика и маленькую девочку. При виде мертвого ребенка на глазах у меня навернулись слезы.

— Эй, что это ты разнюнился? — ехидно спросил солдат, который раньше предлагал меня убить, — ты же вроде со стены, уже должен был насмотреться на мертвецов.

— Там детей не убивали, — сказал я и отошел в сторону.

— Слюнтяй, — бросил он мне вслед.

Все люди по-разному воспринимали свалившееся на город бедствие. Были те, кто боялся высунуть нос из дома и прятался в надежде сохранить свою жалкую жизнь, были те,

кто воспользовался неразберихой, чтобы нажиться на чужом горе, но были и те, кто поспешил на помощь соседям. Рядом с тем местом, где расположился наш отряд несколько рыбаков организовали переправу. Они бесплатно перевозили на лодках всех, кто хотел перебраться на другой берег, но боялся быть растоптанным на мосту. В основном это были женщины с детьми и дряхлые старики.

"Как далеко они смогут отойти от города? Что ждет этих несчастных в пути?" — думал я, глядя на перепуганных беженцев. Ответа на эти вопросы у меня не было. В задумчивости я потер рану на груди. Кровь давно застывала, но в месте укола болела распоротая кожа и ныло ребро.

"А что ждет нас и тех, кто не успеет покинуть город в ближайшее время?" — с тоской подумал я и "наострил уши" в надежде услышать, о чем между собой говорили дворяне.

— Если не удержим мост отойдем к лесу, — сказал один из воинов, отвернулся и сплюнул в мутный поток, — а там и до Западной стены рукой подать, переход займет несколько дней.

Я проследил за его взглядом. Сразу за рекой начиналась знаменитая Приграничная пуща — дремучий лес, который тянулся до самой Западной стены. Это массивное сооружение построили меньше века назад, как дополнительную защиту от степи. В ополчении говорили о том, что если королевская гвардия не успеет вовремя подойти к Паусу, то для решающей битвы остановится именно там. Это была последняя линия обороны. Если и она падет путь в столицу будет открыт.

Мне не хотелось возвращаться к солдатам, поэтому я спустился к реке, умылся и попытался оттереть с сабли и нагрудника засохшую кровь. На какое-то время это занятие целиком поглотило меня. Когда я закончил и повернулся оказалось, что стоящие рядом дворяне смотрят на меня. На всякий случай я низко поклонился, ломая голову над тем, чем мог так заинтересовать друзей своего нового командира.

— Подойди, — сказал один из дворян.

Я подбежал и еще раз низко поклонился.

— Откуда я тебя знаю? — задумчиво спросил воин и прищурился.

Я похолодел от ужаса. Передо мной стоял дворянин, который чуть не прибил меня в монастыре за то, что я прикоснулся к его мечу. Он был в отряде знатного вельможи навестившего владыку перед самой войной. Кажется, его звали Кабу. Чтобы не встретиться с ним глазами я склонился почти до самой земли.

— Морда у тебя знакомая, — продолжал воин.

— Ладно, — сказал предводитель нашего отряда, — не до того сейчас.

— Иди к остальным, — приказал он мне.

Я не заставил просить себя дважды. Не знаю, что будет, если воин узнает во мне послушника.

"А с другой стороны, что он может мне сделать?" — подумал я, — "им нужны солдаты, значит в ближайший монастырь меня точно не отправят".

Как я успел заметить в нашем отряде кроме меня ополченцев не было, на стражников солдаты тоже ходили мало, если не считать тех, кто пристал по дороге. Возможно это были слуги и захребетники, которые сопровождали знатных господ. Если первые нанимались за деньги, то судьба последних была незавидна, проданные семьей за долги они не могли ослушаться хозяина и без сомнения пошли бы на верную смерть. Спутники дворянина смотрели на нас свысока. Люди, недавно присоединившиеся к отряду, отошли в

сторону, чтобы не слышать колких замечаний и глумливых подначек. Видимо не только меня задевали насмешки дворянских слуг. Я присоединился к изгоям.

— Ты что стражник? — спросил угрюмый дядька.

— Нет, с чего ты взял? — удивился я.

— Крови не боишься, — ответил новый знакомый и тяжело вздохнул, — я, когда увидел, как ты свою саблю намываешь чуть богам душу не отдал. Я человек мирный, крови боюсь. Вот и подумал, что ты стражник. Говорят, они ко всему привычные.

— Нет, — я покачал головой, — раньше в слугах ходил, двор подметал, ночные горшки чистил.

Дядька понимающе кивнул.

— А я купцу одному служил. Как услышал, что степняки стену захватили взял свое барахло и пошел на улицу. Семьи нет, дома нет, так что терять нечего.

— А копье, где взял?

— Мародера одного придушил. У него забрал.

Дворяне о чем-то заспорили. Среди них было несколько совсем молодых парней немногим старше меня. Было заметно, что они не согласны с остальными, но судя по всему к их мнению никто не собирался прислушиваться. Командир махнул рукой призывая нас к себе. Когда мы подошли я услышал, как один из молодых воинов сказал, — все равно я считаю, что мы должны остаться здесь. Кто если не мы защитит горожан, когда к переправе подойдут степняки?

— Не наше дело спасать беженцев, — резко ответил пожилой дворянин, — мы должны защищать мост до подхода гвардии, а на этом берегу нам не удержаться.

— Собирайте вещи, — сказал нам командир, — мы уходим.

Отряд спустился к воде и несколько воинов подошли к лодочникам, расталкивая женщин и детей. Собравшаяся у реки толпа недовольно загудела. Судя по всему, перевозкой занимались члены одной семьи — старик и двое молодых парней. Они как раз собирались переправить на другой берег очередную партию беженцев. При виде знатных господ старший рыбак вышел вперед.

— Надо перевезти моих людей, — сказал ему наш новый командир.

Похоже он не хотел вести отряд по мосту. Народ все прибывал и у переправы столпилось много перепуганных и озлобленных людей, так что пробиться на другой берег было совсем непросто.

— Не могу, господин, — ответил старик без всякого почтения, разгоряченный работой и опьяненный решимостью совершать добрые дела он даже не поклонился, — я спасаю женщин и детей.

— Надо перевести моих людей, — словно не слыша повторил воин, он не повысил голос и даже не посмотрел на упрянца, — приказ короля.

— Король далеко, а степняки близко, — ехидно ответил рыбак и задиристо дернул лохматой головой, — пока я не перевезу этих людей...

В следующее мгновение старик поперхнулся и согнулся пополам. Толпа ахнула и отпрянула в ужасе. Воин убрал кинжал в ножны, повернулся к молодому рыбаку и таким же бесцветным голосом сказал, — Надо перевести моих людей. Немедленно.

Вода в Суре была черная и мутная, под мостом притаились опасные водовороты.

— Осторожно, — кричали из первой лодки, — по носу топляк.

Со своего места я видел широкую спину рыбака, копну давно нечесанных волос. О чем он думал? Жалел ли отца или наоборот радовался, что после смерти родителя станет старшим в семье и завладеет доходным делом? Особенного горя у него на лице я не заметил. После того, как старик вытянулся на земле и затих, рыбаки оттащили мертвое тело в сторону, накрыли какой-то старой дерюгой и помогли нам забраться в лодки. Притихшая толпа побоялась помешать погрузке, никто не хотел последовать за упрямым стариком.

Я старался не смотреть на командира. После того, как он хладнокровно убил ни в чем не повинного рыбака я начал испытывать страх перед этим человеком. В монастыре нас учили, что любая жизнь дарована богами и потому бесценна, но теперь столкнувшись с подобной жестокостью я уже не был в этом уверен. Сам того не желая, я оказался под командованием человека, который не задумываясь уничтожит любого, кто встанет у него на пути. Теперь даже неосторожно сказанное слово может стоить мне жизни.

— Наддай, — крикнул рыбак, шумно выдохнул и оттолкнулся длинным шестом.

Я оглянулся посмотреть на притихшую толпу, столпившуюся у пристани. Несколько человек склонились над телом мертвого рыбака и что-то с ним делали. Мне хотелось верить в то, что беженцы прощаются с покойным, который пытался им помочь, а не роются в его карманах.

Умные книги и рассказы учителей исказили мои представления о мире. Все эти годы я прожил в воображаемом королевстве. Зачем монахи скрывали от послушников правду? Почему боялись называть вещи своими именами? После всего, что мне пришлось пережить скучное и однообразное существование в монастыре стало восприниматься совсем по-другому. Если бы боги предложили мне вернуть все назад я бы не задумываясь променял свою вольную жизнь на сырую общую спальню и опостылевшую метлу.

Когда мы оказались на другом берегу командир сразу отправил арбалетчиков на башни, а двоим стражникам, вооруженным топорами, приказал свалить несколько деревьев.

— Толстые стволы не выбирайте, сучья не обрубайте, — напутствовал он новоиспеченных лесорубов, — свалите несколько деревьев и сразу тащите к мосту.

— Помогите им, — сказал дворянин своим людям, которые в ожидании приказаний расселись у дороги.

Толпы беженцев спускались к реке и шли через мост. Казалось, что все жители в одно мгновение решили покинуть город. Мне еще никогда не приходилось видеть такого большого скопления людей. Из Пауса бежали не только женщины и дети, по мосту шли купцы и ремесленники, слуги, писцы, стряпчие, трактирщики и монахи. С последними я совсем не хотел встречаться, поэтому поднялся в башню и остался вместе с арбалетчиками. Никто не обратил на меня никакого внимания. Отсюда сверху картина всеобщего исхода казалась еще более величественной и печальной.

Постепенно поток людей начал иссякать, и давка на мосту прекратилась сама собой. Теперь из боковых улочек, ведущих к переправе, появлялись только небольшие группы горожан, которые тревожно оглядываясь бегом устремлялись на другой берег.

Какой-то странный звук, похожий на долгий жалобный стон повис над городом. Я замер тревожно прислушиваясь. Казалось, что иногда в нем можно было различить отдельные крики полные боли и ужаса. По спине побежали ледяные мурашки. Я подумал, что именно так должна звучать преисподняя.

Стоящий рядом арбалетчик надел на голову железную каску.

— Шел бы ты вниз, — сказал он мне, потом свесился через перила и прокричал, — приготовьтесь!

Стражники успели свалить несколько елок и перенести их к переправе. Сейчас они в спешке обрезали сучья и затаскивали стволы друг на друга, чтобы перегородить проход. Заграждение не давало надежной защиты от копий и стрел, зато могло надолго задержать вражеских всадников. Перепрыгнуть его на полном скаку было не просто. Обрезанные и заостренные ветки представляли серьезную опасность для тех, кто захочет рискнуть.

— Спрячьтесь, пусть думают, что мост никто не охраняет, — сказал командир.

Мы бросились врассыпную. В одно мгновение берег опустел. Солдаты укрылись в тени башен, несколько человек спрятались за опорами моста, а три дворянина распластались за завалом. Я думал, что подобно Химону они сейчас разложат маленькие заколдованные ящички полные таинственных приспособлений и зелий, но воины даже магические жезлы не стали брать в руки. Прижавшись к мокрым стволам, они спокойно ждали, что будет дальше. Я присел за большой бочкой, в которую с крыши стекала дождевая вода.

Неожиданно сверху раздался тихий свист. Из боковой улицы выскочил всадник. Он остановился на площади не решаясь выехать на мост. Лошадь под ним беспокойно переступала короткими ногами. Кочевник не спешил. Привстав в стременах, он долго всматривался в полосу леса за нашими спинами, потом поднял длинное копьё с прикрученным к древку значком племени и несколько раз махнул им из стороны в сторону. Через мгновение к нему присоединились еще несколько всадников. Я бросил взгляд на дворян, замерших в ожидании атаки. Ближайший ко мне воин потянул из-за пояса магический жезл, чиркнул кресалом и зажег фитиль. Совсем некстати я вспомнил, что сегодня еще не завтракал. Живот заурчал с такой силой, что, казалось, даже степняки на том берегу должны были его услышать. Меня затрясло. В ужасе я прижался к бочке и принялся неистово молиться.

Видимо всадники выскочили на мост, потому что я услышал, как застучали копыта по деревянному настилу. Из башен ударили арбалеты. Я не видел стрелков, но все понял по характерным хлопкам. Это только кажется, что лук и самострел стреляют беззвучно. На самом деле хлопок тетивы слышен издали, тем более, когда твои нервы напряжены до предела. Я наконец осмелился выглянуть из-за бочки и сразу об этом пожалел. Всадники были уже у самого завала. Видимо они решили с разгона перескочить неказистое на вид укрепление. Я видел, как под одним из степняков рухнула убитая стрелой лошадь, воин вылетел из седла и ударился о бревно перегородившее дорогу. Изувеченное тело несколько раз дернулось пронзенное острыми словно копыта сучьями. Дворяне, засевшие в засаде, выскочили на мост, загрохотали заколдованные жезлы. К моему удивлению не все решили воспользоваться магией. Пожилой воин выпрыгнул из-за завала и ловким, едва заметным движением выбил ближайшего всадника из седла. Не давая ему опомниться, он быстро добил раненого и напал на следующего, ловко увернувшись от лошадиных копыт. Я понимал, что должен был ему помочь, но побоялся выходить на мост. Лошади и люди метались в узком пространстве и казалось, что они сметут любого, кто окажется рядом. Не зная, что делать я встал в полный рост да так и застыл, сжимая саблю в руке. Бой закончился очень быстро. Последний оставшийся в живых всадник попытался спастись бегством, но его застрелили из арбалета. Стрелки, охранявшие мост, хорошо знали свое дело. Похоже эти солдаты стрел впустую не тратили не то, что мы с Холином.

С нашей стороны в драке пострадали двое — пожилой дворянин, который бросился в

самое пекло и стражник, приставший к отряду по дороге. Старого воина отнесли подалее от завала и уложили на заботливо расстеленный плащ. Он был очень плох, копье насквозь пронзило грудь, поэтому перевязывать его не стали. Один из молодых дворян остался с ним, видимо прощался. Стражнику разбили голову саблей.

Ко мне подошел командир.

— Ты не сражался, — сказал он, — я видел.

Я не нашелся, что сказать и только низко поклонился.

— Поучи его, — бросил дворянин одному из своих людей.

В следующее мгновение я получил увесистую затрещину и полетел на землю. От боли помутилось в глазах.

Командир склонился надо мной.

— Все сражаются, никто не прячется. В следующий раз он отрежет тебе палец.

Когда они ушли я еще какое-то время посидел на земле приходя в себя.

— Вставай, парень, — сказал угрюмый мужик, с которым я уже успел познакомиться, — с этими господами шутки плохи, делай, что говорят.

Не знаю, почему всадники напали на нас. Казалось все внимание степняков должно было быть приковано к городу. Перед ними лежал беззащитный Паус с открытыми складами, погребями, оружейными. Захватчикам оставалось только погрузить добро на телеги и вывезти в степь. Наверно именно этим они сейчас и занимались, потому что больше всадников на окраинах мы не видели, зато к переправе опять потянулись горожане. На наши вопросы они отвечали односложно, испуганно прятали глаза и старались как можно быстрее миновать мост и выбраться на дорогу, ведущую вглубь страны. К полудню над купеческим кварталом взмыли в небо черные дымы, запахло гарью.

Почти все, кто присоединился к отряду долгое время прожили в Паусе и теперь не могли спокойно наблюдать за его гибелью. У многих там остались друзья и знакомые. Даже мне прожившему всю жизнь вне городских стен хотелось броситься на помощь несчастным оставленным властями на произвол судьбы. Вынужденное бездействие и полная неопределенность сводили с ума. Постепенно люди стали покидать свои боевые посты и собираться небольшими группами. Скоро на башнях остались только арбалетчики. Дворяне расположились недалеко от моста и заговорили, обсуждая возможные действия кочевников. Простые стражники и слуги старались держаться от них подалее, когда господа ссорятся беднякам рядом делать нечего. Большинство воинов были уверены в том, что степняки ограбят город и уйдут. Они доказывали остальным, что варварам незачем идти дальше. Путь в столицу тернист и долог, а королевская гвардия сильна и многочисленна. Паус богатый город и захватчики найдут в нем все, что пожелают от серебра и дорогих товаров до рабов и наложниц.

— Столько добра за одни сутки не вывезти, — говорил воин, который чуть было не признал во мне послушника, — степняки потратят на сборы два, а то и три дня, так что в ближайшее время они к столице не пойдут.

Остальные кивали соглашаясь.

Судя по всему, наш командир не разделял уверенности своих вассалов. Он не участвовал в общем разговоре и все время к чему-то настороженно прислушивался. Я сразу вспомнил сидящего на стене Химона, который не давал мне и рта раскрыть, потому что ждал, когда засада степняков проявит себя на дороге и нападет на монастырский караван. Похоже

командир не верил в то, что кочевники разграбят город и уйдут, и готовился к самому худшему. А что может быть хуже, чем оказаться с горсткой солдат перед многотысячной армией?

Тизон Прозорливый считал, что дворянское сословие специально было вскормлено богами для войны. "Эти мужи воспитаны единственно для сражений, кровь и слезы не пугают их и словно бы придают сил. Они не испытывают страха перед превосходящим противником и готовы не щадить живота своего ради защиты короля и отечества" — писал он в трактате о воспитании мальчиков из благородных семей, — "поэтому даже, если вы не принадлежите к дворянскому роду, а занимаетесь торговым или иным почетным ремеслом, давая наставления чаду своему не забывайте ставить ему в пример великих воинов, чтобы он мог воспитать в себе лучшие качества человеческие".

Перебирая в памяти слова мудрого наставника я с тоской думал о том, что по праву рождения принадлежу к бесправной черни и не должен забивать себе голову возвышенными мыслями. Не мое это дело заботиться о безопасности страны и всего народа ее населяющего. Я с тоской смотрел на опустевшую городскую площадь и тщетно пытался понять за что мне выпала такая горькая судьба, и что великие боги хотят от испуганного и жалкого беглого послушника.

Воины зашумели сильнее прежнего, и командир сурово прикрикнул на них. Не знаю, чем он отличался от остальных, может быть был более знатен или опытен в сражениях, но все дворяне признавали его власть над собой и беспрекословно подчинялись ему. Только один человек не принимал участия в общем споре. Молодой воин так и остался сидеть возле родственника убитого во время атаки. Стараясь не шуметь, я подошел к нему и остановился в стороне почтительно склонив голову.

— Что тебе? — недовольно спросил юноша.

— Не могу ли я быть чем-нибудь полезен, господин? Я знаю молитву последнего пути и могу спеть погребальную песню.

Если бы смерть настигла вельможу в собственной постели родственники отнесли бы его тело к ближайшей горе и оставили в погребальной пещере или закрепили на склоне используя веревки и железные крючья, но здесь на равнине похороны, проведенные не по обряду, могли смутить кого угодно. Все-таки когда-то я был послушником, поэтому считал своим долгом помочь молодому человеку достойно проводить родственника в последний путь.

— Ты не похож на священника, — проворчал юноша.

— Я долгое время жил при монастыре, господин.

Молодой воин оглядел меня с ног до головы и согласно кивнул. Все равно молитву должен был кто-то прочесть, а на войне выбирать не приходится.

Я присел возле тела, сложил руки покойного на груди и принялся нараспев молиться. Первое время юноша подозрительно косился на меня, словно боялся обнаружить в моих действиях что-нибудь недозволенное, но потом успокоился, склонил голову и принялся шепотом повторять за мной слова погребальной песни. Прощаясь с погибшим воином, я украдкой поглядывал на лежащего в стороне мертвого стражника. Все кроме меня забыли о нем, но не должен человек уходить в мир иной без очищения, поэтому сидя над телом дворянина я молился сразу за двоих.

Допев песню, я взял щепотку земли и вложил в руку покойного. Злые ветры сдувают почву с высокогорных лугов и полей, поэтому идущий к вершинам должен принести с собой

немного, чтобы великим богам было на чем выращивать урожай времени, где каждое зернышко час, а колосок день.

Сначала я подумал, что остальные воины, занятые важными разговорами не обратили на мои действия никакого внимания, но потом случайно перехватил несколько настороженных взглядов. Подобный интерес не сулил мне ничего хорошего. Живя в обители, я научился безошибочно угадывать момент, когда старшие монахи выделяют тебя из толпы для того, чтобы отругать за проступок или поручить дополнительное задание. Вот и сейчас несмотря на то, что командир даже не смотрел в мою сторону, от нехорошего предчувствия по спине побежали ледяные мурашки. Он что-то обсуждал со своим помощником, невысоким дворянином, одетым в длинный до колен кожаный кафтан. Коротышка сразу привлекал к себе внимание, потому что был на голову ниже остальных. Шлема он не носил и оружие имел самое простое без серебряной насечки, но командир явно к нему благоволил и разговаривал почтительно, как с равным. Я заметил, что во время атаки степняков маленький воин храбро сражался. Он огляделся, выискивая кого-то взглядом, заметил меня и махнул рукой.

— Эй, ты! Подойди сюда.

Я быстро подбежал и поклонился. Видимо страх так явно читался на моем лице, что командир развеселился.

— Смотри-ка, — усмехнулся он, — я еще ничего не сказал, а мальчишка уже готов надеть в штаны.

— Бьюсь об заклад, — сказал коротышка, — у щенка хороший слух. Наверно он слышал наш разговор.

Я склонился до самой земли.

— Я ничего не слышал, господин.

— Молчи, если тебя не спрашивают. Встань ровно.

Я повиновался.

— Мне нужен разведчик, — сказал командир, — далеко ходить не надо. Перейдешь через мост, проверишь ближайшие улицы. Если что-нибудь заметишь сразу возвращайся.

— Хорошо, господин, — промямлил я.

— Оставь саблю и нагрудник, — посоветовал маленький воин, — если степняки тебя поймают в таком виде, то сразу прирежут. Избегай открытых мест и не иди через площадь.

Я сложил свои вещи под башней и не оглядываясь побежал к мосту. Никто ничего не сказал мне на прощанье, только злорадно усмехнулся солдат, который в свое время назвал меня слюнтяем и тяжело вздохнул угрюмый дядька, который был единственным кто проявил ко мне хоть какой-то интерес. Пригнувшись я перебежал через мост, перемахнул низкое каменное ограждение и скатился в сухие камыши. Для того, чтобы незамеченным подобраться к стоящим вдалеке лодочным сараям нужно было пройти по узкому пляжу и подняться по склону. Доковыляв до ближайшего строения, я вскарабкался наверх и медленно пошел вперед, стараясь держаться в тени ограды.

На площади было пусто, легкий ветерок гонял по мостовой опавшую листву и брошенный кем-то платок. Затравлено озираясь я свернул на ближайшую улицу. Слева высились глухие деревянные заборы, за которыми прятались маленькие одноэтажные домики, а справа тянулись торговые ряды, в которых судя по вывескам можно было купить мед, деревянную посуду и дешевое сукно.

Похоже степняки еще не успели побывать на этой улице, ворота и калитки оказались целы, а некоторые лавки не только закрыты, но и заперты на висячие замки. Пахло гарью, но запах этот шел не из дворов, а спускался сверху с гор. Вокруг стояла удивительная тишина, не лаяли собаки, не блеяли овцы. Я миновал несколько дворов, пока не увидел впереди приоткрытую калитку. Видимо засов забыли запереть, поэтому между створкой и столбом оставалась широкая щель. Это было то, что нужно. Перелезть через забор на виду у всей улицы я побоялся, вдруг хозяин дома захочет огреть лопатой по спине незваного гостя, а через прореху можно было заглянуть во двор. Я прильнул к щели, стараясь разглядеть хоть что-нибудь. Мне бросился в глаза покосившийся стол, перевернутый табурет и какая-то куча тряпья на земле. Видно было плохо и я слишком сильно навалился на калитку. Неожиданно она скрипнула и приоткрылась. Левая нога соскользнула и угодила в канаву, дырявый сапог сразу наполнился ледяной водой, но я этого даже не заметил, потому что лежащая передо мной куча тряпья оказалась человеческим телом. Чуть поодаль лежало еще одно. Дверь в дом была выбита и висела на одной петле, а в заборе, некогда отделявшем участок от соседей, было выломано несколько досок. Так вот почему здесь так тихо! Пока мы сидели в засаде степняки обшарили все дома и перебили жителей. Они шли задворками, переходили с участка на участок прорубая проходы в оградах, поэтому ворота остались целыми. Мне стало дурно. Я представил, как кочевники врываются в город и словно саранча заполняют дворы и дома. Может быть вельможи правы и для того, чтобы вывезти богатства Пауса варварам понадобится несколько дней, но для убийства безоружных людей им хватило нескольких часов.

Я попятился и дрожащей рукой прикрыл за собой калитку.

— Да упокоятся ваши души с миром, да будет путь к вершинам легким и быстрым, — зашептал я.

Нехорошо было оставлять тела под открытым небом, но что я мог поделать. У одного человека не хватит сил, чтобы оплакать и похоронить всех несчастных. Страшно было представить сколько людей сегодня погибло в Паусе и сколько еще отправится на божий суд в ближайшие часы и дни.

Городские власти не хотели вкладывать деньги в окраины. Деревянные мостовые обветшали и потрескались, а канавы на выезде из города осыпались и густо заросли черемухой и красным ивняком. Хозяева домов не спешили вырубать буйную растительность, потому что она до самой зимы скрывала от соседских глаз покосившиеся давно некрашенные заборы. На какое-то время разросшиеся кусты укрыли меня от посторонних глаз. Невидимый для всех я присел на корточки и задумался о том, что делать дальше. Идти в город было слишком опасно, можно было нарваться на кочевников, которые хозяйничали в разоренных домах и искали спрятанное имущество, но и возвращаться к командиру с пустыми руками было стыдно. Страх перед захватчиками гнал меня назад. "Скажу, что никого не встретил", — решил я и уже засобиравшись в обратный путь, когда какой-то странный звук привлек мое внимание. Осторожно стараясь не обнаружить себя, я раздвинул ветки и выглянул из своего укрытия. Казалось город вымер: ни людей, ни собак, даже птицы замолкли. В тот момент, когда я уже решил, что мне почудилось из-за облаков выглянуло солнце и осветило стоящие в конце улицы большие бочки. Видимо где-то поблизости располагалась винная лавка и работники специально выкатили их для продажи. Среди бочек что-то сверкнуло, и я не сразу сообразил, что это блестит полированный шишак на голове притаившегося стрелка. Я в ужасе отпрянул, и упругая ветка распрямившись хлестнула меня

по лицу. Выходит, степняки тоже устроили засаду!

Говорят, что у страха глаза велики. Может быть мне почудилось? Я опять раздвинул ветки и выглянул из кустов. Наверно степные боги специально отвели мне глаза. Оставалось только удивляться, как я сразу не заметил притаившихся стрелков, не расслышал лошадиный храп и доносящуюся из дворов приглушенную гортанную речь. Нужно было немедленно уходить. Пятясь задом и бормоча молитвы, я сполз в канаву.

Обратный путь к мосту показался мне очень долгим. Пока я словно уж полз по канаве моя одежда промокла насквозь. Добравшись до крайнего дома, я кубарем скатился вниз к самой воде и замер прислушиваясь. Теперь никакая сила не заставила бы меня выйти на мост. Может вражеские стрелки специально пропустили меня на этот берег, чтобы раньше времени на обнаруживать себя, а может посчитали, что моя скромная персона не заслуживает внимания, но в любом случае рисковать я не собирался. На мое счастье кто-то оставил на берегу самодельную плоскодонку. Я столкну ее в воду. Сильное течение сносило лодку, но это было даже хорошо, потому что протянувшиеся вдоль берега старые сараи должны были укрыть меня от вражеских наблюдателей. Оказалось, что управлять лодкой было не так-то просто. Я выбивался из последних сил, а противоположный берег и не думал приближаться. К тому же одно весло было короче другого и подчиняясь моим неумелым движениям лодка несколько раз вместо того, чтобы двигаться вперед начинала кружиться на одном месте. От усилий и ужаса я весь покрылся липким потом. Но все-таки через какое-то время я приноровился, и лодка перестала рыскать из стороны в сторону.

Командир внимательно выслушал меня и отпустил отдыхать. С трудом передвигая ноги я поплелся восвояси, с одежды ручьем стекала вода. Я не чувствовал холода пока махал веслами, но сейчас по спине побежали ледяные мурашки и зубы принялись выбивать причудливую дробь. После такой прогулки можно было запросто простудиться и умереть. Солдаты проводили меня безразличными взглядами. Измученный и заледеневший я забрался в башню и забился в самый дальний угол. Внутри было немногим теплее чем снаружи, но деревянные стены неплохо защищали от ветра. Я скрючился в три погибели, обнял руками колени и постарался немного поспать, но в мокрой одежде, которая прилипла к телу сделать это было затруднительно. Все-таки мне удалось ненадолго задремать. Несколько раз я тревожно вздрагивал и просыпался, но потом опять проваливался в небытие. Когда я в очередной раз открыл глаза, то увидел стоящего надо мной дворянина. Это был маленький воин, который напутствовал меня перед тем, как отправить в разведку. Он бросил на пол толстую шерстяную попону, снятую с убитой лошади.

— Держи, — сказал он, — и выходи греться, сейчас слуги разведут костер.

— Спасибо, господин, — я с благодарностью кивнул и схватил неожиданный подарок.

Раньше командир запрещал нам разводить костры, чтобы степняки не обнаружили засаду, но видимо после моего доклада он пришел к выводу, что скрываться больше незачем. Костры сложили у самого леса, благо дров было в избытке. Несмотря на недовольное ворчание спутников, я развесил свои вещи сушиться у огня. Неровен час степняки опять полезут на мост, а я без штанов. Попона вся пропахла лошадиным потом, зато завернувшись в нее я сразу согрелся. От походных котелков, подвешенных над костром пахло едой и у меня засосало под ложечкой. В этом не было ничего удивительного, потому что последний раз я ел вчера вечером. Не знаю, что слуги собирались готовить для дворян, но лично я не отказался бы и от миски пустого овощного супа. Сейчас на голодный желудок даже

отвратительная похлебка из брюквы, которую варил Химон показалась бы мне редким лакомством.

За время моего отсутствия воины собрали трофеи и теперь под одной из башен лежали сваленные в кучу доспехи, сапоги, сабли и луки степняков. На незнакомое оружие никто не позарился, зато снятые с лошадей попоны пошли в дело. Одну отдали мне, две постелили у огня, чтобы не сидеть на голой земле, а в остальные завернули наших мертвецов и подвесили тела на деревья. Конечно это было нарушением похоронного ритуала, но за неимением горного склона сгодится и ближайшая береза. Я слышал, что так часто делали лесорубы, если их товарищ погибал в лесу. Главное поднять покойника подальше от земли, а уж боги найдут способ, как доставить на вершину измученную душу.

Ко мне подошел маленький воин. Я хотел подняться, но он махнул рукой, показывая, чтобы я оставался на месте. Дворянин присел рядом и принялся чистить ногти коротким острым кинжалом. Я обратил внимание, что руки у него грубые словно у крестьянина или дровосека, а на левой кисти не хватает мизинца.

— Говорят, ты видел всадников, — сказал он, — сколько их, как вооружены?

— Я заметил только одного, господин. Это был стрелок в железном шлеме. Остальных я не видел, но слышал их голоса и храп лошадей. Они прятались во дворах, господин.

— А тебе не померещилось?

— Нет, — твердо сказал я.

Воин кивнул и задумчиво произнес, — значит они ждут королевскую гвардию. Хотят напасть неожиданно.

— Не знаю, господин, — сказал я, думая, что вельможа обращается ко мне и набравшись смелости спросил, — а когда она придет эта гвардия?

Дворянин удивленно посмотрел на меня.

— Вообще-то я разговаривал сам с собой.

Я в ужасе уставился на свои грязные ноги. Монастырское воспитание в очередной раз подвело меня. В обители старшие охотно отвечали на вопросы послушников. Они от души радовались, если замечали в молодых монахах тягу к знаниям и пытливый ум. Но похоже в миру действовали иные законы, и неразумный червяк вроде меня не должен был открывать рот в обществе знатного воина.

— Простите меня за дерзость, господин.

Вельможа молчал, и я съежился, ожидая наказания за глупую выходку. Он мог ударить меня, отобрать попоны или отогнать от костра, но вместо этого воин сказал, — ты не ремесленник верно?

— Нет, господин.

— И не слуга?

Я еще ниже опустил голову.

— Так кто же ты, мальчик?

— Я крестьянин, господин.

— Тагон, иди сюда, — неожиданно окликнул его командир.

— Ладно, — воин поднялся и убрал кинжал в ножны, — потом договорим.

Я вскочил и поклонился.

— А ты ловкач, — неожиданно сказал вельможа, — не думал, что вернешься с того берега живым. Держись поближе ко мне.

Он развернулся и пошел прочь.

"Тагон. Вот значит, как его зовут", — подумал я, глядя вслед уходящему воину.

Не думаю, что когда-нибудь мне придется называть его по имени, но лучше было запомнить. Что он имел в виду, когда приказал держаться поближе? Возможно Тагону понадобился слуга? Было бы здорово наняться в услужение к такому знатному господину. За всю свою жизнь я ни разу не оставался один. Сначала рядом была семья, потом монахи. Потеряв в кровавой суматохе Холина, я чувствовал себя одиноким и всеми покинутым. Кто теперь будет учить и направлять меня? Умные книги не давали ответов. Всплывающие в памяти красивые слова сбивали с толку, а привитые с детства понятия могли только навредить. Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Как может выжить в этом мире мальчишка, который даже не знает на какие лавки в харчевне можно садиться, а на какие нет?

Какое-то время я еще размышлял о своей нелегкой судьбе, но потом тревожные мысли начали путаться в голове и пригревшись под теплой попоной я задремал. Меня разбудил новый знакомый — угрюмый дядька, который утром пристал к отряду.

— Поешь, — сказал он и протянул мне деревянную миску.

Я сел, протер глаза и не поверил своему счастью. Похоже сегодня на обед у нас было мясо. Никогда еще мне не доставался такой большой кусок. В монастыре о подобной трапезе можно было только мечтать.

— Откуда такое богатство? — спросил я, вгрызаясь в жилистое мясо и чувствуя, как по подбородку стекает жир и сок. Было очень вкусно, но похоже "повара" забыли положить соль и поторопились вытащить еду из котла, мясо было жесткое.

— У нас теперь этого добра навалом, — ответил дядька, — не пропадать же степным скакунам.

Я не сразу понял, что он имеет в виду, и тогда бывший слуга показал мне на лежащую на мосту кобылу. Судя по всему, над ней поработал опытный мясник.

— Старший приказал заpastись мясом, сейчас поедим и еще отложим про запас, — дядька вздохнул и понизив голос сказал, — оказывается у наших вояк с собой вообще никаких припасов нет, так что нам повезло с этими лошадками.

Моя одежда почти высохла. Я побоялся оставлять ее у огня, чтобы не спалить, поэтому быстро оделся и направился к сложенной у башни куче трофейного тряпья и оружия. За то время пока я спал мои спутники успели забрать себе самое лучшее. Из всего захваченного в бою меня интересовали только сапоги. Старые совсем развалились. Впереди была суровая зима, которую надо было как-то пережить, а в дырявой обуви сделать это было затруднительно. Умников вроде меня нашлось немало. Многие не только успели переодеться в обновки, но и забрали свою старую обувь с собой, в случае нужды ее всегда можно будет продать на базаре. На земле остались всего две пары сапог. Одна принадлежала кому-то из отряда, видимо лентяй не захотел таскать старье в заплечном мешке, а вторая оказалась маленького размера. Похоже степняк был небольшого роста и его расшитые сапоги ни на кого не налезли. Я с тоской отбросил их в сторону и взялся за поношенную пару. Отвращения я не испытывал. В обители послушникам никогда не давали новую одежду, с детства мы все донашивали за старшими. Сапоги оказались как раз в пору. Голенища были сильно потертые, каблуки стоптаны, зато деревянные гвоздики в подошве держались крепко. Я переоделся и оставил старые сапоги Химона на виду, мало ли кому пригодятся. Сабля у меня была своя, стрелять из лука я не умел, поэтому к оружию даже не притронулся, зато принялся разглядывать доспехи степняков. Большинство из них были

рассчитаны на то, чтобы уберечь хозяина от лобовой атаки. Спина в таком панцире была защищена плохо, зато спереди кочевые умельцы нашивали в несколько слоев толстую кожу, укрепленную железными пластинами или кольцами. Почему-то мои спутники побрезговали трофейными доспехами, и я сумел подобрать себе неплохую защиту. От доспеха разлило человеческим и лошадиным потом, зато он казался надежнее пробитого нагрудника и в нем было теплее, получалось что-то вроде второй куртки.

— Все-таки ты из стражников, — сказал угрюмый дядька, когда я вернулся к костру, — ничем тебя не примешь. Вон даже вонючие доспехи на себя нацепил.

Он брезгливо морщил нос, разглядывая мое снаряжение.

— Ты бы себе тоже что-нибудь подобрал, — сказал я, — защита в бою не помешает.

— Вот еще, — огрызнулся бывший слуга, — мне своих вшей хватает, стану я еще степных заводить.

— Не хочешь надевать доспехи степняков возьми мой нагрудник, — я махнул в сторону кучи оружия, — я его там оставил. И саблю себе подбери.

Мужик не стал меня слушать, в сердцах махнул рукой и отвернулся.

Время шло, а степняки все не нападали на нас. Почему многотысячная армия задержалась на противоположном берегу оставалось для меня загадкой. Дворяне считали, что кочевники не сдвинутся с места пока не разграбят город. Вроде бы в прежние времена они всегда так поступали. Говорили будто бы степняки словно пауки сначала высасывали все соки из покоренных земель и только потом шли дальше. Сейчас в степь утекало накопленное за долгие годы городское имущество. Его вывозили на лошадях и телегах, выносили на себе новые рабы — бывшие свободные жители Пауса. Я знал, что кочевники берут с собой в набеги женщин и детей. Во время осады многие видели их со стены во вражеском лагере. Теперь родня повезет награбленное обратно в степь. Торопя коней, тянущих из последних сил переполненные добром кибитки и подгоняя длинными кожными хлыстами новых рабов они вернутся в свои земли и будут ждать победителей, а воины-мужчины пойдут дальше в глубь страны в поисках новой добычи.

Вечером меня и двух стражников назначили в караул. За старшего у нас был Тагон.

Он оставил воинов у завала, а сам решил подняться в башню.

— Со мной пойдешь, — бросил он мне на ходу, — у тебя глаза молодые, будешь следить за врагом.

Взбираться по лестнице пришлось в полной темноте, и я чуть не сорвался вниз с крутых ступенек. Арбалетчики давно оставили свои посты и спустились вниз, чтобы погреться у костра, поэтому мы с Тагоном остались на смотровой площадке вдвоем. К ночи похолодало. Из рта валил пар. Я дрожал от холода и с тоской смотрел на горящие внизу костры. Как арбалетчики продержались наверху целый день? Наверно они ужасно замерзли. Не знаю смог бы я столько же простоять на открытой площадке продуваемой всеми ветрами.

— Смотри в оба, — приказал Тагон.

Он немного постоял рядом, потом подошел к люку, ведущему вниз и начал спускаться. Я забеспокоился. Неужели он оставит меня здесь одного?

Так и есть. Воин спустился по лестнице и растворился в темноте.

"Наверно к костру греться пошел", — с завистью подумал я.

Погода портилась. Очень скоро стало совсем темно, видимо небо окончательно затянуло тучами. Противоположный берег тонул во мраке, в городе не горели огни и

совершенно невозможно было разобрать, что происходит на площади перед мостом. Пожар, возникший днем в торговом квартале, то ли потушили, то ли затух сам собой. В любом случае огненные языки больше не рвались в небо. Ничего удивительного в этом не было, дома торговцев и знати были раскиданы по всему склону и стояли далеко друг от друга словно острова в озере, поэтому пламя с одного двора могло и не перекинуться на соседние строения. Если бы запыхало в квартале бедноты, то весь Паус уже превратился бы в огненную купель.

"Как можно что-нибудь разглядеть в такой темноте", — с обидой думал я, представляя, как мои спутники греются у огня, — "вот же угораздило! В обители я бы уже лежал в кровати и видел десятый сон".

Неожиданно впереди на мосту послышался странный шум.

Я навалился животом на парапет и свесился вниз, пытаюсь что-нибудь разглядеть.

— Эй! Кто здесь?

— К оружию! — закричал кто-то снизу из темноты, — Враги нападают!

Голос показался мне знакомым. Неужели это кричал Тагон?

— К оружию! — завопил я и бросился к люку.

Степняки подобрались в темноте к самому завалу. Если бы Тагон вовремя их не заметил наверно никого из нас уже не было бы в живых. Небольшой отряд кочевников собирался тихо прирезать часовых и неожиданно напасть на спящих у костра солдат.

Для таких слабаков, как я ночной бой имеет свои преимущества. При свете дня ты всегда на виду, зато пойдя догадайся чем ты занимаешься в темноте. Я мог бы спрятаться в каком-нибудь укромном месте, подождать пока все не закончится, а после рассказывать всем о своих великих подвигах.

Скатившись с лестницы, я больно ударился плечом, отполз в самый дальний угол, выхватил саблю и затаился. Снаружи раздавались крики, ругань и звон мечей, грохнула молния, выпущенная из магического жезла. Здесь внизу на первом этаже сторожевой башни царила кромешная тьма. Сначала мне показалось, что в окружающей черноте вообще невозможно что-нибудь разглядеть, но через какое-то время глаза немного привыкли к мраку и мне удалось различить дверной проем. Через него в башню просачивался зыбкий лунный свет. Прижавшись спиной к холодной стене, я чувствовал себя в относительной безопасности. Если сидеть тихо и не высовываться можно было спокойно переждать атаку. Пусть дворяне воюют, король им за это деньги платит. Неожиданно свет померк и в проеме мелькнула чья-то огромная тень, под тяжелыми шагами закричали прогнившие половицы. От ужаса волосы у меня на голове встали дыбом. Почему-то я был уверен в том, что в башню забрел не человек из плоти и крови, а ужасное создание — одна тех тварей, которых с такой любовью рисовали монахи, изображая демонов преисподней. Позабыв обо всем на свете, я закричал и рванулся навстречу чудовищу, выставив саблю перед собой. Бросившись на врага, я почему-то не думал о том, что могу промахнуться или по ошибке ранить своего. Я ударил не целясь, наваливаясь на клинок всем телом. Наверно нападавший был одет в доспехи, потому что я почувствовал короткое сопротивление, когда лезвие коснулось его. Но никакая защита уже не могла спасти этого человека от смерти. Мой порыв был так силен, что я вывалился вслед за своим поверженным врагом прямо в холодную ночь.

В этот раз нам досталось. Были убиты несколько стражников которых оставили в дозоре, дворянин и двое слуг. С мертвых не спросишь, но похоже часовые просто заснули на

посту.

— Если бы я не заметил лазутчиков они бы всех нас перебили, — проворчал Тагон. Он стоял в стороне от костра, чтобы не получить стрелу с другого берега и перевязывал левую руку обрывком рубашки. В коротком бою его легко ранили.

— Сегодня мы потеряли слишком много солдат, — сказал командир, — так воевать нельзя.

— Скоро все закончится, — ответил Тагон, — сначала они попробовали захватить мост с наскока, потом отправили тайком небольшой отряд, в следующий раз на нас навалятся всей ордой...

— Замолчи, — оборвал его командир, похоже ему не понравилось, что воин высказал свои мысли вслух, — не стоит пугать людей. Я не удивлюсь, если утром мы недосчитаемся нескольких человек.

После ночного происшествия казалось даже дворяне растеряли былую самоуверенность. Если раньше они не смели перечить командиру, то сейчас напрямую заговорили о своих опасениях.

— Нам не удержать мост, — сказал один из молодых дворян, — мы все здесь умрем.

— В проигранной битве славы нет, — поддакнул другой.

— Мы сражаемся не ради славы и наград, — огрызнулся командир, — честь превыше всего.

Если мы уйдем, то как сможем смотреть в глаза друзьям и родным?

— Кто расскажет о наших подвигах, если все мы ляжем в бою? — не сдавался молодой воин, — наши тела бросят без погребения и вороны выклюют нам глаза.

— Есть вещи пострашнее смерти, — сказал Тагон.

Молодой воин покачал головой.

— Все это красивые слова. Впереди много битв и этот жалкий мост ничего не решает.

— За этим мостом лежит беззащитная страна, — рявкнул Тагон. Я видел, что он начинает терять терпение.

— Смерть нескольких человек не спасет страну, — не сдавался юноша, — будет больше пользы, если сейчас мы отступим и присоединимся к королевской гвардии.

Мне показалось, что я опять вернулся в обитель в темный коридор возле покоев владыки. Тогда я так же спорил с Химоном и просил отпустить нас с Холином. Молодые не хотят умирать.

Тагон зловеще рассмеялся.

— Зачем королевской гвардии кучка испуганных детей?

Это было оскорбление. Молодой воин вспыхнул и схватился за рукоять меча. Не думаю, что он сумел бы победить в этом бою, но задетая честь вынуждала его взяться за оружие.

Командир сделал шаг вперед и встал между спорщиками.

— Хватит! Не время сейчас устраивать дуэли! Если кто-то хочет уйти — поспешите, не смущайте остальных.

Он обвел спутников яростным взглядом.

— Меня зовут Горун из Кироха, и я дал клятву, что задержу степняков любой ценой. Я останусь и буду защищать этот мост до конца.

— Я с тобой, — проворчал Тагон.

— Я тоже, — сказал дворянин, который видел меня в монастыре и едва не узнал.

Слуги и примкнувшие к отряду горожане угрюмо молчали. Наше мнение никого не

интересовало, но, если бы случилось чудо и у меня спросили, чего я хочу больше всего, я не стал бы долго говорить, а подтянул портки и припустил по дороге в сторону столицы.

Чуть позже Тагон сделал еще одну попытку удержать молодых воинов. После того, как все разбрелись по своим делам он подошел к одному из них.

— Нельзя в начале жизненного пути нарушать данное слово, — сказал он юноше, — подумай о том, что скажут на это боги.

Видно было, что молодой дворянин колеблется, но желание жить пересилило.

— Может быть тебе нечего бояться, может быть ты уже сказал наследнику тайное слово, — ответил он, — но я не могу рисковать. Мой дядя погиб, защищая этот мост. Если и я умру наш род прервется.

— Я тоже не оставил наследника, — покачал головой Тагон, — но дела это не меняет. Королевское войско ждет великая битва. Сегодня, завтра или через неделю гвардия тоже сразится с кочевниками. Нам всем придется испить эту горькую чашу до дна. Сидя высоко в горах боги алмазным стилем записывают на золотых дощечках историю каждой жизни. Неужели ты не боишься прогневить их и нарушить клятву ради того, чтобы прожить несколько лишних дней?

Юноша ничего не ответил. Не прошло и получаса, как двое молодых воинов в сопровождении слуг скрылись в темноте. Признаться, я до последнего не верил в то, что они уйдут. Выходит, дворяне не всегда соблюдают кодекс чести и выполняют данные обещания. Возможно, когда-то боги возвысили их и даровали возможность пользоваться магией, но с тех пор много воды утекло, воины измельчали, стали бояться смерти и забвения. Значит не так уж сильно мы отличаемся друг от друга. Конечно их с детства учили владеть оружием, зато таким, как я дали возможность сохранять и приумножать знания. Интересно, чей путь важнее, и кто быстрее доберется до вершины, когда боги призовут нас к себе?

Об ушедших больше не вспоминали, словно их никогда и не было. Оставшиеся воины заняли позиции у завала, арбалетчики полезли на башни. Не могу сказать, что мысли о побеге совсем не посещали меня. После ухода молодых воинов стало очевидно, что кочевники могут напасть в любой момент. Уже перед самым рассветом, когда ожидание стало невыносимым, я подумал, что наверно смог бы незаметно убежать в лес и укрыться среди деревьев. Вряд ли Тагон и остальные бросились бы за мной в погоню. Но куда бы я пошел? Окрестностей Пауса я не знал, припасов не скопил, правда у меня еще оставалось несколько монет найденных в хижине Химона, но для дальней дороги этого было явно недостаточно. Скорее всего древний тракт привел бы меня прямо к западной стене, но спокойно миновать ворота я бы все-равно не смог. Тагон говорил, что там сейчас формируется ополчение и всех мужчин способных держать оружие скоро отправят на войну, так что, как ни крути, а от судьбы не уйдешь. Видимо мои спутники думали так же. Из тех, кто, как и я случайно прибил к отряду ночью не сбежал никто.

Светало. От реки напал сырой туман. Зябко поживаясь я лишний рад порадовался тому, что надел поверх куртки кожаный панцирь — все-таки дополнительная защита от холода. Теперь Тагон не отпускал меня от себя ни на шаг. Он передал мне свою сумку с пожитками и велел хорошенько за ней присматривать. Я был совсем не против. Дворянин мне нравился. К тому же рядом с ним я чувствовал себя в относительной безопасности. Если уж и прислуживать кому-нибудь в отряде, то лучше тому, кто ничего не боится и может за себя постоять.

Я напрасно надеялся на то, что никто не обратил внимания на мои ночные приключения. Оказывается, Тагон все видел и утром, когда рассвело с интересом осмотрел убитого мной степняка. Не знаю почему в темноте кочевник показался мне великаном. На самом деле он был обычного роста. При падении с него слетел кожаный шлем, обнажив спутанные грязные седые волосы.

— Бывалый воин, — сказал Тагон переворачивая мертвеца, — наверно за свою долгую жизнь он убил много врагов, а сам погиб от руки несмышленного мальчишки. Странная судьба.

Я промолчал. Вряд ли Тагона интересовало мое мнение. Скорее всего он, как и в прошлый раз решил поболтать сам с собой. Однажды я уже допустил ошибку, когда попытался с ним заговорить. Второй раз я на этот тонкий лед не наступлю.

— Не находишь? — спросил воин и с интересом уставился на меня.

От неожиданности я чуть не поперхнулся. В этот раз он точно обращался ко мне. Наверно, если бы я родился в "служилом квартале" и с раннего детства занимался только тем, что мыл полы и выливал ночные горшки, то просто кивнул бы в знак согласия, чтобы не раздражать господина, но даже великие боги не могут за несколько дней вытравить из молодого послушника привычку умничать.

Сам того не желая, я ответил вовремя подвернувшимися словами Гугона красноречивого.

— "Судьба ведет нас тернистыми путями и нет возможности изменить предназначение..."

— "...поэтому не думай о последствиях и ступай вперед без страха", — продолжил фразу Тагон и неожиданно засмеялся, показав крепкие зубы.

— Не знаю кто ты такой, парень, — сказал он и дружески хлопнул меня по плечу, — но на крестьянского сына ты точно не похож.

Напряжение нарастало. По лицам воинов я видел, что от сегодняшнего дня они не ждут ничего хорошего. Люди готовились к бою. Горун принялся точить и без того острый меч, один из дворян достал из сумки и засунул в шлем заранее приготовленные чистые тряпки, чтобы было чем перевязать рану, а арбалетчики подняли на смотровые площадки башен все стрелы, которые еще оставались в колчанах.

— Держись рядом, — еще раз предупредил меня Тагон, — и вещи мои не потеряй.

Сумка, которую он отдал мне на хранения была довольно тяжелой. Не зная, что внутри я боялся ставить ее на землю и почти все время таскал на плече. Вдруг там окажутся страшные магические зелья или порошки, которые от соприкосновения с почвой потеряют свои волшебные свойства. Прошлой ночью я заметил, как один из слуг выронил из сумки своего господина какую-то склянку. Она ударилась о землю и откатилась к костру. Дворянин бросился за ней с таким видом словно от этого зависела его жизнь. Он поднял упавшую вещь и несколько раз ударил нерадивого слугу. Выходит, даже без помощи жезла могущественная магия может убить неосторожного человека. Признаюсь, я до смерти боялся того, что лежало в сумке у меня за спиной.

В этот раз степняки не стали ничего придумывать. Когда окончательно рассвело из ближайших улиц на площадь хлынули всадники. Не доезжая до моста, они взяли за луки и осыпали нас тучей стрел. Многие из тех, кто оставался на открытом месте сразу были убиты или ранены. Засевшие в башнях арбалетчики ответили, но что могли сделать четыре человека против нескольких десятков? Наверно они даже в кого-то попали, но основную

массу нападавших это не остановило. Всадники промчались по мосту и заплясали перед завалом.

Потом я часто думал о том, почему Горун из Кироха не захотел отступить. Молодые воины оказались правы — горстка бойцов не смогла долго удерживать мост. Даже если бы нас было вдвое или втрое больше мы ничего не смогли бы поделаться. Так что это было — священная жертва или воинское безумие? Я так и не нашел ответы на свои вопросы и все-таки мне хотелось верить в то, что Горун повел отряд на смерть не из пустого упрямства, а ради великой цели.

Тагон успел втолкнуть меня в башню в тот момент, когда каленные наконечники застучали по бревнам, а потом выпихнул наружу, когда всадники уже мчались по мосту. Наверно надо было родиться воином, чтобы все замечать и знать наперед, где поджидает настоящая опасность. В одно мгновение башни, которые должны были служить нам защитой от врага, превратились в ловушки. Засевшие наверху арбалетчики при всем желании уже не смогли бы отступить. Они еще стреляли по кочевникам, но спешившиеся степняки уже перебрались через завал и устремились к башням. Я видел, как они ворвались внутрь и понял, что все кончено, когда наверху на смотровых площадках замелькали цветные халаты. Ослепленный вспышками магического огня и грохотом жезлов я словно маленький мальчик спрятался за спиной Тагона, сжимая в руках доверенную мне сумку с пожитками. Да и что я мог поделаться, если даже древняя магия не способна была остановить нападавших.

Горун тоже успел укрыться от первых стрел, и когда кочевники начали спешиваться перед завалом разрядил в них свой жезл и бросился в самую гущу нападавших. Я видел, как сверкал его меч, пока многочисленные враги не повалили воина на землю. Тагон хотел последовать за своим командиром. Он выпустил магический заряд, засунул бесполезный жезл за пояс и выхватил меч из ножен. Первому попавшемуся на пути степняку Тагон проткнул живот, второму отрубил руку. Он метался среди кочевников словно молния, отражая и нанося удары, но врагов было так много, что вскоре ему пришлось отступить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— К лесу, — закричал он, — отходите к лесу!

Один за другим падали под ударами степняков слуги и примкнувшие к отряду горожане. Я видел, как стрела пробила Кабу левую ладонь, в горячке боя он вырвал ее и отбросил далеко в сторону, но почти сразу вторая пронзила ему грудь. Спасенья не было. Тагон отбивался из последних сил. Он сумел ранить еще одного кочевника, но в следующий момент пропустил несколько ударов. Я бросился вперед, чтобы спасти его от вражеских мечей выставив саблю и прикрываясь сумкой словно щитом. Оказавшийся прямо передо мной здоровенный варвар с разворота ударил меня черенком копья. Ощущение было такое словно я попал под лошадь. От могучего удара я отлетел назад, врезался в Тагона, увлекая его за собой проломил придорожные кусты и скатился по крутому склону в неглубокое болото. Несмотря на жестокую боль в груди сознания я не потерял. На мое счастье кочевник угодил по сумке, которая приняла на себя всю силу богатырского удара, иначе проклятое копьё переломало бы мне все ребра. Упав в лужу и наглотавшись воды, я вскочил отплевываясь, размазывая по лицу липкую грязь. Тагон был без сознания, падая он выпустил из руки меч, который воткнулся рядом в мох. Я быстро огляделся. Здесь не спрячешься. Не лес, а одно название. Из воды торчали редкие березки и тоненькие стволы чахлой ольхи, зато впереди я заметил какие-то заросли. Возможно там заканчивалась трясина или поднимался из грязи небольшой островок. Нужно было торопиться. Судя по лязгу оружия и истошным

крикам у моста все еще шел бой. Я засунул меч Тагона за пояс, подхватил раненного воина и не оглядываясь потащил прочь. Хорошо, что он был маленького роста и весил немного, а то я не смог бы нести его на себе. За моей спиной кричали умирающие товарищи, завывали дикари и тянуло свежим дымком от разгорающихся башен.

Довольно скоро мне удалось выбраться на твердое место, мелководное болотце осталось позади. Сразу за ним начинался лиственный лес, в котором я надеялся укрыться от возможной погони. С трудом добравшись до первых кустов я опустил Тагона в сырую траву и повалился рядом. Сил не было, едкий пот заливал глаза, а грудь болела так, словно ее прижигали раскаленным железом. Отдышавшись и немного придя в себя, я опять взвалил на плечо бесчувственное тело и пошел напрямик через кусты. Для того чтобы выискывать звериные тропы у меня не было ни времени, ни сил. Чем дальше мы уйдем от дороги, тем труднее врагам будет нас найти. Говорили будто бы степняки страшатся леса и стараются обходить его стороной и все-таки я не хотел рисковать понапрасну. Когда силы окончательно покинули меня я остановился на неширокой поляне, уложил Тагона и в изнеможении опустил на землю. Ноги у меня дрожали, а сердце стучало так, что казалось готово было выпрыгнуть из груди. Немного передохнув и отлежавшись на мягком мхе, я решил заняться раненым воином. Похоже Тагону здорово досталось. Лоб у него был рассечен и, хотя рана была не глубокая, но сильно кровоточила. Не думаю, что сознание он потерял из-за нее. Вскоре мне удалось обнаружить место, где вражеский удар достиг цели. Кольчуга на боку была разорвана, кожаный кафтан и рубашка пропитались кровью. Наверно многие удары не смогли пробить железо, а только вдавили покорёженные кольца в избитое тело, но до них мне не было никакого дела, от таких ран не умирают. С большим трудом я стянул с воина доспехи, незнакомые завязки не поддавались с первого раза. Пока я ворочал бесчувственное тело весь перемазался в крови. Любой послушник сведущ в медицине, по крайней мере знает, что подорожник может не только остановить кровь, но и затянуть рану. Нарвать этой травы в лесу не составило большого труда. Бинтов у меня не было, зато в сумке нашлась старая рубашка, из которой я смастерил тугую повязку. Конечно я не мог определить насколько тяжело ранен Тагон, но сейчас этого и не требовалось, главное было затворить кровь. Порез на лбу я промыл водой из фляги и перевязывать не стал, просто наклеил сверху большой лист подорожника. Конечно прихваченная первыми заморозками трава утратила часть своей лечебной силы, но ничего другого у меня под рукой не было, поэтому оставалось надеяться на то, что мое неумелое врачевание, подкрепленное молитвой, поможет несчастному.

Боги благоволили нам и скоро воин пришел в себя.

— Что..., где мы? — спросил он и попробовал сесть, но застонал и повалился на спину.

— Вы ранены, господин, — ответил я, — мы прячемся в лесу.

— Ранен, куда? — спросил Тагон ощупывая себя, — где мое оружие?

— Вы ранены в бок, — ответил я, протягивая ему меч и магический жезл.

Тагон обжег меня яростным взглядом, схватил оружие и прижал к груди. Конечно мне не следовало прикасаться к его вещам, но тогда они остались бы на болоте.

Воин закричал и опять попытался сесть. Я бросился к нему на помощь. С большим трудом мне удалось его посадить, прислонив спиной к молодой березе, которая росла на краю поляны.

— Что случилось? Как мы оказались здесь?

— Вы потеряли сознание, и я вынес вас с поля боя.

— Сбежал значит, — сказал Тагон.

Мне стало обидно, если бы не мое усердие его бы уже не было в живых.

— Говорите тише, господин, — буркнул я, — нас могут услышать степняки.

— Не трясись, — проворчал он, — в лес они не полезут. Лучше подай мне сумку и разведи огонь.

— Но, господин, — взмолился я, — если степняки учуют дым они найдут нас.

— Делай, что сказал. Просто запали кусок бересты.

Я принес ему сумку и принялся высекать огонь. Кругом все было сырое, ветки не хотели гореть, поэтому мне пришлось надергать из рубахи сухих ниток. Скоро крошечный костерок задымил.

Пока я возился Тагон отложил оружие в сторону и принялся копаться в сумке. Я очень боялся, что от удара копья разбились какие-нибудь таинственный баночки и колдовские снадобья перемешались, но на мое счастье ничего стеклянного внутри не оказалось. Скрипя зубами от боли, он выбросил на траву помятый маленький походный котелок, холщовый мешочек и какие-то тряпки. Видимо ему никак не удавалось найти нужное. Наконец он облегченно вздохнул и вытащил из сумки жестяную баночку причудливой формы.

— Помоги снять повязку.

— Но, господин...

— Снимай!

Я повиновался, листья подорожника попадали на траву. И зачем я только старался?

— Сейчас я прижгу рану, — сказал Тагон, вытаскивая из банки тугую пробку, — если потеряю сознание не пугайся, просто опять меня перевяжи. Понял?

— Да, господин.

Тагон наклонил жестянку и высыпал на рану какой-то черный порошок. Было видно, что ему очень больно. Лицо воина посерело, на лбы выступила испарина. Тем не менее он аккуратно закрыл странную баночку, отложил ее в сторону и только потом протянул руку.

— Огонь.

Я передал ему разгоревшийся кусок бересты и на всякий случай отодвинулся в сторону. Кто знает, что он задумал? Если воин собирается лечиться при помощи магии, лучше держаться от него подальше.

Тагон повел себя странно. Он зачем-то огляделся по сторонам, выругался в полголоса и вдруг приложил горящую бересту к ране. Черный порошок мгновенно вспыхнул, воин замычал, замотал головой от боли и без чувств повалился на траву.

— Ну вот, — проворчал я, — опять все сначала.

Конечно магическое средство помогло лучше подорожника. Одно дело закрывать травой порез на пальце и совсем другое дырку в боку. От странного порошка и огня кровь запеклась. Я перевязал рану и уложил воина поудобнее.

Наверно в этот раз он придет в себя нескоро. Признаться, я был этому рад. Сейчас нам нельзя было шуметь, а Тагон не смотря на рану похоже не собирался долго отсиживаться в чаще.

На лесной поляне мы просидели до утра. Тагон то приходил в себя, то снова впадал в забытие. Мне не терпелось узнать, чем закончился бой у моста, поэтому пока воин лежал в беспомощности я несколько раз пробирался через заросли к болоту. Сначала путь от дороги до

поляны показался мне чрезвычайно долгим, но теперь я мог с уверенностью сказать, что от места сражения мы ушли недалеко. Укрывшись в кустах, я отчетливо слышал ржание лошадей и окрики всадников. Похоже теперь Паус и пригороды были целиком в руках степняков. Несчастные горожане так и не дождались подмоги. Бедный Холин и его семья. Что с ними стало? Живы ли?

Бродя по лесу, я насобирал полные карманы грибов, тронутые первыми заморозками они стояли под кустами вялые и сморщенные. Какая никакая, а еда. Других припасов у нас с собой не было. Свою котомку я потерял, а в сумке Тагона не оказалось ничего съестного, поэтому я обрадовался поздним грибам словно редкому лакомству.

Тагона пожирала лихорадка. Я нарезал ножом еловых лап, смастерил из них некое подобие постели, уложил на нее воина и укрыл его сверху всей одеждой, которую сумел найти. Оставшимся лапником я прикрыл Тагона сверху, словно одеялом. Раненый все время просил пить. Воду я носил из болота. Придавливая мох руками, я собирал проступающую влагу во фляжку. Такая вода была кисловата, но пить ее было можно. Конечно лучше было бы высечь огонь и напоить воина горячим отваром, но я боялся разводить костер.

В свои пятнадцать лет мне пришлось много всего пережить, но такого страха, как этой ночью я не испытывал никогда. Монахами становятся для того, чтобы в тиши библиотек переписывать старинные манускрипты или читать молитвы в жарко натопленных церквях, а не для того, чтобы махать саблями и спать на голой земле. Раньше мне не приходилось ночевать в лесу. Даже в детстве, когда я шел с караваном в монастырь, проводники старались становиться на ночлег поближе к людям — на заброшенном сеновале или в поле на краю деревни.

С наступлением темноты лес превращался в опасное и пугающее место. Он наполнялся множеством непонятных шорохов и тревожных запахов. Мне слышались чьи-то тяжелые шаги, треск веток под ногами или лапами, звериное ворчание и урчание голодного брюха. В вершинах деревьев кто-то невидимый метался с ветки на ветку и зловеще ухал, осыпая меня сухой листвой, а в глубине леса жалобно плакала голодная рысь. Свернувшись калачиком на еловых ветках, я дрожал от холода и ужаса сжимая в руке обнаженную саблю. Интересно спасла бы она меня, если бы к нашей стоянке неожиданно вышел медведь? Леса в этой части страны были дикие и густые — окраина мира, дальнее пограничье. Здесь водились разные звери и некоторые из них с удовольствием полакомились бы измученными беглецами. Мысли о костре не давали мне покоя, но я так и не решился развести огонь. Все-таки степняков я боялся больше чем зверей. К тому же в лесу могли бродить сбежавшие из города мародеры. Встреча с ними не сулила нам ничего хорошего. Много было написано книг о всепрощении и милосердии, но даже любвеобильные монахи понимали, что нет на свете существа добросердечнее человека и опаснее его.

Я изо всех сил старался не уснуть, но под утро так измучился, что сам не заметил, как задремал. Когда я открыл глаза уже рассвело. Тагон тоже пришел в себя. Он лежал неподвижно на подстилке из хвойных лап и смотрел в серое небо. Ночью он метался в бреду, поэтому часть одежды и ветки, которыми я его укрывал разлетелись в разные стороны. Выглядел он плохо — лицо белое, словно у мертвеца, веки воспалены, под глазами черные круги.

Я быстро вскочил, подбежал к раненому, собрал раскиданную одежду и опять его укутал.

— Сколько я провалялся без памяти? — спросил воин.

Голос был хриплый словно не человек говорил, а ворон каркал.

— День и ночь, господин.

— Хочется есть, — пожаловался он, — в сумке у меня ничего нет?

— Нет, господин.

— Что ты за слуга такой, — проворчал воин, — костер не разжег, поесть не приготовил.

— Нельзя костер разводить, — попытался оправдаться я, — степняки могут учуять дым.

— Да и не велика беда, — сказал он, — лучше в бою погибнуть, чем от голода помереть.

Тагон ругал меня напрасно. Я думаю, что он все прекрасно понимал и просто брюзжал, как старый дед, собираясь с силами перед дальней дорогой. Воин знал, что оставаться так близко от моста слишком опасно. Рано или поздно кочевники пойдут в лес за водой или дровами. Блуждая по кустам они в любой момент могут наткнуться на нас.

Сначала Тагон думал, что сможет идти сам, но очень скоро ему пришлось отказаться от этой затеи. Нести его на спине я тоже не мог, все-таки вчера мне прилично досталось и после боя ломило все тело. Пришлось сделать волокушу из ремней и двух тонких жердин. Я кое как уложил на нее маленького воина и зашагал по лесу. Когда я оступался на мокрой траве или спотыкался о поваленные стволы деревьев Тагон начинал жалобно стонать и ругаться сквозь стиснутые зубы. Он поносил по чем зря богов и своего нового нерадивого слугу.

Скоро березовая роща осталась позади. Мы миновали небольшой участок леса, заросший высокими стройными осинами и углубились в густой ельник. Старые деревья были так велики, что закрывали своими широкими лапами небо и солнечные лучи не могли пробиться сквозь них. Под ногами лежала черная земля, на которой не росли ни кусты, ни трава. Если бы во время короткой остановки я не разыскал среди елок неприметную тропинку, то вряд ли мы бы смогли уйти далеко в этом странном лесу.

В этот раз место для стоянки выбрал Тагон.

— Останемся здесь, — взмолился он.

Я опустил волокушу на землю и склонился над ним. Похоже воин испытывал такую сильную боль, что просто не мог двигаться дальше. Глаза у Тагона слезились, губы дрожали, его бил озноб. Я оставил воина на тропе и пошел осмотреться. Нужно было спешить. Не думаю, что стежку по которой мы шли проложили жители Пауса. Широкий снизу проход сужался кверху, на уровне груди ветки почти соприкасались, поэтому мне приходилось при ходьбе закрывать лицо руками, чтобы уберечь глаза от еловых иголок. Скорее всего удобную тропинку в глубину леса протоптали какие-нибудь звери, может быть кабаны, поэтому я торопился — страшно было оставлять раненого в таком месте. Пробираясь через лес, я начал забирать вправо, мне показалось, что в той стороне деревья растут не так густо. Между елок мелькнул просвет, и я выбрался на широкую поляну с торчащим посередине огромным словно дом валуном. Из-под камня бил холодный ключ, а вокруг круглого озерца разрослись молодые рябины. Я вернулся, подхватил волокушу и перетащил раненого на новое место.

Конечно я не врачеватель, но даже мне стало понятно, что здесь мы задержимся надолго. Тагону было плохо. Посередине поляны я разжег большой костер. Мы далеко отошли от дороги, и теперь можно было не бояться, что кочевники смогут учуять дым. Я достал из сумки котелок, удар копья оставил на нем большую вмятину, налил в него воду и поставил на огонь. От усталости и голода сводило внутренности и двоилось в глазах.

Вчерашние грибы я выбросил. Незачем было таскать их с собой, тем более, что в лесу они росли на каждом шагу и по пути мне удалось набрать свежих. Большинство оказалось

червивыми, но хороших хватило для супа.

Утомленный переходом Тагон сразу заснул. Я нарубил саблей тонких жердей, прислонил их под углом к валуну, а сверху накидал еловых лап. Получилось что-то вроде шалаша. Укрытие выглядело неказистым, но я очень надеялся на то, что на какое-то время оно сможет защитить нас от непогоды.

Когда ты занят делом время летит незаметно. Пока я обустроивал наш временный лагерь сварился суп. Я достал из сумки единственную уцелевшую ложку и решил накормить раненого.

— Гадость какая, — ворчал Тагон, брезгливо рассматривая коричневую жижу и разваренные грибы, — еще и не соленая.

— Нужно поест, господин.

— Ты меня отравить хочешь, — ворчал раненый, — пошел бы лучше поохотился, мясо какое-нибудь добыл.

— Я не умею охотиться, господин.

Это было правдой. Как всякий деревенский мальчишка я мог построить шалаш и насобирать грибов, но выследить и поймать животное было выше моих сил. Около нашей деревни в глубине долины не было настоящих лесов. Их вырубил почти полностью, и оставшиеся без дома звери ушли далеко в горы. Наверно поэтому среди моей родни отродясь не было охотников. Конечно собирая хворост в небольших перелесках мы с братьями часто видели белок, мышей и кротов, но разве это настоящая дичь? Я слышал, что местные жители ставили силки и ловили диких птиц, но меня не успели научить управляться с подобной снастью.

— Я не умею охотиться, — повторил я, — зато могу насобирать еще грибов.

После еды я осмотрел рану Тагона. Она воспалилась и выглядела нехорошо.

Тагон был очень слаб. Он все время спал. Полученная травма и наша первая ночевка под открытым небом тоже не прошли для меня даром. На груди расцвел огромный синяк, ребра болели, ломило ноги, а голова была дурной и горячей. Каждое движение давалось с трудом, хотелось лечь на еловые лапы и заснуть мертвым сном, но мне нужно было ухаживать за раненым и избавиться от лихорадки. Утром я с трудом заставил себя подняться. Вчера пробираясь через лиственный лес, я заметил несколько тополей. Титон мудрый писал, что для избавления от озноба и жара нужно жевать внутреннюю кору этих деревьев или делать из нее отвар. Какое счастье, что нас заставляли учить наизусть трактат великого травника.

Я совсем измучился пока искал тополя и обратную дорогу к нашему лагерю нашел с трудом. Добравшись до приметного камня, я засунул в рот несколько кусков коры, старательно разжевал их, запил водой, заполз в шалаш и забылся тревожным сном. К вечеру мне стало лучше. Из оставшейся коры я сварил отвар, пил его сам и давал Тагону.

Не знаю, что было тому причиной — моя забота о раненом или богатырское здоровье маленького человечка, но на четвертые сутки нашего пребывания на поляне воину стало лучше. Он все еще был бледен и любое движение доставляло ему сильную боль, но лихорадка спала и взгляд Тагона стал осмысленным. От еды он больше не отказывался и, хотя все еще недоверчиво и брезгливо рассматривал приготовленное мной угощение, но ел с аппетитом. Скучная лесная пища не могло накормить нас досыта, но и помереть от голода не давала. Не знаю, что думал по этому поводу Тагон, но мне не впервой было жить впроголодь. Чтобы хоть как-то разнообразить лесное меню я пек в золе мясистые корни

рогоза, нанизывал грибы на тонкие палочки и жарил словно мясо, а в суп добавлял кислицу.

Как только Тагон пришел в себя он первым делом решил привести оружие в порядок. Моим боевым навыкам он не доверял, а разряженный в бою магический жезл был совершенно бесполезен пока хозяин не наполнит его колдовством.

— Сейчас меня можно брать голыми руками, — говорил он, — степняки убьют нас, если найдут.

— Они нас не найдут, господин, — отвечал я, — мы ушли далеко.

Тагон молча качал лохматой головой и недовольно хмурился.

Он разложил на земле свои волшебные приспособления и достал холщовый мешочек. Пока воин был без сознания я набрался смелости и однажды заглянул в него. Внутри лежал десяток железных шариков очень похожих на те, которыми Химон заряжал свой жезл.

— Отойди подальше, — приказал Тагон.

Я молча повиновался.

— Теперь отвернись.

Я повернулся спиной и обиженно засопел.

"Вот она благодарность за спасение!" — подумал я, — "Тоже мне! Очень надо посмотреть на ваши магические хитрости!"

В свое время я видел, как Химон заряжал свой жезл и был уверен в том, что легко смогу сам провести необходимый ритуал. Конечно никто никогда не доверит мне магический артефакт, но, если бы вдруг такое случилось думаю я сумел бы его зарядить.

Тагон кряхтел и постанывал у меня за спиной. Несмотря на то, что ему стало лучше бок все еще сильно болел.

"Вредный коротышка", — подумал я, — "Если бы не таился от меня я бы сделал все, как надо и не пришлось бы так мучиться".

— Что это ты там сопишь? — спросил Тагон заботливо заворачивая заряженный жезл в кусок холстины, — обиделся, что прогнал? Напрасно. Настоящий воин должен сам свое оружие заряжать, да и незачем тебе в магические дела лезть.

— Я не обиделся, господин.

— Станный ты парень, — продолжал Тагон, — говоришь, что крестьянин, а сам древние трактаты цитируешь, охотиться не умеешь, а саблей махаешь ловко.

Я покраснел и молча уставился на носки своих сапог.

— Думаю я, что ты бастард чей-нибудь. Наверно отдали в приличный дом в обучение, да и оставили до поры. Кто отец то знаешь?

Слава богам мне не пришлось ничего выдумывать. Тагон это сделал за меня.

— Нет, господин, не знаю.

— Ничего вот до своих доберемся отец тебя разыщет и тайное слово передаст. А может и не передаст, если успел наследника родить. Ну будешь тогда при доме в слугах ходить. Если повезет станешь оруженосцем.

— Простите, господин, — спросил я, — а у вас дети есть?

— Нет у меня никого, — сказал Тагон и насупился, — прибери здесь все.

Медленно, но верно наши раны и ушибы заживали. Тагон и раньше выбирался из шалаша по нужде, а теперь стал подолгу засиживаться у камня раздумывая над тем, что нам делать дальше. Он заставил меня подробно описать скоротечный бой у моста и даже попросил начертить на земле наш путь от дороги к месту временного лагеря.

Узнав о судьбе Горуна воин опечалился.

— Значит ты не видел, как он умер?

— Я только видел, как он упал, господин.

— Умелый был воин. Теперь таких мало, — сокрушался Тагон, о других боевых товарищах он не обмолвился ни словом.

Разглядывая нарисованную мной карту, воин говорил, — в приграничную пушу степняки не сунутся. Им в лесу только лошадям ноги ломать, но и нам здесь засиживаться нечего. День-другой и королевская гвардия выступит в поход. Хорошо бы перехватить их по дороге и предупредить о возможной засаде, а для этого придется идти вдоль тракта в сторону западной стены.

— Куда это? — спросил я.

— Туда, — Тагон махнул рукой вправо и поморщился от боли.

— Может быть их предупредили молодые дворяне, которые оставили отряд перед боем? — предположил я.

— Не уверен, — задумчиво ответил Тагон.

Вечером он без моей помощи встал на ноги, обнажил меч и попытался нанести несколько замысловатых ударов воображаемому противнику, но очень скоро выдохся и опустился на землю. На подсохшей повязке опять проступила кровь.

— Вы еще слишком слабы, господин, — упрекнул я его.

— Это верно, — воин сокрушенно кивнул головой, — но и сидеть без дела я здесь больше не могу. Завтра выступаем.

Я не стал с ним спорить, но пока собирал наши пожитки в душе не переставал ругаться. Если рана откроется он не сможет идти и все придется начинать сначала. Не лучше ли отлежаться и дожидаться королевскую гвардию здесь. Все равно мимо нас они не пройдут. У короля теперь только одна забота — освободить Паус.

Перед дальней дорогой нужно было запастись провизией, поэтому я отправился в лес за грибами. Можно было нажарить побольше и сложить в котелок. Все пути дорожки, ведущие к мосту, были мной исхожены, грибы на приметных местах собраны, поэтому сегодня я решил отправиться дальше на запад. Несмотря на ночные холода погода стояла хорошая, дождей не было, и я молил богов, чтобы они позволили нам добраться до своих раньше серьезных заморозков.

В этой стороне лес оказался не такой густой, да и елки росли помельче, кругом лежало много поваленных деревьев. Осторожно пробираясь через бурелом, я внимательно смотрел под ноги. Никаких грибов здесь не росло, и я уже собрался было повернуть назад, когда заметил впереди просвет. Я подумал, что, возможно, так окажется поляна вроде нашей, но ошибся. Место, к которому я вышел было давным-давно расчищено людьми. Может быть когда-то здесь стояла одинокая ферма или заимка охотника. Посередине поляны угадывалась развалины какой-то постройки. Срубленная из толстых еловых стволов, давно покинутая прежними хозяевами она сгнила и обрушилась. На месте выкорчеванных деревьев всюю поднималась молодая поросль, но было в ней что-то странное. Деревца казались слишком молодыми по сравнению с домом, который судя по внешнему виду простоял здесь не одну сотню лет. По всему выходило, что над разрушенной постройкой уже давно должен был подниматься могучий лес. Может быть я случайно набрел на брошенное древнее святилище, защищенное таинственной магией или на дом воина отшельника? На всякий

случай я прочитал молитву и поклонился на все стороны света. Пусть боги защитят меня от таинственной напасти. В мыслях моих не было ничего дурного. Я не вор ищущий серебро и не злой колдун рыскающий в поисках древних артефактов.

Трудно было разобрать что-нибудь среди деревянных развалин. Вот кажется обломки кровли, под ними лежат поросшие мхом толстые бревна, возможно когда-то они стояли в центре зала и были колоннами, которые поддерживали перекрытия. Наверно из стволов поменьше были сделаны стены. Обвалившись от времени, они раскатились по всей поляне. На них еще можно было различить канавки, выдолбленные древними плотниками. Перешагивая через нагромождение сгнивших стволов, я неожиданно набрел на совершенно ровный участок. Земля на нем была то ли специально утрамбована, то ли...

я нагнулся, подобрал сухую ветку и копнул поглубже. Деревяшка подбросила вверх кусок почвы и заскребла по камню. Я с удивлением топнул ногой и огляделся. Не знаю куда привели меня боги, но похоже под деревянными развалинами скрывались каменные плиты. Недолго думая я шагнул к обвалившейся крыше и принялся разгребать прогнившие доски. Несмотря на то, что большинство гнилушек крошилось прямо в руках, некоторые деревянные части разрушенной конструкции оставались на удивление крепкими. Словно какая-то неведомая сила не давала мне отступить и заставляла продолжить работу. В исступлении я отбрасывал старые доски до тех пор, пока передо мной не показался черный провал и заросшие мхом ступени, ведущие в темноту. Какой-нибудь необразованный житель Пауса наверно в ужасе убежал бы домой, но не дело мне, послушнику, бояться древних святилищ. Конечно сейчас никому бы не пришло в голову устанавливать алтарь под землей, но много веков назад культовые сооружения строили по-другому. По современным канонам чем выше алтарь поднимается над полом, тем лучше, так боги скорее обратят на него свое внимание, но древние зодчие часто устанавливали алтари под землей, изображая потолок, как небесный свод. Наверно в незапамятные времена они обустроили это каменное святилище, а уже потом, много позже, для удобства молящихся над ним выстроили деревянную храмину. Сколько же лет этому древнему сооружению? Душа моя затрепетала. Несомненно, боги благоволили мне, если решили привести неразумного мальчишку к священному намоленному месту.

Бесполезно было отправляться под землю без надежного факела. Как не хотелось мне поскорее исследовать святилище, но сначала надо было подготовиться. Я развел перед входом небольшой костерок, срубил несколько толстых веток и намотал на них побольше бересты. Один факел я зажег, а остальные заткнул сзади за пояс. Теперь можно было спускаться вниз. О грибах и прочей ерунде я уже и думать забыл. Сердце бешено застучало в груди, когда я сделал первый шаг. Что ждет меня внизу?

Ступени были очень старые, кое где камень потрескался и раскрошился. Я боялся оступиться, поэтому все время смотрел под ноги. Не обрушится ли древнее строение, когда я окажусь под землей? Проход был настолько узкий, что, спускаясь вниз, я задевал плечами каменные стены. Наверно толстяк Химон сюда бы не пролез. Очень скоро ступени закончились. Я шагнул на каменные плиты и поднял факел над головой. Колеблющееся неровное пламя осветило выщербленные стены и затянутый паутиной старинный алтарь установленный посередине зала. Конечно это было святилище. Никто никогда не видел богов. Они скрывались от низших существ за высокими горными кряжами, снегопадами и туманами. Даже первые люди, потревожившие их, слышали только голоса, поэтому мастера никогда не изображали богов, как людей с ногами и руками. В центре залы возвышалась

гора, искусно вырезанная из камня. Заостренная вершина была покрыта потрескавшейся и потемневшей от времени белой краской. Я с благоговением опустился на колени и склонил голову перед алтарем. Страшные события последних дней, гибель друзей и пережитые испытания пронеслись перед моими глазами.

— Великие боги, — прошептал я, — жители долины в опасности. Помогите нам. Помогите пока не стало слишком поздно.

Неожиданно факел в моих руках ярко вспыхнул и погас. Неужели боги услышали меня и подали знак? Что им не понравилось, что я сделал не так? В сердцах я стукнул себя по лбу. Неразумный дурачок, так у богов помощи не просят! Сначала объясни в чем дело, а потом спрашивай. Срывающимся голосом я начал пересказывать события последних дней, стараясь не упустить ни одной детали. Я путался и сбивался, и мешал в одну кучу гибель Химона, последние слова владыки и падение Пауса. Никогда прежде я не славился красноречием, а сейчас не мог остановиться. Начав разговор с богами тихим шепотом, под конец я почти кричал. Когда последнее сказанное мной слово отразилось от неровных стен я отбросил в сторону бесполезный факел. Общение с богами отняло у меня последние силы и первое время я сидел, не шевелясь, вздрагивая всем телом. Для того, чтобы подняться мне даже пришлось упереться руками в каменный пол. Неожиданно под правой ладонью я почувствовал что-то твердое. Я поднес находку к самым глазам, но невозможно было рассмотреть что-либо в кромешной темноте. На ощупь она была похожа на обкатанную водой речную гальку. Верующие всегда старались принести из святилища какой-нибудь талисман. Многие братья этим пользовались и для того, чтобы пополнить собственные кошельки продавали паломникам освященные обломки камней или дерева. Считалось, что, если подержать такую безделицу сутки в молельной комнате она пропитается святостью. Владыка строго настрого запрещал торговать подобными вещами, но, как дети не всегда слушаются отца, так и послушники сплошь и рядом нарушали правила, установленные понтификом. Значит сегодня и у меня появился священный талисман, кусочек древнего святилища. Я убрал находку в карман и тут же забыл о ней.

Множество вопросов роилось в моей голове. Сумел ли я найти нужные слова, когда рассказывал богам о наших бедах? Поймут ли они меня, помогут ли? Старшие монахи ничего не просят у богов, их вера не требует доказательств, но для мальчишки вроде меня недостаточно просто произнести слова молитвы, важно знать, что тебя услышали. Каждый послушник хоть раз в жизни просил богов подать ему знак. Днями и ночами мы старались разгадать адресованные только нам тайные послания. Пролетел голубь над головой — знак, крикнула ночная сова — снова знак. Что может быть явственнее, чем вспыхнувший и погасший без причины факел? Сегодня боги пытались говорить со мной, но правильно ли я понял, что они хотели сказать?

Громыкнуло и по лесу пошло гулять недовольное эхо. "Неужели будет гроза" — подумал я и поднял голову вверх. Небо было серое, но тучи еще не приобрели тот зловещий черный цвет, который предвещает настоящую бурю. "Наверно показалось" — решил я и заторопился обратно в лагерь. В этот раз я ушел довольно далеко. Обидно было возвращаться с пустыми руками, грибов я так и не нашел, но мне хотелось поскорее рассказать обо всем Тагону. Конечно он не монах и, возможно, поднимет меня на смех, но я все равно не смогу удержаться и обязательно разболтаю о древнем храме и о знаке, который явили мне боги. Уже подходя к лагерю я понял, что что-то не так. На всякий случай я пошел медленнее, а у самых рябин остановился и прислушался. Неожиданно со стороны камня раздался

протяжный стон. Я забыл об осторожности и бросился к Тагону на помощь. Неужели вредный коротышка принялся баловаться с мечом, и рана опять открылась!? Проломившись через заросли рябины, я выскочил на поляну и замер в растерянности. Возле шалаша в странной позе лежал Тагон, в руке он сжимал магический жезл. Одежда на нем была изорвана в клочья, а голова и грудь маленького воина были залиты кровью. Неподалеку растянулся на траве странный зверь похожий видом на рысь, только крупнее. Серебристый мех животного был весь измазан в грязи. Чудовище не шевелилось и не подавало признаков жизни. Я бросился к Тагону. Длинные когти оставили на теле воина страшные раны. Видимо дворянин смертельно ранил зверя, но ужасная тварь успела добраться до него, а потом отползла в сторону и издохла. Значит никакого грома не было, а сидя у святилища я слышал магический удар заколдованного жезла. Тагон застонал. Я стащил с него изорванную рубашку и попытался промыть раны. Дело было плохо. В ужасе я смотрел на следы огромных когтей и думал о том, что теперь никакая магия не поможет несчастному. Как мог я перевязал раненного. В этот раз на бинты ушло все имеющееся у нас тряпье.

Тагон умирал. Временами он начинал бредить, а потом несвязная речь переходила в жалобные стоны. Я оттащил мертвого зверя подальше в лес и забросал ветками, понимая, что запах падали может привлечь хищников со всей округи, но перед этим я вырезал из туши несколько больших кусков мяса. Нам с Тагоном нужна была еда. И хотя мясо оказалось жестким словно подметка и отдавало мускусом, но это было лучше, чем грибы и прочая лесная снедь. Я очень надеялся на то, что смогу напоить Тагона бульоном, но воин отказывался есть. Меня он не узнавал и в бреду называл то Горуном, то неизвестным именем. Скоро я начал понемногу разбирать, о чем толкует Тагон. Чаще всего он обращался к своему племяннику. Казалось родственник занимал все мысли раненного. Судя по всему, дядя и племянник были очень близки и до войны много времени проводили вместе. Как я понял молодого дворянина звали Марон. Он проживал в северных землях и содержал большую усадьбу на склоне горы Руок. Я не преуспел в изучении географии, поэтому смутно представлял, где она находится. Иногда Тагон начинал рассказывать о собственном доме, но видимо он не очень любил родовое гнездо, потому что называл его не иначе, как "дикое место". Я очень надеялся на то, что и в этот раз богатырское здоровье не даст дворянину погибнуть. Мысль о том, что мне придется остаться одному в холодной осеннем лесу приводила меня в ужас.

Неожиданно Тагон застонал и пошевелился.

— Сюда, — чуть слышно позвал он, — иди сюда.

Я подбежал к раненому и опустился на колени.

— Я здесь.

— Хорошо, — прошептал он, — слава богам.

Казалось Тагон окончательно пришел в себя. Взгляд воина был ясен, а на впалых щеках проступил едва заметный румянец. Неужели страшная боль терзающая раненного наконец отступила?

От радости я заплакал и схватил его за руку.

— Вам лучше, господин? Чем я могу вам помочь?

— Какой я тебе господин, Марон, — сказал раненый и облизнул сухие губы, — теперь ты главный в семье. Мой дом и мое оружие отныне твои.

Я вздрогнул от неожиданности. Тагон принимал меня за своего племянника. Выходит, ему не стало лучше. Воин бредил и похоже находился в двух шагах от смерти.

— Слова мое последнее запомни...судья подтвердит...скажи ему — "дикое место".

— Что сказать? — не понял я.

— Запомни — "дикое место".

Тагон больно сжал мою руку, он вцепился в нее так словно хотел удержаться на границе этого мира, страхась долгой дороги к вершинам. От неожиданности я вскрикнул, но в следующее мгновение пальцы воина разжались, он захрипел и обмяк.

Я опять схватил его за руку и принялся звать по имени, но все было напрасно. Маленький дворянин умер. Не знаю сколько времени я просидел в оцепенении склонившись над бездыханным телом. В последние дни мне пришлось увидеть много мертвецов, но никогда прежде не над одним из покойников я не проливал столько слез.

За сотни лет дожди и ветра придали огромному валуну причудливую форму. Южная сторона была ровной и гладкой, зато северная оказалась вся изрыта трещинами и впадинами, по которым не без труда можно было вскарабкаться на самый верх. Именно там на вершине я и решил похоронить Тагона. Я просто не мог оставить боевого товарища на земле на съедение диким тварям, рыскающим по округе. На то, чтобы исполнить задуманное я потратил весь вечер. Как не был мал погибший воин, но затащить его тело наверх оказалось совсем непросто. Все вещи Тагона и его оружие я сложил рядом с покойным. Занимаясь этим скорбным делом, я совершенно перестал следить за временем, а между тем солнце клонилось к закату. Сидя на вершине и глядя вниз на поляну, которая на какое-то время стала нам родным домом я думал о том, что стану делать оставшись один. Никто во всем мире не знает меня, никто не поможет, не защитит. Что страшнее идти к людям или остаться в этом ужасном лесу?

Затаскивая тело Тагона на скалу, я снял кожаный панцирь, потому что двигаться в нем было жарко и тяжело. Теперь, когда работа была закончена я стал мерзнуть в дырявой куртке. Нужно было спускаться. Я последний раз поклонился мертвому господину и заторопился вниз. Неожиданно поблизости послышался протяжный вой. Я остановился на полдороге и замер прислушиваясь. Не нужно быть охотником или лесником, чтобы понять — так завывать может только голодный лесной пес. Занимаясь похоронами я обо всем позабыл и не успел натаскать из леса валежника для костра. По слухам, я знал, что только огонь способен отпугнуть диких животных. Выходит, я был совершенно незащищен. Если псы попытаются на меня напасть отбиваться мне было нечем. Тем временем протяжный вой раздавался уже совсем рядом. Наверно звери почуяли мертвое чудовище, спрятанное в лесу. Я обругал себя последними словами за то, что поленился оттащить его подальше от лагеря. Но может быть хищники, привлеченные запахом падали, обойдут нашу стоянку стороной? Неожиданно внизу в темноте мелькнули быстрые черные тени и сверкнули желтые глаза. Похоже лесных псов интересовала не дохлая кошка, а сидящий на валуне мальчишка. Я принялся скороговоркой бормотать молитвы и полез обратно на вершину. "Дурак, простофиля!" — ругал я себя последними словами. Конечно хищники не откажутся от мертвечины, но рядом была добыча поинтересней. Наш лагерь, я сам и даже камень пропахли свежей кровью Тагона.

"Все-таки псы не люди и не лесные кошки, может быть они не смогут забраться на скалу?" — думал я, скрючившись на самой вершине и глядя на черные молнии, мечущиеся внизу. Страшные звери завывали и грызлись на поляне. В темноте трудно было разобрать, что они делают в лагере, но по довольному ворчанию можно было догадаться, что они

добрались до моих вещей и остатков варенного мяса. Забраться на камень псам оказалось не под силу, несколько тварей сделали попытку дотянуться до меня, но с жалобным визгом сорвались вниз. И все-таки вожак решил рискнуть. В белом свете луны я видел, как крупный пес запрыгнул на камень и осторожно пробуя лапой уступы прямо перед собой начал пробираться вперед. Отступить мне было некуда, поэтому я выхватил саблю из ножен и приготовился защищаться. Я понимал, что напасть лучше самому, не дожидаясь пока пес выберется на ровное место. Оскользываясь на уступах и рискуя каждое мгновение свалиться прямо в пасти голодным хищникам, я немного спустился вниз, замахнулся и попытался ударить мерзкую тварь. Сабля с шумом рассекла воздух, но в самый последний момент пес прынул назад, заскользил по скале и чуть не сорвался. Я и сам едва удержался на камне. А зверь уже рванулся вперед, пытаясь дотянуться до меня острыми клыками. Теперь пришла моя очередь уворачиваться от собачьих зубов. Зловонная пасть щелкнула в нескольких сантиметрах от моей ноги. Каждое движение давалось нам с большим трудом, и я и вожак в любую минуту могли сорваться вниз. Обменявшись ударами, мы словно опытные фехтовальщики замерли оценивая друг друга. Я начал медленно пятиться назад, пес двинулся следом. Так мы добрались до самой вершины. И тут зверь не выдержал. Запах крови стал настолько силен, что он больше не смог контролировать себя. Он зарычал и бросился вперед. В последний момент я успел выставить перед собой саблю и чудовище со всего маха налетело на каленное острие. От удара меня отбросило назад на тело Тагона, а вожак с истошным визгом полетел вниз в темноту.

Всю ночь стая бесновалась внизу под камнем, а на рассвете с первыми лучами солнца лесные псы исчезли. Если бы не обглоданные кости убитого мной вожака, изорванный в клочья кожаный панцирь и разоренный лагерь можно было подумать, что ночные бродяги привиделись мне во сне. До утра я просидел на вершине сжимая в руке меч Тагона, моя сабля улетела в темноту вместе с телом мертвого пса. Почему чудовища сняли осаду и ушли так и осталось для меня загадкой. Я попытался припомнить, что мудрецы писали в книгах об их повадках, но из этого ничего не вышло. Где-то в глубине души я подозревал, что страшные звери появились не просто так. Возможно, в очередной раз боги испытывали меня. Сколько еще мне предстоит пережить прежде, чем они решат, что мальчишка-послушник достоин покоя и тихой благополучной жизни?

Уже под утро мне привиделся короткий сон. Неожиданно прямо из воздуха передо мной возник Холин, одетый в кожаный панцирь степняка из-под которого торчали рукава короткой не по размеру куртки и голые тощие запястья. Увидев приятеля, я ужасно обрадовался. Почему-то все это время я был твердо уверен в том, что ничего плохого с ним не случилось.

— Я искал тебя в городе, — сказал я, — и не нашел.

— Знаю, — ответил мальчишка, достал из котомки большую лепешку и принялся ее грызть.

— Ты правда живой?

— Живее не бывает, — усмехнулся юный стражник, — сам знаешь мертвые не ходят и не едят.

— Но это же сон, а во сне всякое бывает.

Холин пожал плечами, оторвал от лепешки приличный кусок и протянул мне.

— Сон — не сон, какая разница. Я вообще к тебе по делу пришел.

Я взял угощение, но есть не стал.

— Что за дело такое?

— Хватит на камне рассиживаться, пора идти. Тагон шепнул тебе тайное слово. Теперь, если все правильно сделаешь дворянином станешь.

— Что ты мелишь, — возмутился я, — не говорил он мне ничего.

— Как же, — удивился мальчишка, — "дикое место" — это и есть тайные слова.

— Даже, если и так, — уперся я, — он думал, что говорит со своим племянником. Ты что же хочешь, чтобы я себя за другого выдал?

— Нее, — протянул Холин, — племянник то жив-здоров. Его именем называться нельзя. Скажи, что ты Тагонов бастард.

Я ужасно разозлился на приятеля. Он еще на стене принялся донимать меня этими тайными словами. Какой из меня дворянин, какой воин? Только и умею, что за чужими спинами прятаться да от опасностей в лес убегать.

— Не могу я так. Не по-людски получается.

— Чего это, — удивился Холин, — какое кому дело, если ты Тагонов дом себе забереешь. Племянничек поди не обеднеет. У него своя усадьба имеется, а у тебя ничего нет кроме кривых рук да дурной головы.

— У самого у тебя руки кривые, — обиделся я.

— Главное не забоишься, — хихикнул Холин, — до конца иди, если начнут тебя пытаться на своем стой. Мол ничего не знаю, не ведаю, с отцом только на днях столкнулся, а раньше даже и не знал о нем ничего.

— Не правильно так, не честно, — заупрямился я.

Но стражник уже не слушал. Он вдруг вырвал у меня кусок лепешки, засунул его целиком в рот и пробубнил, — если не забоишься станешь вельможей.

Я хотел врезать ему по уху, но Холин увернулся, повис в воздухе и ехидно добавил, — вельможа — толстая рожа.

Хорошо, что я вовремя проснулся, а то мог бы свалиться с камня и ноги переломать.

Слова Холина заделали меня за живое. Конечно я и сам понимал, о чем толковал перед смертью Тагон. Услышав тайные слова, я подумал о том, что надо будет разыскать его племянника и все ему рассказать, но после странного сна мысли мои приобрели совсем другое направление. Конечно выдавать себя за родственника Тагона было довольно опасно, но мне все равно нужно было что-то выдумывать о своем прошлом, а история с бастардом звучала правдоподобно. Мог дворянин до поры определить своего незаконнорожденного сына в монастырь? Запросто. Тем более, если в этом монастыре живет старый воин Химон, который присмотрит за мальцом, да и научит кое чему. Конечно доказать, что Тагон бывал в обители и был знаком с моим наставником довольно трудно, но и опровергнуть это вряд ли кто-нибудь сможет.

Я уже почти согласился с явившимся во сне Холином, останавливало меня только одно. Не мог бастард явиться перед судьей и другими дворянами в рванной куртке и холщовых портках. Значит нужно было обрядиться в одежду мертвеца, а делать этого мне совсем не хотелось. Да и как я влезу в кафтан человека, который меньше меня ростом? Размышляя над этим, я бродил по лагерю и собирал разбросанные псами вещи. После ночного набега в целости сохранились только изделия из железа. Все остальное было изорвано в клочья. Деваться некуда. Я вздохнул и полез на скалу. Все равно придется напяливать на себя одежду Тагона, потому что в осеннем лесу в одной дырявой куртке я долго не протяну. Порванный вражеским ударом кафтан я привел в порядок, когда воин был еще жив, отмыл от

крови и высушил над костром. Вчера надевать его на покойного я не стал, а просто сложил рядом на камне вместе с другими вещами. Конечно кафтан оказался коротковат, зато рукава почти подошли по длине, потому что грудь и плечи воина были значительно шире моих. Конечно, если приглядеться видно было, что одежда с чужого плеча, но кто же станет бастарда во все новое одевать? С доспехом получилось еще проще, потому что он рукавов не имел вовсе и, если не застегивать два верхних крючка получалось совсем хорошо. Штаны я оставил свои, а вот плащ забрал. Оружие, кошелек и сумку тоже взял, оставил покойнику кинжал, свою одежду и саблю степняка. Мятежной душе на сверкающих вершинах оружие не понадобится. Там наверху войн не бывает.

Последний раз я окинул взглядом поляну, ставшую на несколько дней нашим домом, поклонился Тагону, помолился за него, попросил прощения за то, что собирался сделать и пошел через лес в ту сторону, где должна была быть западная стена.

К полудню я совсем выбился из сил. Опасаясь нападения собак я все время шел без остановки стараясь убраться, как можно дальше от страшной поляны. Чтобы сбить хищников со следа я даже брел какое-то время по дну неглубокого ручья. Один знакомый послушник рассказывал, что таким образом в детстве сумел оторваться в лесу от матерого пса. Я очень боялся заблудиться, поэтому выбрался из чащи, подкрался поближе к старому тракту и пошел вдоль него. Конечно я помнил в какую сторону показал Тагон, когда я спросил у него, где находится западная стена, но в незнакомом месте легко было сбиться с пути. На мое счастье кочевников на дороге слышно не было, то ли они уже проехали в сторону столицы, то ли так и не решились отправиться дальше и остались в Паусе. Не знаю сколько мне удалось пройти все-таки лесные тропы не городская мостовая. Несколько раз путь мне преграждало настоящее болото, которое пришлось обходить стороной. От долгой дороги гудели ноги и кололо в боку.

Выбравшись на сухое место, я присел на покрытый мхом плоский камень, чтобы немного перевести дух. Ужасно хотелось есть. Со вчерашнего дня я не ел ничего кроме ягод. Клюква в здешних местах росла в изобилии, но утолить ею голод было невозможно. Казалось красные ягоды только разжигали аппетит. Чтобы не так урчало несытое брюхо я выпил целую флягу воды. Не помогло. Немного передохнув я засобирился в путь. Чем скорее доберусь до своих, тем быстрее поем.

И все-таки довольно скоро мне опять пришлось сделать остановку. Ноги отказывались идти, а перед глазами мелькали белые мушки. Я знал, что такое бывает от голода и усталости. Нужен был не короткий отдых, а настоящий привал. Да и стоит ли торопиться? В конце концов западная стена от меня никуда не денется. Я отошел подальше от тракта и развел костер. Набранные по дороге грибы отправились в котелок. В ожидании обеда я расположился на поваленной ураганом елке. Когда садился почувствовал, как что-то уперлось в бедро. Запустил руку в карман и нащупал плоский вытянутый камешек. Сначала удивился неожиданной находке, но потом сообразил, что это талисман, который я подобрал в святилище. Я вытащил его на свет и принялся внимательно разглядывать. Поднимая обломок с пола я и представить себе не мог, что стану обладателем настоящего сокровища. Признаться, я думал, что нашел обычный камушек, но сейчас на моей грязной ладони лежал выточенный из потемневшей кости кругляш. Говорят, раньше в долине жили диковинные существа размером с целый дом. Они вымерли очень давно, но до сих пор люди иногда находят в земле гигантские черепа с длинными белыми клыками. По слухам, торговцы

отдают за них столько серебра, что не унесешь. Лично мне эти клыки видеть не доводилось, но у одного из старших монахов был вырезанный из такой кости амулет. Он любил им хвастаться и показывал всем желающим. Я видел его несколько раз и даже держал в руках. Похоже я нашел украшение, сделанное из такого же материала. Вот бы Холин обрадовался. Наверно мальчишка сразу предложил бы обменять его на целую гору лепешек со шкварками.

Рассматривая диковинную вещь я даже на какое-то время забыл об усталости и голоде. Неровности в середине кругляша оказались искусно вырезанным орнаментом. К сожалению, он оказался забит пылью и грязью, поэтому для того чтобы его разглядеть мне пришлось промыть находку в ближайшей луже и хорошенько протереть полой плаща. Сложный рисунок изображал не то герб, не то какой-то знак — трехглавая гора слева от которой было изображено солнце, а справа луна. Никогда прежде ни в одной книге мне не доводилось видеть такого символа. Он мог что-то значить, а мог быть просто фантазией талантливого художника. В верхней части амулета было просверлено отверстие для того, чтобы хозяин мог носить его на шее. Это было кстати. Как у всякого послушника у меня на шее болтался кожаный шнурок, на который со временем должны были повесить знак старшинства. После всего случившегося монахом мне не быть, так почему бы не нацепить на себя красивую вещь? Я снял шнурок, с трудом просунул его в отверстие и повесил обретенное сокровище на шею.

Вечером я вышел к деревне. Глупо было надеяться на то, что по дороге к западным воротам не окажется вообще никаких поселений. Мысль о том, что когда-нибудь я должен буду выйти к людям и заявить свои права на наследство Тагона пугала меня до смерти, поэтому я всеми силами старался оттянуть неизбежное. Днем пробираясь через бурелом, я дал себе слово не малодушничать и до конца следовать продуманному плану, но сейчас я всерьез засомневался в том, что у меня что-нибудь получится. И тем не менее разглядев за деревьями набранные из дранки крыши деревенских домов я со всех ног бросился вперед в надежде поскорее оказаться среди людей. Выскочив из леса, я уткнулся в покосившийся забор и вынужден был обойти его стороной. Конечно можно было перелезть через ограду и пройти огородами, но не пристало вельможе так себя вести. После хождения по лесам вид у меня был еще тот. Дорогой плащ был прожжен у костра, лицо перепачкано в сажу, а сапоги измазаны глиной по самые голенища, но настоящий дворянский меч и торчащий из-за пояса магический жезл должны были придать мне солидности.

Наконец забор закончился, и я выбрался на деревенскую улицу. Одним концом она упиралась в лес и среди деревьев превращалась в узкую тропинку. Наверно дети бегали по ней за грибами и ягодами, а крестьяне ходили за хворостом. Сейчас несмотря на позднее время на улице никого не было. Я постучался в первый дом. Мне никто не ответил. Дверь оказалась открыта, но внутри ни души. В комнатах все было перевернуто вверх дном, словно кто-то что-то искал. Даже подушки и перины были вспороты и из них торчала сухая желтая солома. Я сразу вспомнил разоренный двор в Паусе и в ужасе прижался к стене. Не важно кто — может быть кочевники, а может быть сбежавшие из города мародеры уже побывали здесь до меня. Стараясь не шуметь и не ходить мимо окон, я осмотрел дом. Мне нужна была хоть какая — то еда, но похоже грабители все вымели под чистую.

Деревенька была небольшая всего дворов на десять. Я мог бы обойти ее всю за полчаса, но совать нос в каждый дом было слишком опасно. И хотя я не ощущал присутствия людей — не шумели дети, не лаяли цепные псы, действовать надо было очень осторожно. Еще были

слишком свежи воспоминания о кочевниках, прятавшихся на разоренных улицах Пауса. Пробираясь задними дворами и с опаской оглядываясь по сторонам, я надеялся на то, что крестьяне успели убежать до прихода степняков. Мимо деревни должны были пройти сотни беженцев. Неужели выслушав перепуганных людей, местные жители не последовали вслед за ними?

Переходя из одного жилища в другое, я не находил ничего кроме пыли, вспоротых матрасов и сломанной мебели. И все-таки мне повезло. В подполе третьего по счету дома нашлось немного картошки, видимо лопнул мешок и часть овощей рассыпалась, а в сарае на краю деревни мне удалось снять с веревки несколько вяленых подлещиков, которых почему-то не заметили грабители. Одного я съел прямо на ходу запивая соленую рыбу водой из фляги.

Когда-то у дороги стоял трактир, в котором путники, идущие из столицы в Паус и обратно могли передохнуть, поесть и выпить вина. Его построили чуть в стороне от деревни, чтобы шумные посетители не мешали спать ночами богобоязненным крестьянам, и чтобы оградить местных девок от охочих до блуда городских парней. Сейчас от двухэтажного строения осталась только кучка почерневших головешек и покосившийся столб с вывеской. За обгоревшими развалинами я обнаружил несколько тел. Несчастных подвесили за ноги на деревьях и оставили на съедение воронам. Тела были страшно изуродованы. Без труда можно было определить, что один из погибших принадлежал к знати. Его изорванная одежда была самого высокого качества. Не думаю, что дворянин сдался без боя. Может быть он закрылся в трактире и защищался, поэтому озверевшие степняки сожгли здание? Возможно с ним были слуги и друзья. Я выгащил меч и перерубил веревки. Нельзя было оставлять мертвых в таком виде. Мы конечно тоже подвешиваем покойников повыше, но здесь был другой случай. Победители хотели поглумиться над павшими врагами. В ближайшем доме я нашел старое одеяло и накрыл им тела. Затянув отходную молитву, я тщетно пытался вспомнить, где мог видеть надетые на мертвого дворянина расшитые золотом бархатные штаны. Уже углубившись в лес я понял кого только что похоронил. Под лоскутным одеялом, сшитым заботливой рукой какой-нибудь деревенской старушки, лежал молодой дворянин, который оставил отряд в ночь перед боем. Именно его Тагон уговаривал остаться. Вот, что значит нарушить данное слово. По спине побежали мурашки. Если завтра я назовусь воином мне придется вести себя соответственно. В мире мечей и магических жезлов клятва — значит больше чем жизнь. Так стоит ли брать на себя такую ответственность? Не лучше ли снять с себя и закопать всю эту дорогую одежду и оружие, и вновь стать мальчишкой-послушником? Если я назовусь и скажу, что бежал от войны меня примет любой монастырь. Еще бы ведь я последний из тех, кто видел владыку живым. Меня станут показывать паломникам, освободят от тяжелой работы и, возможно, мое имя даже попадет в великие летописи. О такой судьбе можно было только мечтать.

Я уже взялся за завязки плаща, чтобы сорвать с себя это непривычное одеяние, когда сзади раздался чей-то напряженный голос.

— Стой смирно. Если дернешься я прожгу тебе внутренности.

Я в ужасе замер на месте.

— Медленно повернись.

Я повиновался. Передо мной стояли три воина, жезл одного из них был направлен мне в живот. Наверно это были разведчики, посланные королем впереди главного отряда.

— Ты кто такой?

Похоже моим мечтам о возвращении в лоно церкви не суждено было сбыться. На мне чужая одежда, за поясом ворованное оружие. Теперь мне оставалось только соврать и стоять на своем до самого конца, а от того поверят мне или нет зависела моя жизнь.

— Ну, чего молчишь? Язык проглотил?

Я шумно сглотнул и ответил, — меня зовут Тибон. Я был в отряде Горуна из Кироха. Мы защищали мост через Суру.

— И как, — ехидно спросил дворянин маленького роста с хищным худым лицом чем-то похожим на морду лесного пса, — защитили?

— Нет, — сказал я.

— И где же твой Горун и его отряд? — продолжал допытываться воин.

Его издевательский тон мне не понравился. Интересно, как бы на моем месте поступил Тагон? Наверно вытащил меч и вызвал грубияна на поединок. Но я не он, я даже не знаю, как этот меч правильно держать. И все-таки от слов человека с собачьим лицом меня бросило в жар. Не для того мои спутники сложили головы у проклятого моста, чтобы над ними потешался какой-то проходимец, который все это время прятался за западной стеной.

Я набылчился, взялся за рукоять меча и сделал шаг вперед.

— Больше никого нет. Я последний.

Если бы я и дальше шел вдоль дороги в сторону западной стены, то непременно попал в руки степняков. Как оказалось, они давно оставили Паус, разорили окрестные земли и добрались до ворот — последней преграды на пути в столицу. Мне повезло встретиться с группой разведчиков, которые провели меня лесными тропами к потайному проходу. Признаться, представляя западную стену я рисовал в своем воображении огромные ворота и каменное укрепление похожее на замок со всех сторон окруженное непроходимыми лесами. На самом деле все оказалось совсем не так. Это действительно была стена, которая тянулась на многие километры отрезая небольшой кусок долины от основной части страны. В некоторых труднопроходимых местах сплошная каменная кладка превращалась в высокий деревянный частокол или засеку состоящую из наваленных друг на друга деревьев. Говорили будто бы стена была не сплошной и в тех местах, где путь врагу преграждали непроходимые топи укрепления вообще строить не стали и ограничились только невысокой оградой. Зимы в долине были мягкие и болота никогда до конца не замерзали.

До самого вечера мы шли без остановки. Мои спутники почти не разговаривали между собой. После того, как оскорбленный ехидными замечаниями одного из них я схватился за меч они старались меня не трогать. Воин с собачьим лицом, который едва не спровоцировал драку то и дело бросал на меня злобные взгляды, но держал свой язык за зубами. Никто из них не знал меня и не понимал, какая сила стоит за спиной мальчишки-воина. Если бы я оказался отпрыском знатного рода пустая ссора могла закончиться кровавой мстостью. К тому же разведчики понимали, что встреча со мной была для них, как удачно выброшенная игральная кость. Пожалуй, немного нашлось бы людей, которые своими глазами видели падение Пауса.

Сначала мы долго плутали в чаще, потом переправлялись на маленькой лодочке через лесное озеро и наконец вышли к потайному проходу, который был почти не заметен в высокой деревянной стене. Нас впустили не сразу и мне удалось немного передохнуть в ожидании караула. Я думал, что наши приключения на этом закончатся, но не тут-то было. Воины торопились доложить начальству о результатах разведки, поэтому даже после того,

как отряд оказался по другую сторону стены нам пришлось еще долго идти в темноте через лес. К тому моменту, когда мы достигли основного лагеря я совершенно выбился из сил. Меня хотели показать какому-то вельможе, но так и смогли его разыскать, поэтому допрос решено было отложить до утра. Меня усадили у огня, дали вина и жаренного мяса, а потом уложили спать. Я был так измучен, что даже не успел дочитать до конца ночную молитву. Глаза мои закрылись, и я провалился в сон.

Утром меня разбудили рано. Разведчики торопились доложить о том, что увидели и слышали. Мы взяли свои пожитки и двинулись к воротам обходя потухшие костры и спящих людей. Только сейчас мне удалось рассмотреть лагерь во всех подробностях. Кругом лежали кучи мусора, дороги, разбитые сотнями ног, превратились в кашу, а воины были больше похожи на вернувшихся с поля крестьян. Ближе к центру было установлено несколько больших шатров для самых знатных господ, а все остальные устраивались вокруг, как могли. Большинство дворян не имело даже палаток или шалашей. Они спали прямо на голой земле подложив под голову доспехи и укрывшись дырявыми плащами. Напрасно я волновался о том, что предстану перед вельможами в грязной одежде с чужого плеча. Большинство воинов выглядели не лучше меня. Конечно ночевки в лесу у костра никого не красят, но я думал, что дворяне лучше следят за своим внешним видом.

Казалось никого особенно не волновал захваченный врагами Паус и изготовившиеся к осаде западной стены степняки. Собравшиеся по зову короля воины беззаботно пили, ели и проводили время в праздности и лени, не думая о том, что ждет их впереди. Вина в лагере было много. Его продавали подносчики с ручных тележек или наливали при помощи больших черпаков прямо из бочек. Многие пьяницы не спешили просыпаться после бурной ночи и оставались у потухших костров. Несколько человек во сне скатились со своих постелей, да так и остались лежать в грязи. Никому не было до них никакого дела.

Картины лагерного быта оставили моих спутников равнодушными. Похоже ничего другого они и не ожидали здесь увидеть, а значит и мне не стоило выказывать удивления. Любое неосторожное слово или взгляд могли меня выдать, поэтому я старался помалкивать и поменьше крутить головой.

Мы подошли к большому шатру и остановились у входа. Изнутри доносились недовольные голоса. Наверно вельможа распекал нерадивых слуг. Я попытался разобрать, о чем шла речь, но из этого ничего не получилось. Мне удалось расслышать всего несколько слов. Один из моих спутников отогнул полог и скрылся в шатре.

Странное дело, снаружи не было никакой охраны, словно тот, кто жил внутри ничего не боялся или слишком доверял тем, кто расположился поблизости.

— Пусть войдут, — громко сказал кто-то невидимый, полог откинулся, и разведчик махнул рукой приглашая нас.

Я ошибся никаких слуг внутри не оказалось. В центре на походном стуле сидел высокий худой мужчина, рядом расположилось несколько дворян, причем один был совсем молодой может быть даже младше меня. Командир разведчиков выступил вперед и начал доклад. Я держался позади в тени и очень надеялся на то, что никто не обратит на меня никакого внимания. Зачем знатым господам такой дурень, как я? Конечно допроса мне не избежать, ну и что из того? Выслушают мой рассказ про оборону Пауса и пошлют на все четыре стороны. Вопросов с подвохом я не боялся. В свое время нам с Холином без труда удалось обмануть начальника городской стражи. Главное потом не попадаться этому важному

вельможе на глаза, а уж затеряться среди молодых дворян я сумею. Вон какой лагерь огромный! Пойди отыщи в нем одинокого мальчишку. О наследстве Тагона я сейчас и не думал, придет время выпрошу кого-нибудь о том, как лучше обратиться к судье и подпишу бумаги.

Пока разведчики в подробностях рассказывали о том, что повидали я принялся с интересом разглядывать шатер. В таких местах мне еще не приходилось бывать, если не считать палатку, натянутую на рыночной площади Пауса, но тот вонючий кусок парусины принадлежал городским властям, а это чудо было поставлено здесь ради одного человека. Изнутри шатер казался огромным. Наверно здесь можно было бы уложить спать человек пятнадцать, хотя я совсем не был уверен в том, что вельможа потерпит под своей крышей других жильцов. В дальнем углу мне удалось разглядеть походную кровать, небольшой складной столик и маленькую жаровню.

— Хорошо. Я понял, — наконец сказал дворянин.

При звуках этого голоса я вздрогнул и присмотрелся к хозяину шатра повнимательней. Не сразу, но я узнал его. Несмотря на то, что внутри было темновато я догадался, что передо мной сидел Гамон — воин, который приходил к владыке за несколько дней до нападения степняков. За последнее время он осунулся и еще больше похудел. Неудивительно — тревога за судьбу страны измучает кого угодно. Наверно не спит совсем.

— Где юноша, которого вы встретили в лесу? — спросил вельможа.

— Он здесь, — ответил разведчик.

— Пусть подойдет.

Воины расступились, давая мне дорогу, а командир разведчиков ободряюще кивнул, когда встретился со мной взглядом. Я смело выступил вперед и замер перед Гамоном. Вроде бы никто ему не кланялся и на колени не падал. Значит и я не стану, если не принято.

Вельможа с интересом посмотрел на меня.

— Говорят ты был в Паусе, а потом защищал мост через Суру. Это правда?

— Да, — ответил я и с трудом удержался, чтобы не добавить "господин".

— Расскажи об этом.

Все-таки боги не оставили меня в трудный час. Нужные слова сами выстраивались в яркую историю, и дворяне с видимым удовольствием слушали мой рассказ. Когда я закончил в шатре повисла удивительная тишина. Конечно на уроках риторики нас учили красиво излагать, но кажется сегодня я превзошел самого себя. По лицам собравшихся я видел, что мой рассказ тронул их до глубины души. Неожиданно молодой воин подошел к Гамону и что-то зашептал ему на ухо указывая на меня рукой.

— Как тебя зовут, юноша? — спросил вельможа.

— Тибон.

— Просто Тибон, — удивился дворянин, — у тебя нет усадьбы или родовой земли, которые ты мог бы добавить к своему имени?

"Началось", — с тоской подумал я и ледяные мурашки побежали по спине, — "неужели они догадались, что я самозванец. Но как? Что меня выдало? Неужели они узнали оружие Тагона? Но присвоенный мной жезл ничем не отличался от многих других. На нем не было ни серебряной насечки, ни драгоценных камней. Да и меч с виду казался совсем обычным".

Наверно если бы на моем месте был Холин он бы сразу "засыпался", но я не зря столько времени провел в библиотеке. Главное не подавать виду, что испугался, а умных слов я знаю достаточно.

— Я унаследовал усадьбу совсем недавно и еще не успел предъявить на нее свои права, — с важным видом заявил я.

— Ну так в чем же дело? — улыбнулся Гамон, — Я не только воин, но и судья. Мой мозг хранит множество тайных слов, а если я о чем-нибудь позабуду мы всегда сможем заглянуть в великие списки. Скажи мне секретное слово твоего рода.

Я засомневался. Неужели человек способен удержать в памяти столько тайн?

— Ну что же ты молчишь?

Может быть он проверяет меня? Кто знает, как в этом мире принято разговаривать с судьями. Может быть такие слова вообще нельзя произносить вслух при свидетелях. Но похоже деваться мне было некуда. Дворяне с интересом ждали моего ответа, поэтому я набрал в грудь побольше воздуха и выпалил, — Дикое место.

— Эти слова я знаю, — задумчиво сказал судья и поднялся, — ты имеешь наглость утверждать, что приходишься родственником моему другу Тагону?

Собравшиеся в шатре возмущенно загалдели, а молодой воин стоящий рядом с Гамоном коротко вскрикнул и схватился за меч. Он смотрел на меня с такой ненавистью словно хотел прожечь во мне взглядом дыру. Разведчики на всякий случай отошли от меня подальше, и я остался посреди шатра совершенно один.

— Я его незаконнорожденный сын, — сказал я и опустил глаза.

— У Тагона не было детей, — воскликнул молодой воин, — он не мог иметь детей! Ты самозванец и плут!

— Это правда, — согласился Гамон, — все помнят, как в молодости он получил тяжелую рану во время поединка и с тех пор женщины перестали его интересоваться. Но ты конечно не мог этого знать.

Под тяжелым взглядом Гамона я задрожал словно осенний листок. Надо же было так опростоволоситься!

— Как ты узнал тайные слова?

Я вспомнил свой странный сон и Холина, который приказал мне стоять на своем и ни в чем не признаваться. В конце концов Тагон сам сказал мне про Дикое место, так что в некотором роде я говорил правду.

— Еще неделю назад я ничего не знал о Тагоне. Я жил при монастыре. Во время осады Пауса отец нашел меня и обо всем рассказал.

— Лжешь, — воскликнул молодой воин, — ты самозванец!

— Спокойно, Марон, — судья поднял руку, — мы не вправе обвинять этого человека в обмане не имея доказательств. Он назвал правильные слова, но этого недостаточно. Для того, чтобы занять место Тагона он должен убедить нас в том, что постиг тайны магии и прочие премудрости, которые обычно переходят от отца к сыну.

Дворяне одобрительно зашумели.

— Ты умеешь пользоваться магическим жезлом?

— Умею, — буркнул я.

— Покажи.

"Нет ничего проще" — подумал я.

На самом деле я ни разу не пробовал зарядить артефакт, но прекрасно помнил, как это делал Химон. Несмотря на то, что старик специально отворачивался от меня в смотровой башне я почти ничего не упустил, а прислуживая Тагону успел запомнить, где лежат железные шарики и огненный порошок. Конечно непривычные движения давались мне с

трудом, и один раз я чуть не выронил жезл, но все-таки мне удалось его зарядить.

Когда я зажег фитиль Гамон хлопнул в ладоши.

— Прекрасно! Теперь выпусти молнию в пол. Только осторожно не попади ни в кого из нас.

Я был слишком взволнован, чтобы уловить издевательские нотки в его в голосе.

Направив руку с жезлом вниз, я зажмурился и нажал на рычаг. С сухим щелчком фитиль стукнулся по выступающей железке, но ничего не произошло. Я открыл глаза и с удивлением уставился на оружие.

— Думаю теперь все понятно, — сказал Гамон, — скорее всего перед нами слуга, который видел, как господин заряжает жезл, но так и не понял, как это оружие устроено.

Меня словно обухом ударили по голове. В оцепенении я смотрел на бесполезный артефакт и не знал, что сказать. Выходит, не все так просто, как я себе представлял, и древняя магия не дается первому встречному. Может быть я нарушил последовательность действий или не сказал необходимое заклинание, которое вредный Химон перед боем проговорил про себя.

— И все-таки вопрос серьезный, — судья нахмурился и обвел присутствующих задумчивым взглядом, — я еще не готов принять решение. Вы все стали невольными свидетелями этих странных событий, поэтому я спрашиваю вас требуются ли еще какие-нибудь доказательства?

Неожиданно вперед выступил седой воин.

— Юноша рассказал нам много интересного об обороне Пауса. Не похоже, чтобы он все это придумал, — задумчиво произнес он, — не всегда родственник успевает подготовить приемника, тем более, если идет война. Владение магическим жезлом не главное для настоящего мужчины. Все вы знаете, что некоторые наши друзья считают недостойным использование магии и больше полагаются на силу руки и остроту клинка. Возможно юноша сможет убедить нас в своем высоком происхождении, если Марон согласится сразиться с ним на мечах.

Многие дворяне одобрительно закивали головами.

— Пусть будет так, — сказал Гамон и посмотрел на молодого воина, — но это не поединок, а испытание. Твой противник не должен умереть.

— Хорошо, — сказал мальчишка, — я готов.

Только сейчас до меня наконец дошло кто этот заносчивый молодой дворянин. Неужели мне предстояло сразиться с племянником Тагона? Великие боги, за что вы так сурово наказываете меня?

Махать дворянским мечом было неудобно. У сабли рукоятка короткая, ухватился и дерись, а у оружия Тагона она была длинная. Не знаю зачем ее такой сделали. Вот если бы меч был большой и тяжелый тогда понятно можно было бы ухватиться за рукоять двумя руками, но по длине он оказался даже немного короче сабли.

Предстоящего боя я не боялся. Во-первых, Гамон приказал меня не убивать, а во-вторых я уже побывал в настоящем сражении и знал на что способен. Конечно дворяне знают всякие хитрые приемы, но, если я дам Тагонову племянничку по макушке мало ему не покажется. Конечно я не хотел убивать или ранить молодого воина, но куда мне было деваться? Не я затеял этот бессмысленный поединок.

В свое время Химон и Тагон при мне принимали боевую стойку. Скопировать ее не

составило никакого труда, поэтому я просто встал так же. Было непривычно и тяжело.

Наверно я выглядел смешно и нелепо, потому что за моей спиной раздалось несколько ехидных замечаний и смешков. Марон встал напротив меня, обнажил меч и приготовился к бою. Если я держал оружие высоко над головой, то мой противник опустил его к земле. Я помнил, как страшно кричал Химон нападавая на врагов в узком монастырском коридоре. Наверно он хотел напугать кочевников и сбить их с толка. Может быть и мне надо было сделать так же, но было стыдно орать в этом шатре, среди разодетой знати, поэтому я просто бросился вперед и ударил. В тот момент, когда удар казалось достиг своей цели Марон неожиданно исчез. Не встретив сопротивления меч рассек воздух, а сам я не удержался на месте, сунулся вперед, попытался остановиться, но получил звонкий щелчок по затылку и растянулся на земляном полу. При падении меч выскользнул из руки и покатился к ногам восхищенных зрителей. Униженный и оглушенный я даже не пытался встать. Пусть добивают. Сначала мне показалось, что я оглох от удара, потому что не сразу начал различать голоса, искаженные звуки долетали до меня словно сквозь туман.

— Я должен убить его, — говорил Марон, — самозванец оскорбил мою семью.

— Он тебе не ровня, — отвечал Гамон, — значит не стоит марать руки. Мы не станем никому ничего говорить и честь твоей семьи не пострадает. Сделаем вид, что мальчишка действительно дворянского рода. Пусть его вызовет на поединок кто-нибудь другой. Говорят, по дороге в лагерь он повздорил с одним из разведчиков. Думаю, этот воин не откажется проучить наглеца.

— Тогда оружие и доспехи моего дяди окажутся в чужих руках. Победитель заберет их себе.

Я не сразу понял, о чем они говорят, а когда сообразил очень удивился. Выходит, вельможи решали мою судьбу совершенно не смущаясь того, что я находился рядом. Хотя, чему удивляться. Кто я для них? Оборванец хитростью решивший занять чужое место, презренная букашка вроде клопа.

— Не стоит об этом беспокоиться, — отвечал судья, — я выкуплю оружие Тагона и передам тебе.

— Вставай щенок, — проворчал кто-то над ухом и чьи-то сильные руки подняли меня на ноги, — у тебя впереди будет еще один поединок. Похоже сегодня великие боги решили развлечься.

Признаться, я подумал, что поединок случится прямо здесь, но оказалось, что у богачей даже убийство мальчишки могло состояться только в определенном месте и согласно древнему ритуалу. Все, кто находился в шатре и стали свидетелями моего позора отправились в лес. Поляна для поединков выбиралась знающими людьми из свиты Гамона, а наблюдать за боем могли только секунданты с обеих сторон. Смертельный бой чужих глаз не любит. Все понимали, что некоторые участники поединка перед лицом неминуемой гибели могли позабыть о дворянской чести, поэтому представители знатных семей старались избежать нежелательной огласки и позора, если вдруг что-нибудь пойдет не так. Секунданты заранее обещали не разглашать подробности. В этот раз зрителей собралось немало, потому что наше появление в шатре прервало военное совещание, и все ближайшие соратники Гамона оказались втянуты в эту историю. Они торжественно поклялись молчать о том, что я претендовал на роль родственника Тагона, чтобы не бросать тень на семью погибшего воина. Так что не считая меня и второго участника дуэли — разведчика с песьим

лицом на поляне присутствовали девять человек. Чтобы не вызвать подозрений в лагере мне до поры оставили оружие, которое потом отобрали. Меч обещали вернуть уже перед самым боем.

По правилам дуэли соперники должны были сражаться в одних набедренных повязках. Раздевался я медленно, но не потому что хотел прожить несколько лишних мгновений. Как ни крути, а на то, чтобы закончить отходную молитву требовалось время. Конечно я пел священные стихи про себя. Разговор с богами дело личное и незачем окружающим слышать сокровенные слова. С неминуемой смертью я смирился. Жизнь беглого послушника оказалась короткой и непримечательной. Я благодарил богов за то, что показали мне жизнь мирян и позволили узнать таких людей, как Холин, Горун и Тагон. Что ни говори, но за последние несколько дней я повидал столько, сколько не мог бы увидеть в монастыре за целый год. Конечно я ужасно трусил. Кому же охота помирать в 15 лет? Я боялся боли и страшился увидеть перед смертью на своем теле кровавые раны, поэтому ноги мои предательски задрожали, когда я остался стоять перед своим противником в чем мать родила. А он напоследок решил поиграть со мной. Разведчик вышагивал словно петух, высоко поднимая ноги и презрительно ухмылялся. Наверно он не осыпал меня оскорблениями только потому, что не хотел нарушить ритуал. По сравнению с ним я казался жалким цыпленком. Воин несмотря на небольшой рост оказался словно вылеплен из алебастра. Под молочно — белой кожей перекатывались упругие мышцы. Разведчик то приближался ко мне, то отступал в ожидании команды начать поединок. Его лицо заострилось и стало еще больше похоже на собачью морду.

— Что это у тебя за украшение, — неожиданно спросил он, — поди тоже украл у своего господина вместе с оружием и одеждой?

Похоже он заметил на моей груди амулет.

— Красивая вещица и дорогая, — сказал он с улыбкой, — скоро она достанется мне.

Наверно этими словами он хотел окончательно сломить мой дух, но цели своей не достиг. От ужаса я и так уже был на полдороге к сверкающим вершинам, поэтому пропустил его издевательства мимо ушей. Но похоже амулет заинтересовал не только его. Услышав слова разведчика пожилой воин, который в свое время предложил испытать меня в поединке подошел поближе и принялся разглядывать украшение.

— Приступим, — сказал Гамон, — дайте им мечи.

Секунданты протянули оружие. Принимая из рук Марона меч, я бросил на юношу умоляющий взгляд, но не прочел в его глазах ни тени сочувствия, одну только безграничную ненависть. Ладонь моя вспотела, и тяжелая рукоятка едва не выскользнула из пальцев.

— Приготовьтесь.

Бессмысленно было защищаться. Мой противник изготовился к атаке, а я даже не стал поднимать меч.

— Вперед, — сказал Гамон.

Разведчик налетел на меня словно ураган, но в последний момент непонятно откуда прямо передо мной возник пожилой воин. Одним ловким движением он перехватил устремившееся ко мне лезвие и отвел его в сторону. Я услышал, как собравшиеся на поляне охнули, как вскрикнул от удивления и обиды воин с песьим лицом, как он отступил назад, готовясь ко второму удару уже направленному на нового соперника, но в следующее мгновение старик сделал выпад, и мой противник застыл, выпучив налитые кровью глаза. Лезвие пробило ему горло. Долю секунды тело еще стояло прямо пока победитель не

выдернул меч. Кровь брызнула мне в лицо и на грудь, так близко я находился к убийце и жертве. Ноги разведчика подкосились, и он безвольно рухнул на землю словно тряпичная кукла.

Пожилой воин действовал так стремительно, что никто из собравшихся на поляне не успел ему помешать. А убийца и не думал останавливаться. Он сделал несколько быстрых шагов и вонзил меч в грудь второго разведчика. Без единого звука мертвый воин повалился на землю. Большинство дворян в ужасе отшатнулись от старика, а несколько человек схватились за мечи и вышли вперед, заслонив собой Гамона, и только судья сохранил видимое спокойствие и даже не притронулся к оружию.

— Ты всех нас убьешь, Ругон? — спросил он.

Старый воин стряхнул с меча кровь и убрал его в ножны.

— Прости меня, Гамон. Я был вынужден убить этих людей, чтобы сохранить тайну, которая только что открылась мне. Уверен, что всем остальным я могу доверять.

— И мне?

— Тебе в первую очередь.

Судья кивнул, давая понять, что благодарен за оказанное доверие и спросил,

— Я рад, что ты не считаешь меня своим врагом. И все-таки ответь мне зачем ты убил этих людей и почему не дал свершиться правосудию?

— Ты ошибся, Гамон, — сказал старый воин, — мы все ошиблись. Мальчишка не врал.

Тагон действительно сделал его своим наследником, но вовсе не потому что нашел сына и достойного приемника. Думаю, что раньше он его даже не знал.

— Что ты такое говоришь, — воскликнул молодой дворянин, — ты сошел с ума!?

Он хотел еще что-то сказать, но судья предостерегающе поднял руку.

— Продолжай.

Ругон улыбнулся.

— В Паусе Тагон встретил юношу на шее которого был странный амулет. Кстати он до сих пор на нем, — старик указал на меня пальцем, — и наш друг понял, что самое меньшее, что он может сделать для мальчишки — это отдать ему свое имущество, земли и жизнь.

— Но почему? — недоуменно спросил Марон, переводя удивленный взгляд с одного воина на другого.

— А как по-вашему должен был поступить дворянин, встретив последнего из рода трех вершин? — спросил Ругон.

— На самом деле, — рассказывал старик, — выше всех в погоне за раненым козлом на священную гору поднялся не один охотник, как говорится в Летописях Начала, а двое. Они оба первыми предстали перед богами и узрели истину, так что вернувшись обратно к людям каждый из них мог бы назвать себя королем. Но они сумели договориться. Один из охотников не желал власти. Он добровольно отказался от нее и первым поддержал будущего правителя. Долгие годы обе семьи жили в мире, но потомки первого короля никогда не забывали о том, что есть на свете род, который может претендовать на трон. Проходили века и однажды один из королев вознамерился навсегда уничтожить соперника и всю его семью. Была кровавая бойня, многие погибли: мужчины, женщины, дети. Но род трех вершин выжил и затерялся среди простых людей. С тех пор слуги короля рыщут по свету, чтобы разыскать таких, как ты и всех убить.

Мы расположились у костра подальше от основного лагеря в лесу, а слуги Ругона

сторожили нас притаившись в зарослях. По словам старика, я был важнее всех сокровищ долины, не считая конечно самого короля. Мне вернули все: оружие, одежду, доспехи и сумку. Принимая обратно вещи, я почувствовал, что мой кошелек заметно потяжелел.

— Говорят ты последний из рода, поэтому наша задача защитить тебя от шпионов и присмотреть за тем, чтобы ты оставил после себя потомство, — продолжал пожилой воин.

— Но защищая меня вы нарушаете королевскую клятву. Разве боги не накажут вас за это? — спросил я.

— Каждый из нас верен королю и без сомнений отдаст за него жизнь, — ответил старик и помешал палкой угли затухающего костра.

— Тогда я вообще ничего не понимаю, — сказал я и принялся в очередной раз разглядывать таинственный амулет, который спас мне жизнь. Конечно я понимал, что своим спасением я обязан богам, а не красивой побрякушке, но, если бы ни этот странный кусочек кости лежать бы мне сейчас в кучах мусора на краю лагеря.

— В мире должно быть равновесие, — объяснил Ругон, — поэтому на твоём амулете изображены луна и солнце, свет и тьма. Как бы не был велик король, но он всегда должен помнить о том, что в мире есть человек, который в любой момент может принять у него из рук бремя власти. Это знание не позволит ему сбиться с пути, не даст забыть заветы богов. Поэтому сохраняя тебе жизнь, мы действуем во благо короля. Даже если в данный момент он этого не осознает.

— Но ведь король может делать все, что хочет, — недоумевал я, — кто возьмет на себя смелость оценивать его поступки? Кто посмеет перечить ему?

— Давая клятву королю мы даем клятву стране и народу ее населяющему. Родина превыше всего. Если король станет угрозой для своих подданных уверяю тебя такие люди найдутся.

На поляне стало темно, костер прогорел и тлеющие угли подернулись пеплом.

Трудно было простому мальчишке понять и принять все это. Древние предания, узы крови и тайные обеты всегда казались мне чем-то далеким и нереальным. Просто красивые слова и рисунки в летописях дворянских родов. Но амулет, который я держал в руках был настоящий и воины, которые на поляне для поединка дали клятву защищать меня были из плоти и крови. Что ждало их за нарушение тайного королевского приказа: "сообщать обо всех представителях рода трех вершин"? Наверно ничего кроме пыток и мучительной смерти. Чтобы сказали все эти храбрые воины, если бы узнали, что во мне течет простая крестьянская кровь — картофельная водица? Как бы поступили? От одной этой мысли меня бросило в дрожь.

— Иди-ка ты спать, — сказал Ругон, — у тебя выдался трудный день.

Я не заставил просить себя дважды, улегся у костра и завернулся в плащ Тагона.

Великие боги рисуют наши пути, и никто из смертных не знает насколько высоко закинет его судьба. Благодаря случайной находке безродный оборванец почти сравнялся с королем, зато теперь по моим следам пустились все ищейки королевства. И если они меня найдут, если хотя бы один из тех, кто оказался сегодня на поляне проболтается ни что на свете не спасет меня от смерти.

Утром в шатре Гамона состоялся военный совет. Дворяне были рады, что смогли разыскать носителя священной крови, но теперь им нужно было решить, что со мной делать дальше.

— Он занял место Тагона, — сердился судья, — значит теперь он воин и слуга короля. Он пойдет в битву вместе с нами и докажет свое высокое происхождение.

— Но мальчишка ничего не умеет, — возражал Ругон, — его убьют в первой же стычке!

— Значит такова воля богов!

— Но можем ли мы рисковать его драгоценной жизнью, — продолжал спорить старик, — что мы будем делать, если потеряем Тибона в бою?

— Но и держать его в обозе со шлюхами и маркитантами я не могу! Со вчерашнего дня он дворянин! — упорствовал Гамон.

Ругон ничего не ответил, только сокрушенно покачал головой.

— Давайте скажем, что он был ранен во время поединка и теперь не может сражаться, — предложил Марон, после все случившегося молодой воин перестал смотреть на меня зверем и наоборот всячески старался выказать свое расположение.

— Не получится, — сказал командир разведчиков, из всего отряда, встреченного мной в лесу Ругон пощадил только его, — а поединке никто не знает. Я сказал, что мои люди попали в засаду степняков и погибли. Тела мы спрятали.

Гамон в сердцах грохнул о походный столик серебряным кубком, красное, как кровь вино пролилось на земляной пол.

— И так плохо, и так нехорошо!

Неожиданно заговорил высокий статный воин, который за все время нашего знакомства не проронил ни слова.

— Боги помогли нам найти этого человека и не дали ему погибнуть, — сказал он, — значит они и дальше собираются оберегать его. Не можем ли мы своим малодушием к худшему изменить его судьбу?

— Что ты хочешь этим сказать, Булин? — спросил Гамон.

— Юноша остался жив во время осады Пауса, единственный из всего отряда уцелел, защищая мост, бродя неизведанными тропами наткнулся на наших разведчиков.

Сам того не ведая, он выбирает правильное направление и обходит возможные ловушки.

Раньше ему везло. Пусть и сейчас он сам решит, как поступить.

Все воины не сговариваясь посмотрели на меня. Что мне было делать? Сердце мое разрывалось от ужаса. Конечно я бы остался в лагере и с радостью забился в самый темный угол только бы не видеть степняков, но где-то в глубине души я понимал, что от правильного решения будет зависеть моя дальнейшая судьба. Если эти люди считают меня особенным значит я не должен разрушить их веру в свою исключительность. Если хотя бы у одного из них возникнет сомнение в моем предназначении он отдаст меня на растерзание королевским ищейкам.

— Пусть я плохо сражаюсь, — сказал я, — и не умею пользоваться жезлом, но мне уже приходилось убивать степняков. Я не стану прятаться и пойду в бой вместе с вами.

Услышав мои слова Ругон возмущенно крикнул, Гамон улыбнулся и кивнул в знак одобрения, а Марон воскликнул, — молодец! Я знал, что ты не трусишь!

Еще вчера он с удовольствием отрезал бы мне башку, а сегодня радовался, как ребенок, узнав о моем решении. Похоже я нашел правильные слова, и дворяне признали за мной право распоряжаться собственной судьбой. По крайней мере теперь никто из них не сможет обвинить меня в трусости. Многие подошли ко мне, чтобы сказать слова одобрения и поддержки, и только Булин остался стоять в глубине шатра. Его лицо оставалось в тени, но я чувствовал, что он внимательно наблюдает за мной.

Днем Ругон взял меня с собой на стену.

— Вот оно варварское воинство, — сказал он, указывая на вражеский лагерь — совсем обнаглели, ничего не бояться. Обустроились прямо у нас под боком.

Кочевники расположились в дух полетах стрелы от стены. Они так же, как и во время осады города составили кругами повозки и кибитки укрыв за ними шатры и палатки. Почему-то в этот раз я не заметил среди захватчиков женщин и детей. Неужели побоялись вести родню в глубь чужой территории? Казалось, что и воинов собралось значительно меньше, чем под стенами Пауса.

— Я ожидал, что степняков будет больше, — сказал я, — почему их так мало?

— А сам, как думаешь? — старик улыбнулся.

— Не знаю.

Мы расположились на смотровой площадке укрывшись от вражеских стрелков за высокими зубцами. Бывало, что одиночные всадники подъезжали к воротам и пытались достать из лука зазевавшегося часового. Иногда им отвечали и тогда над лесом гремел гром магического выстрела, но чаще всего охрана стены оставляла провокации степняков без внимания.

— По-твоему Паус богатый город? — спросил Ругон.

— Конечно, — ответил я, вспоминая широкие улицы, ломящиеся от товаров лавки и нависающие над кварталами бедноты усадьбы богачей.

— А тебе не кажется это странным, — продолжал допытываться пожилой воин, — город стоит на самой окраине, рядом враждебная степь, а в него со всей страны едут зажиточные купцы и искусные мастера. Зачем? Ведь любой дурак понимает, что жить в таком месте опасно.

— Ну мало ли, — ответил я, — говорят со степью выгодно торговать. Через Паус проходит много караванов.

— Ну и жили бы там тогда одни торговцы, — не унимался старик, — а тут тебе и ремесленники, и портные и дворянских домов великое множество.

Я молча пожал плечами. Откуда мальчишка вроде меня может знать такие тонкости? Может быть я и сумел бы правильно ответить, если бы занимался торговлей или каким-нибудь ремеслом.

— Потому что большинство этих людей отправляются в Паус по указу короля, — сказал Ругон и назидательно поднял вверх указательный палец, — казна ссужает их деньгами на строительство домов и складов, помогает товарами и занижает пошлины.

— Зачем? — удивился я.

Старик хитро подмигнул.

— Это ловушка, дружок. Их заманивают деньгами и щедрыми посулами, чтобы Паус богател.

— Не понимаю, — честно признался я, — для чего это нужно?

— Это делается на случай войны, — пояснил Ругон, — когда степняки захватывают город они берут богатую добычу. Не все хотят идти дальше вглубь страны. Половина племен отправляется с верховным ханом только для того, чтобы разграбить Паус, потом они возвращаются в степь. Именно поэтому ты видишь здесь так мало вражеских воинов.

Когда до меня дошло, что старик имеет в виду, я чуть дар речи не потерял. Ведь это настоящее злодейство! Как он может так спокойно говорить о том, что целый город оказался

разменной монетой в руках короля и его вассалов?!

— Но также нельзя! Там же люди живут, — воскликнул я и тут же поправился, — жили! Там такое творилось! Там ведь...

Я задохнулся от гнева и замолчал. Видимо последние слова я произнес слишком громко, потому что несколько стражников удивленно посмотрели на нас.

Казалось моя реакция позабавила старого воина.

— Это разумная жертва, — сказал он, — король отдает на растерзание один город, чтобы сохранить страну. Все знают, что остановить орду нельзя, но можно замедлить ее бег, заставить ее отяжелеть от добычи, сыграть на страхе захватчика потерять то, что он уже заполучил в походе. Это одна из немногих военных хитростей, которая помогает нам выжить. Не торопись осуждать полководца, пока не понял его замыслов.

— Но неужели нельзя было защитить горожан, — не сдавался я, — например построить более высокую стену, собрать армию...

— Это не поможет, — ответил Ругон, — собаке нужно бросить кость, только тогда она не вцепится тебе в горло.

Вечером к нам присоединился Марон. Он явился не один, а в сопровождении нескольких слуг. Все они были примерно одного возраста и так же молоды, как и господин.

— Завтра нам предстоит кровавая работа, — предупредил нас Ругон, — поэтому сегодня нужно отдохнуть, как следует.

Услышав о предстоящей битве, я обрадовался. Будь, что будет. Я больше не мог сидеть на одном месте и ждать непонятно ничего. Меня уже тошнило от лагеря, пропахшего кислым вином и нечистотами.

— Неужели завтра мы нападём на степняков? — спросил я.

— А ты хотел, чтобы они вечно сидели под нашей стеной? — усмехнулся вредный старик и больше не сказал ни слова. У него было какие-то важные дела, поэтому он оставил нас с Мароном у костра одних и отправился в ставку Гамона.

Несмотря на прежние разногласия мы с молодым воином отлично поладили. Я честно рассказал ему о гибели дяди, только конечно умолчал о том, что присвоил его оружие, доспехи и родовое имение. Пока мы разговаривали слуги зажарили на огне курицу и подали нам ужин. Мне трудно было привыкнуть к тому, что другие люди заботятся обо мне причем делают это не по принуждению, а по доброй воле. Интересно, что бы сказали эти почтительные молодые люди, если бы узнали, что человек, которому они прислуживают за столом совсем недавно чистил монастырский нужник?

Марон тоже обрадовался тому, что завтра мы выступаем. Он рассказал мне, что от пьянства и безделья в войске падает дисциплина, и что добывать еду становится все труднее. Слуги жаловались на то, что погребов в расположенных возле лагеря деревнях опустели, потому что армия короля съедает все, что может выменять, купить за деньги или украсть у местных жителей.

— Если в ближайшее время мы не прогоним отсюда степняков крестьяне начнут продавать нам лепешки по цене колбасы, — посетовал молодой воин.

Заботы Морана о хлебе насущном поначалу показались мне мелочными, но подумав немного я с ним согласился. Последнее время я жил на всем готовом и ни разу не платил за еду, чего нельзя было сказать обо всех остальных. Воины кормили меня за свой счет, а я принимал это как должное. Но теперь я стал дворянином, имел свою землю и усадьбу, а

значит и заботиться о себе должен был сам.

— Что ты сказал Гамону в шатре, когда впервые увидел меня? — спросил я.

Признаться, этот вопрос давно не давал мне покоя. Очень хотелось узнать, что выдало во мне самозванца и почему судья сразу заподозрил недоброе.

— На тебе были доспехи дяди, — ответил Марон, — он при мне заказывал их оружейнику, поэтому ошибиться я не мог. Тагон знал, что они мне нравятся и обещал после смерти завещать их мне.

— А я думал ты признал меч.

— И меч, — улыбнулся юноша, — и жезл.

Как я не успокаивал свою совесть, но мысли о подлом обмане не давали мне покоя. Бедный Тагон и подумать не мог, что взял под свою опеку вора и прохиндея. Я до смерти боялся, что когда-нибудь моя тайна выплывет наружу. То, что я обманывал людей было еще пол беды, но выдавая себя за последнего представителя великого рода я совершал святотатство. До поры боги закрывали глаза на мои выходки и даже помогали, но я очень боялся, что рано или поздно их терпение закончится.

После ужина я сослался на срочное дело и отошел к своей постели. В темные ночи доспехи Тагона служили мне подушкой. Я боялся класть под голову сумку, набитую магическими порошками, поэтому вместо нее использовал неудобные железки. Чужая вещь была не мила моему сердцу. Ходить в доспехах было тяжело и мучительно, поэтому почти все время они лежали в лагере рядом с вещами Ругона. Так не лучше ли отдать их Марону? Я взял доспехи, вернулся к костру и протянул мальчишке тяжелый сверток.

— Они по праву твои. Можешь забрать.

— Нет, — забеспокоился Марон, — так нельзя. Я не могу.

— Забирай, — продолжал настаивать я, — они мне все равно малы, а тебе будут в самый раз.

Мальчишка с трепетом взял доспехи и с опаской посмотрел на меня, словно боялся, что я могу передумать.

— Они твои, — еще раз сказал я.

Марон быстро расстегнул пояс, стащил через голову длинную до колен кожаную куртку, укрепленную на груди и плечах металлическими пластинами и влез в доспехи. Он был меньше меня ростом, поэтому они сели на него, как влитые.

— Тогда забирай мою куртку, — выпалил он, — воины древности менялись латами перед боем. Мы тоже можем. Мы же теперь родственники.

Я был совсем не против, потому что такая одежда была мне привычней, да и бегать по лесам в ней было сподручней. Будь они прокляты все эти железки. Один только меч весил, как мешок брюквы, а магический жезл все время норовил вывалиться из-за пояса.

На рассвете нас разбудил Ругон.

— Вставайте, лежебоки, — ворчал он, расталкивая меня и Марона, — пора готовиться к бою.

Войско просыпалось. Вокруг костров суетились слуги. Они будили господ, заливали огонь, помогали дворянам втиснуться в доспехи, подавали мечи и вооружались сами. Прямо на глазах наши соседи по лагерю — обжоры и пьяницы преобразались в настоящих воинов. Толстые животы прятались под латами, а массивные шлемы скрывали опухшие лица. Время, проведенное в ожидании битвы, многим не пошло впрок. Люди отяжелели и размякли.

Конечно далеко не вся армия проводила последние дни в пьянстве и чревоугодии. В войске короля всегда хватало ответственных и хладнокровных воинов, таких как Гамон или Ругон.

Неугомонный старик готовился к бою, ругал нерасторопных слуг и подгонял нас. Он уже влез в массивную железную кирасу с кожаными наплечниками и ждал, когда оруженосец застегнет под подбородком ремни каски.

— Пошевеливайтесь, ленивые бараны, — ворчал он.

Однажды он дал мне померить свои латы. Наверно они хорошо защищали своего владельца в бою от вражеского оружия, но были слишком массивны. Видимо пожилой воин обладал незаурядной силой. Лично я просто не смог бы сражаться в таком облачении. Уж больно тяжело.

— Вы что же доспехами поменялись, — Ругон неодобрительно покачал головой, — напрасно все это. Ребячество.

Марон бросил на него умоляющий взгляд. Мальчишка так радовался тому, что к нему вернулись дядины латы, что отдал бы их назад только под страхом смерти. Но старик не стал больше говорить на эту тему. Мне же в куртке было удобно и легко. Вряд ли она сможет защитить меня от сабельного удара, но и не всякий доспех на такое способен. Тагона на мосту он не уберег.

— Ну пошли, ребятки, — сказал Ругон и повел нас через лес.

Признаться, предстоящую битву я представлял себе по-другому. По всему выходило, что мы должны были ночью открыть ворота и напасть на спящих степняков, но в действительности все получилось наоборот. Наше войско не стало защищать стену, а отошло вглубь свободных территорий, оставив перед собой опустевший лагерь. До последнего момента на смотровых площадках оставались только разведчики, но, когда полки построились и прозвучал условный сигнал они открыли ворота и присоединились к остальным. Теперь больше ничто не могло сдержать степняков. Дорога, ведущая вглубь страны, была открыта.

Для боя король выбрал широкую луговину одной стороной выходящую к лесу, а другой к безымянной речке — одному из притоков Суры. В середине построилась королевская гвардия, справа у самой воды встало ополчение, а на границе с густым ельником расположился отряд Гамона. Нас с Мароном отправили в задние ряды, чтобы не мешались под ногами. Ругон сосредоточенный и сердитый напутствовал меня перед боем, — мечом ты владеешь плохо, поэтому ни в какие стойки не становись. Просто руби всех, кто попадет под руку. Мы ярких цветов не любим. Наши воины будут в черном, зато степняки вырядятся словно бабы на базаре. Их яркие халаты трудно с чем-нибудь перепутать.

— Я знаю.

— И правда, — старик кивнул, — ты ведь уже успел повоевать. В общем не трусь и бей, что есть силы.

Гамон занял позицию на невысоком холме. К нему присоединились дворяне из дружественных и родственных домов. Сейчас его отряд насчитывал несколько сотен воинов, не считая оруженосцев и захребетников. Те, кто побогаче приходили на войну в сопровождении целой армии слуг. Вооружали их в соответствии с доходами хозяина. Большинство было одето в толстые стеганные холщовые куртки и шапки, а в качестве оружия использовали короткие копья, кинжалы и арбалеты, но были и те, кто пришел в обычной крестьянской одежде сжимая в руках топор или длинный нож. Именно это

разношерстное воинство Гамон поставил в первые ряды, за ними расположил самых опытных бойцов, а молодых дворян оставил возле себя.

— Если станет совсем плохо, — продолжал наставлять нас Ругон, — бегите в лес.

— Мы не станем отступать, — заявил Марон, — мы воины короля и до конца останемся на своем месте.

Я согласно кивнул.

— Дураки, — рассердился Ругон, — Гамон специально занял эту позицию, чтобы мы в любой момент могли отступить в чащу. Степнякам в лес хода нет — лошади не пройдут, зато мы можем без опаски расстреливать их из-за деревьев.

Я хорошо помнил о том, как метко стреляют вражеские лучники и совсем не был уверен в том, что, укрывшись за деревьями мы окажемся в безопасности, но говорить об этом не стал. Нечего спорить со старшими. У Ругона за спиной множество сражений и, если он говорит, что нужно уходить в лес значит так тому и быть.

Несмотря на то, что мы расположились почти на самой вершине холма из-за спиной стоящих впереди воинов мало что можно было разобрать. Очертания стены тонули в рассветном тумане. Было сыро и холодно. Плащ я оставил на стоянке и теперь отчаянно мерз в подаренной Мароном куртке. Как ни крути, а день для битвы король выбрал неудачно. Ночью шел дождь, земля раскисла и пока мы добрались до места я измазал все сапоги в грязи. Хорошо хоть лить прекратило, а то стояли бы сейчас мокрые насквозь. В ожидании битвы люди беспокойно переминались с ноги на ногу, кашляли и хрипло переругивались. Вокруг стали вспыхивать тревожные огоньки — это дворяне в ожидании атаки принялись зажигать фитили на магических жезлах.

Степняки не спешили нападать. Время шло, а по ту сторону стены не раздавалось ни одной барабанной дроби, ни одного свистка. Неужели они так крепко спят, что не видят открытых ворот или им вообще нет никакого дела до изготовившегося к битве войска? Не может быть. Я был уверен в том, что степные разведчики внимательно следят за стеной. Значит специально выжидают? Чувствуют подвох?

Не знаю, как остальным, а мне очень хотелось верить в то, что у короля был какой-нибудь хитроумный план. После гибели Пауса я не мог поверить в то, что наша армия сможет остановить и разбить степняков в открытом поле. Много ли шансов у пехотинцев выстоять против всадников? Напрасно мы оставили стену! Ох напрасно!

Время шло, а на нас никто не нападал. Стоящие рядом воины недовольно ворчали. Один за другим они тушили запальные шнуры. Зачем впустую добро переводить? Так никаких фитилей не напасешься. Я оглянулся назад, пытаюсь найти в толпе Гамона, но вокруг вельможи так плотно стояли телохранители, что мне удалось разглядеть только шишак высокого шлема и родовое знамя.

Солнце взошло и в лесу проснулись ранние птицы. Теперь, когда туман рассеялся стал хорошо виден покинутый лагерь: брошенные шатры, шалаши, временные постройки и даже выгребные ямы. В тот самый момент, когда стало казаться, что сегодня степняки не нападут, над полем возник какой-то странный шум. Не только я, но и многие воины принялись озираться по сторонам пытаюсь понять, что происходит, а потом земля под нашими ногами дрогнула, словно внизу в глубине зашевелились дремавшие до поры огненные демоны. Кочевники наконец решились. Лавина всадников хлынула через ворота. Я привстал на цыпочки и вытянул шею, чтобы получше разглядеть вражеских воинов. Лошади, подгоняемые нетерпеливыми наездниками, мчались прямо на нас. В воздухе реяли

разноцветные флаги и значки племен.

Впереди возникла какая-то суeta, видимо несколько слуг попытались сбежать, но оруженосцы их быстро переловили и вернули на место.

— Стоять, — закричал Гамон, — не отступать! Стоять на месте!

Люди подобрались и замерли в ожидании смертельного удара. Кто-то рядом принялся молиться вслух и от этого стало еще страшнее. Гулко забили барабаны, один из командиров поднял вверх королевское знамя и замахал им из стороны в сторону. Ряды гвардейцев дрогнули. Готовясь встретиться с врагом, они выставили перед собой длинные пики.

— Не обращайтесь на них внимания, — предупредил нас Ругон, — у гвардейцев свои команды и сигналы. Понять ничего не поймете, только запутаетесь.

При виде изготoвившегося к бою войска степняки закричали на разные голоса и стали яростно нахлестывать обезумевших лошадей. Теперь нас разделял только заброшенный лагерь. Казалось, всадники одним махом сметут хлипкие ограждения, преодолют канавы и втопчут в землю шатры и палатки. Орда накатывалась словно волна, и я в страхе подумал, что не найдется такой силы, которая смогла бы ее остановить, но почти добравшись до нас степняки неожиданно потеряли темп. Казалось опустевший лагерь не мог стать для кочевников серьезным препятствием, но тем не менее он сумел не на долго затормозить их отчаянный натиск. Пехота с легкостью обошла бы его стороной, но всадники не рискнули сунуться в лес или завязнуть на топких берегах вздувшейся от осенних дождей безымянной реки. Они решили идти напрямик и потерялись на кривых улочках брошенного становища. Коротконогие степные лошадки отказывались перепрыгивать через ограды или топтать ярко размалеванные шатры. Всадники с трудом объезжали сколоченные из корья времянки и навесы, брошенные на проходах набитые мусором ручные тележки. Заплутав среди нагромождения хозяйственных построек, степняки вставали в стременах, чтобы разглядеть выход из проклятого лабиринта.

В тот момент, когда вражеская конница наконец смогла вырваться на открытое место, в лагере взметнулись к небу огненные вихри. От страшного грохота у меня заложило уши. Казалось, что демоны преисподней разрушили хрупкую преграду отделяющую потусторонний мир от нашего и хлынули на поверхность. В небо взметнулись камни, обломки построек и комья земли. Всадники потонули в черном дыму и поднявшейся пыли. Неужели все вражеское войско разом стинуло в страшном магическом урагане?

Я опять привстал на цыпочки стараясь разглядеть, что стало с ордой. От разгромленного лагеря в нашу сторону бежали люди. Они были хорошо видны на фоне поднявшейся в небо дымовой завесы. Наверно это были воины, которые до поры прятались в высокой траве для того, чтобы в последний момент произнести магические заклинания и обрушить божественный гнев на головы степняков. Теперь они спешили к королевскому войску пока кочевники не пришли в себя.

Когда налетевший порыв ветра сдернул пылевую завесу я увидел на месте лагеря огромные ямы странной круглой формы, груды обломков и множество тел людей и лошадей в беспорядке разбросанных по округе. В том месте, где когда-то выросло целое временное поселение не осталось ни одной постройки, ни одного шатра — все это стер с лица земли, изорвал в клочья и разметал по полю безжалостный магический вихрь. От открывшейся нашему взору ужасной картины даже у бывалых воинов затряслись поджилки. Никто из простых людей не мог себе представить, на что способна боевая магия. Ни в одной книге, ни в одном манускрипте я не встречал описания подобного колдовства.

Казалось, степняки, потерявшие в огне лучших своих воинов, уже не решатся атаковать снова. Две армии замерли друг напротив друга, разделенные участком черной выжженной земли. Пока оглушенные и напуганные мы приходили в себя кочевники бросились искать тела погибших родственников и друзей.

И все-таки разыгравшаяся перед нами трагедия могла вразумить кого угодно, но только не степняков. Ненависть варваров, их безумная жажда крови были так велики, что, собравшись с силами вскоре они опять кинулась на нас. Видимо в огненном смерче сгнула большую часть пришедшей из степи кавалерии, потому что теперь вперед выступили пехотинцы. Их уже не могли напугать ни лес, ни река. Выстроившись полумесяцем, чтобы охватить с боков наши отряды пешие воины двинулись на изготовившееся к бою королевское войско.

Я ожидал, что, приблизившись на расстояния полета стрелы степняки возьмутся за луки, но почему-то в этот раз они изменили своей тактике. Похоже сегодня кочевники больше рассчитывали на силу прямого удара. За спинами атакующих засвистели дудки, защелкали трещотки и отряды вражеской пехоты с шага перешли на бег. Наверно они хотели одним могучим ударом проломить и разорвать нашу оборону, а потом уничтожить потерявшие строй войска. Не знаю сколько племен отправились грабить долину и сколько человек привели с собой ханы, но даже после того, как магический ураган уничтожил сотни воинов орда все еще представляла из себя великую силу. Подгоняемая безумной злобой и жаждой мести вражеская пехота почти докатилась до рядов королевской гвардии. В тот момент, когда до них оставалось всего несколько десятков метров навстречу степнякам ударила волна огня. Она словно гигантским серпом прошлась по волне атакующих. Огненный шторм разметал первые линии кочевников. Сотни людей попадали замертво в высокую траву, но порыв вражеской пехоты был так силен, что несмотря на потери она в мгновение ока преодолела оставшиеся несколько метров и ударила в железный строй. Степняки смело бросались на пики стараясь дотянуться саблями до ненавистных воинов долины. Они шли так тесно, что копья гвардейцев пробивали сразу по несколько тел. Под тяжестью пронзенных врагов окровавленное древко само опускалось вниз или выскальзывало из рук, поэтому вскоре передние ряды побросали бесполезные пики и схватились за мечи.

Со стороны людей Гамона степняки не встретили такого отчаянного сопротивления. Столкнувшись с плохо вооруженным отрядом слуг и захребетников, они смогли далеко прорваться вперед, но в конце концов завязли. Видимо расчет воина-судьи на этом и строился, потому что пока кочевники избивали дворовых парней стоявшие в задних рядах дворяне обрушили на их головы волну магического огня. Меня так и не научили управляться с жезлом, Ругон пообещал заняться этим со мной после битвы, поэтому я просто стоял, держа в руке обнаженный меч и ждал, когда нападающие доберутся до меня. Пока бойцы, стоявшие в первых рядах, рубились на мечах оказавшиеся позади дворяне посылали во врагов сверкающие молнии. Кочевники несли большие потери от магического огня. Видя бедственное положение своей пехоты, наследники великого хана наконец отправили в бой лучников и на головы королевского войска обрушилась туча стрел. Казалось от этой новой напасти не было спасения. Вражеские стрелки хорошо знали свое дело. Они выстроились позади атакующей пехоты и безнаказанно расстреливали нас. Дворяне не могли достать лучников магическим огнем, передние ряды давно разрядили свои жезлы и теперь рубились на мечах, а для задних расстояние было слишком велико. И все-таки боги хранили жителей

долины. Оказывается, как раз для такого случая военачальники придумали хитроумный план. В лесу до поры скрывался небольшой отряд отчаянных людей. Им строго настрого было приказано не обнаруживать себя, чтобы не случилось. На наше счастье раненый вестовой вовремя сумел доставить им послание короля. Пока солдаты двух армий убивали друг друга две сотни бойцов обошли кочевников и неожиданно появились в тылу вражеского войска. Выскочив из зарослей, они накинута на ничего не подозревающих лучников. Атака храбрецов была короткой и яростной. Окруженные со всех сторон они знали, что идут на верную смерть, поэтому бились до последнего стараясь унести с собой, как можно больше врагов. Наверно этот отчаянный прорыв небольшой группы бойцов и решил исход битвы. Обнаружив в своем тылу вражеских солдат, степная пехота остановилась и дрогнула. Потеряв нескольких старших командиров, оставшись без поддержки стрелков и понеся большие потери от магических стрел она повернула назад. Как невозможно остановить катящийся с горы камень, так и младшие сыновья великого хана не смогли задержать и отправить обратно обезумевшую от страха толпу. Побросав на поле боя раненых и умирающих, орда отступила. Возможно, если бы от колдовского вихря, сокрушившего заброшенный лагерь не сложили головы сразу несколько старших сыновей великого хана исход битвы был бы совсем другим, но молодым князьям не хватило опыта и умения, чтобы продолжить борьбу. Подчинившись воли большинства, они приказали отступать, поэтому войска не просто оставили свои временные укрепления возле западной стены, но и отошли к самому Паусу. В этом была великая слабость орды — она готова была сражаться только в том случае, если видела перед собой реальную добычу, но за рядами ополчения и королевской гвардии не было богатого города, а биться непонятно за что степняки не хотели. Красивыми обещаниями сыт не будешь. Дай солдатам женщин, оружие и серебро и они пойдут за тобой. Вместе со старшими сыновьями хана от магического урагана сгинули лучшие воины — самые жадные и отчаянные, и теперь некому было вести за собой поредевшее войско. Да и стоило ли? Паус разграблен, захваченное добро и рабы уже на полдороге к родному дому и выжившие в страшной войне могут поворачивать коней назад. Незачем рисковать понапрасну. Тем, кто успел набить карманы в разоренном городе не на что жаловаться, а тем, кто прятался за чужими спинами и остался ни с чем повезет в следующий раз. Их недовольные голоса никого не волнуют. Зачем счастливым прислушиваться к жалобам неудачников?

Несмотря на то, что мы с Мароном находились в задних рядах, но и до нас докатилась волна атакующих. Я даже не успел заметить, как рухнул стоящий прямо передо мной дворянин и на его месте возник забрызганный кровью варвар. Он что-то кричал перекошенным ртом и размахивал саблей. Наверно он срубил бы меня одним ударом, если бы Марон не разрядил в него свой жезл.

— Не зевай, — крикнул мальчишка и выхватил меч.

А на меня уже шел следующий противник. Раздумывать было некогда, и я выбросил вперед руку с мечом. Вражеский воин отбил удар, но делая шаг назад оступился, замешкался на мгновение, и я ударил снова. На этот раз меч достиг цели. Вокруг меня кричали люди, звенело железо, гремели жезлы, сыпались искры от горящих фитилей. Опьяненный первой победой я ринулся в драку. Что-то невообразимое случилось со мной, словно скрытая до поры энергия в одночасье вырвалась из заточения. Глаза ловили малейшее движение, а руки словно жили своей собственной жизнью нанося и отражая удары. Казалось, что мои противники все делают слишком медленно и пока они замахиались, я уже успевал ударить.

Когда все закончилось, и кровавая пелена спала с глаз я понял, что стою на склоне холма значительно ниже того места, на котором начинал бой. Неужели я преследовал своих врагов? Рука державшая меч была по локоть в крови, а в левой ладони непонятно каким образом оказался кинжал Химона. В свое время в одной старинной книге я наткнулся на трактат какого-то врачевателя, который всерьез считал, что некоторых людей в бою охватывает воинское безумие. Он писал, что после сражения такие бойцы почти ничего не помнят, а бьются, как бешенные. Неужели и я из таких или это боги в очередной раз помогли мне в трудную минуту?

Оглядевшись по сторонам, я заметил Марона. Он стоял чуть в стороне и держался за голову, возможно был ранен. Одновременно со мной к нему шагнул еще один человек. Я никогда не видел Булина в доспехах, поэтому не сразу его узнал. Сподвижник Гамона был ближе к мальчишке чем я. Ему надо было сделать всего несколько шагов, чтобы оказаться рядом. "Он ему поможет", — подумал я. А Булин подошел к Марону сзади и вдруг ударил его в спину. Мальчишка всхлипнул, удивленно захлопал глазами и запрокинулся назад. Я закричал от удивления и гнева. Булин обернулся на шум, увидел меня и остолбенел. Казалось узнав меня он от изумления потерял дар речи. Какое-то время мы просто стояли и смотрели друг на друга. Потом Булин потянул из ножен меч, его кинжал остался в спине Марона. Я стоял слишком далеко и для того, чтобы до меня добраться воину пришлось бы сделать несколько шагов. Наверно раньше я просто развернулся бы и бросился бежать, но сейчас после всего пережитого во мне почти ничего не осталось от трусливого мальчишки-послушника. Поле вокруг нас было завалено мертвыми телами и оружием, поэтому ничего удивительного не было в том, что совсем рядом я заметил заряженный арбалет. Его бывшему хозяину не повезло, стрелок лежал на земле истекая кровью. Когда дворянин сделал шаг в мою сторону я нагнулся и схватил арбалет. Все-таки Булин был опытным воином, прошедшим не одно сражение. Он все-таки успел до меня дотянуться. Холодное лезвие вонзилось в плечо. Но в тот момент, когда он сделал выпад я нажал на скобу. Тяжелый арбалетный болт пробил воину грудь. Удар был такой силы, что дворянина отбросило назад и он упал рядом с телом Марона. Я выпустил из рук бесполезный арбалет, зажал ладонью рану и повалился на чье-то остывающее тело.

Нет сознания я не потерял просто от страха и боли у меня подкосились ноги. Все-таки это было первое серьезное ранение в моей жизни. На самом деле лезвие вошло не глубоко и, хотя плечо ужасно болело, но через какое-то время я сумел взять себя в руки. Нужно было остановить кровь и попытаться помочь Марону, если мальчишка еще жив. Ругон заставил нас взять с собой обрезки чистой ткани, чтобы при случае было чем перевязать рану. Я вытащил кусок холстины, засунул его под распоротую куртку и сильно прижал.

Похоже мне повезло. Видимо Булин целился левее, но лезвие скользнуло по железной пластине ушло в сторону. Толстая кожа оказалась вспорота, а на железке осталась глубокая царапина. В очередной раз боги спасли меня от неминуемой смерти. Рассиживаться мне было некогда, поэтому я собрался с духом и побрел к лежащему лицом вниз молодому воину. Марон был без сознания. Короткий кинжал глубоко вонзился ему под лопатку. После того, как на моих глазах Тагон занимался самолечением я твердо знал, что надо делать. Я перевернул тело и расстегнул ремни, стягивающие панцирь. Самое трудное было добраться до раны, потому что доспех никак не хотел сниматься. Для того, чтобы помочь раненному мне пришлось выдернуть кинжал. Из раны сразу хлынула темная кровь. В поясной сумке

мальчишки нашелся огненный порошок, которым я присыпал узкий порез, схватил лежащий рядом, чадающий догорающий фитиль, брошенный кем-то на поле боя и ткнул в набухающую от крови серую массу. Яркая вспышка обожгла мне пальцы. Запахло паленым, а Марон, не приходя в сознание глухо застонал.

Ругон довольно скоро отыскал нас. Несмотря на то, что большинство слуг погибли в бою, его оруженосец выжил и помог нам отнести Марона в лазарет. Пока молодым воином занимался настоящий лекарь мою рану старик осмотрел сам.

— Ну это пустяки, — говорил он, — легко отделался. Сейчас тебе наложат повязку, и мы пойдем выпьем за победу. Такое дело сделали!

— Как там Марон? — спросил я, вытягивая шею, чтобы разглядеть, чем занимается пожилой лекарь, склонившийся у походного стола.

— Плохо, — старик нахмурился, — рана глубокая, но слава богам кинжал прошел мимо сердца. Сегодня вам обоим повезло.

По дороге в лазарет я рассказал Ругону о том, что произошло. Странное поведение Булина не выходило у меня из головы. Почему он накинулся на нас? Почему хотел убить Марона? Наверно я ужасно надоел старику своими расспросами, потому что он оборвал меня на полуслове.

— Дело серьезное предательством пахнет, так что заткнись и не болтай попусту, — сказал Ругон.

Меня перевязали и отпустили на все четыре стороны. В сегодняшнем бою многие были ранены намного тяжелее чем я, поэтому лекарям некогда было тратить время на мой жалкий порез.

Вечером у Гамона состоялся военный совет. Его огромный шатер сгинул в сгоревшем лагере, поэтому на время вельможа перебрался в просторную походную палатку из парусины. Из всех, кто был посвящен в тайну моего амулета в живых, не считая самого Гамона, Ругона, Марона и меня осталось только двое дворян. Остальные пали в бою и унесли секрет с собой к сверкающим вершинам. Всех погибших похоронили в лесу привязав к высоким деревьям. Мертвецов было так много, что их пришлось подвешивать на ветках словно гирлянды. Прибывшие с королем священники не смогли бы оплакать и отмолить каждого, поэтому спели отходную молитву сразу для всех. В этот день огромный участок леса превратился в настоящее кладбище. Говорят, что с тех пор местные жители обходят это место стороной и между собой называют его не иначе, как "заросли мертвецов".

Наша история была у всех на слуху. Мою стычку с Булином видели многие и по лагерю поползли тревожные слухи. Гамон, как мог успокоил дворян, но теперь нужно было придумать правдоподобную версию случившегося, которую можно было рассказывать в обществе.

— Зачем Булин вообще напал на них? — раздраженно спросил один из оставшихся в живых дворян, он баюкал забинтованную левую руку и тихонько качал головой в такт пульсирующей боли.

— Несомненно это предательство, — ответил Ругон, — перед боем мальчишки поменялись доспехами. Булин не мог об этом знать. Наверно после битвы он искал Тибона, чтобы убить, но перепутал его с Мароном.

— Выходит все это время среди нас был королевский шпион, — командир разведчиков, с которым я познакомился в лесу несколько дней назад сокрушенно покачал головой, — значит в ставке уже знают о Тибоне и считают всех нас предателями и

клятвопреступниками.

— Не думаю, — сказал Гамон, — тогда бы за нами уже пришли.

Ругон согласно кивнул и подлил себе вина из глиняного кувшина.

— Я немного знал Булина, — сказал он, — это был замкнутый и суровый воин. Его многие не любили и побаивались, но никто никогда не сомневался в его честности. Мне кажется, что Булин не выдержал возложенного на него тяжкого бремени, поэтому и решил уничтожить представителя священного рода. Думаю, что, совершая этот неблагоприятный поступок он хотел одного — уберечь всех нас и тебя Гамон в первую очередь от возможного преследования. Булин несчастный запутавшийся человек, но не предатель. Не думаю, чтобы он донес на нас королю.

Гамон согласно кивнул, видимо он думал так же.

— К счастью Марон не погиб. Он тяжело ранен, но будем надеяться, что молодость возьмет свое и он поправится, — продолжал Ругон, — нам остается только поблагодарить богов за то, что в последний момент они отвели клинок Булина.

— Но, что мы скажем в лагере? — спросил раненый дворянин, — как объясним все эти странные события?

— Скажем, что в бою рассудок Булина помутился и Тибону пришлось защищать себя и друга, — ответил Гамон, — думаю, что подобному объяснению никто не удивится. Такое случалось и раньше. Вспомните, как в прошлом году Целон из Келена напал на оруженосца короля.

Спорить с Гамоном никто не стал. Дворяне с радостью согласились с предложением судьи и довольно скоро разошлись по своим делам.

Когда совет закончился, и мы вернулись к нашей стоянке я спросил Ругона, — Как ты думаешь почему Булин промахнулся? Ведь он был великим воином и тем не менее не смог с одного удара убить Марона, а меня только ранил. Ты тоже думаешь, что это боги спасли нас?

Ругон тяжело опустился на одеяло. Военская сноровка и крепкие латы спасли старика в бою, он храбро сражался и хорошо держался на совете, но сейчас последние силы покинули его.

— Все мы великие воины, — проворчал он, — и хорошо владеем мечом. Но одно дело сразиться с десятком врагов и совсем другое ударить в спину кинжалом беззащитного мальчишку. Вы остались живы только потому, что в последний момент рука Булина дрогнула.

— Но почему? — не понял я.

— Потому что он был хорошим человеком.

— Что ты говоришь, — возмутился я, — неужели хороший человек пошел бы на такое?!

— Ради высшей цели настоящий воин может пойти на все, что угодно, — отвели Ругон, — Булин промахнулся потому что до последнего момента сомневался в своем решении. Мы уже никогда не узнаем, что на самом деле его остановило — боги или проснувшаяся совесть.

Не скрою слова старика сбили меня с толку. Получалось, что у каждого дворянина свое представление о совести и чести. И как прикажете в этом разобраться?

— Кстати — это и тебе наука, — сказал Ругон, — если решился на поступок отбрось сомнения.

Старик улегся на заботливо приготовленную оруженосцем постель, накрылся плащом и повернулся ко мне спиной.

— А если бы на месте Булина был ты, — спросил я, — ты смог бы убить нас?

— Конечно, — ответил, не раздумывая Ругон.

— Но как же так... — начал было я, но воин не стал меня слушать.

— Замолчи уже ради всех богов, — взмолился он, — и дай старику поспать.

Утром я не смог встать с постели. Плечо сильно распухло и болело. Лечебная мазь, которой мне вчера в лазарете смазали рану не помогала. Меня терзала лихорадка, я много пил и отказывался от еды. Голова горела огнем, а ноги и руки были ледяные. Несмотря на то, что оруженосец Ругона развел большой костер я все равно дрожал от холода. Я то впадал в странное забытие, то приходил в себя. Иногда в бреду ко мне являлся Химон, иногда Холин. Они что-то говорили мне, куда-то звали, но я не соглашался и тогда мороки рассеивались словно болотный туман. Днем ко мне заглянул ученик лекаря. Мальчишка промыл рану каким-то жгучим настоем, потом смазал мазью и наложил повязку.

— Плохо ему, — сказал оруженосец Ругона, — горит весь. Может быть есть еще какое-нибудь средство?

Мальчишка нахмурился, достал из сумки пузырек и протянул мне.

— Сделай только один маленький глоток, — сказал он, — больше не пей — умрешь.

Я отхлебнул немного и поморщился. Отвар был горький, а на вкус отдавал полынью и еще чем-то непонятным.

— Что за гадость?!

— И ничего не гадость, — обиделся мальчишка, — хорошее снадобье. Теперь спать будешь.

— А рана то у него, как? — забеспокоился оруженосец.

— Нормально, — ответил будущий лекарь, напустив на себя важный вид, — такие ранения за один день не заживают. Если будет сильно мучиться напои его теплым вином.

После странного отвара, предложенного лекарем я проспал до самого утра.

На третий день мне стало лучше. По крайней мере я сумел подняться с постели и дойти до деревни, чтобы проведать Марона. Молодого воина перенесли в один из домов, где за ним ухаживала молодая вдова. Племянник Тагона уже пришел в себя, но был еще очень слаб. Увидев меня, он ужасно обрадовался.

— Мне все рассказали, — сказал он, — спасибо тебе.

— Не за что, — ответил я и присел на краешек кровати.

В доме было сильно натоплено, пахло сажей и свежим хлебом.

Марон был очень бледен. Он лежал на животе в одной рубахе, сквозь которую просвечивала тугая повязка.

— Больно тебе?

— Нет. Теперь уже меньше, — соврал мальчишка.

Страшно было представить какие муки испытывал молодой воин. Чтобы заглушить боль я за последние дни выпил столько вина, что хватило бы на целый отряд, а рана у меня была не такая серьезная.

— Что происходит в лагере, — спросил Марон, — а то я тут лежу никого не вижу, ничего не знаю?

Это было не совсем так. Я знал, что Ругон и остальные приходили к нему, приносили гостинцы и справлялись о здоровье, но видимо мальчишка все равно отчаянно скучал. Конечно хорошо, что его перенесли в деревенскую избу, здесь было тепло и сухо, зато в

лагере кипела настоящая жизнь.

— Почти все ушли освобождать Паус, — принялся рассказывать я, — а мы с Ругоном остались. Он говорит, что я не выдержу долгого перехода. К тому же мы не можем оставить тебя без присмотра. Гамон сначала сердился на старика, но потом согласился, что так будет лучше. Ты им всем очень дорог. Они беспокоятся о тебе.

Мальчишка всхлипнул от слабости и жалости к себе. Я сделал вид, что ничего не заметил и принялся разглядывать деревенский дом. Комната была чистая и светлая. Похоже вдова спала здесь же, за холщовой занавеской я заметил вторую кровать. Доспехи и оружие юноши положили в изголовье, чтобы при желании Марон мог до них дотянуться. Кто-то уже успел отчистить их от крови и грязи.

— Проклятый Булин латы тебе испортил, — сказал я, — когда поправишься придется отдавать в починку.

— Давно пора, — едва заметная улыбка скользнула по губам Марона, — они теперь все дырявые, как решето.

Он был прав. Сначала эти многострадальные доспехи повредила сабля, ранившая Тагона, потом кинжал Булина.

— Когда приеду домой закажу новые, — сказал мальчишка, — эти не счастливые.

Больше Марон не сказал ни слова. Говорить ему было трудно, зато он с удовольствием слушал мои рассказы о лагерной жизни. Тем не менее в гостях у нового друга я просидел недолго. Юноша был еще очень слаб и скоро принялся "клевать носом".

— Выздоровливай, — сказал я и уходя пожал его горячую безвольную руку.

В лагере меня ждал сюрприз. Возле моего спального места на двух вкопанных в землю шестах висели чьи-то доспехи. Большинство воинов с вооружением не церемонились, но были и те, кто следил за ним, как за любимой женщиной. Да и не удивительно — хороший доспех стоил больших денег и многим был не по карману. Говоря о том, что закажет для себя новые латы Марон скорее всего шутил. Не думаю, что у мальчишки были на это деньги. Род Тагона был не из самых зажиточных.

Увидев чужое снаряжение, я подумал, что к Ругому прибыл гонец от Гамона или старый друг, которому на время уступили мою постель. Самого старика нигде не было, что только подтверждало мою догадку. Наверно увел приятеля выпить к палатке маркитанта.

За последнее время наша стоянка преобразилась. Оруженосец Ругона нарубил тонких жердей и устроил широкий навес из еловых лап, чтобы укрыть нас от дождя, а с двух сторон от лежанки натянул добытые в разрушенном лагере куски полотна, чтобы осенние ветра не так донимали господ. И тем не менее, несмотря на налаженный быт оставаться надолго в опустевшем лагере мы не собирались. Ругон хотел вернуться к войскам, да и ночи становились все холоднее.

— Кто это к нам приехал? — спросил я оруженосца.

— Никто, господин, — удивленно встрепенулся парень.

Казалось бы, у старика и слуга должен был быть преклонных лет, но похоже Ругон считал, что юноша будет полезней в дальней экспедиции. Отчасти так оно и было, потому что почти все вещи необходимые для похода молодец нес на себе. К тому же он был не робкого десятка и мог постоять не только за себя, но при случае прикрыть господину спину или защитить от воров хозяйские пожитки. За последнее время я многое узнал о жизни дворян, поэтому если бы мне сказали, что оруженосец приходится Ругому

незаконнорожденным сыном я бы не удивился. Определенного сходства в лицах не было, но рост и комплекция совпадали.

— Тогда чей это доспех висит у моей постели?

— Ваш, господин.

От неожиданности я чуть не поперхнулся.

— Что за ерунда. Все мое имущество сейчас на мне.

— Это доспехи Булина, — раздался сзади знакомый голос.

Я обернулся и увидел Ругона.

— Ты честно победил его в схватке, значит теперь его оружие принадлежит тебе, — весело сказал старик, — пользуйся. Я бы отдал тебе его раньше, но местный кузнец слишком долго возился. После того, как ты проткнул доспехи стрелой пришлось немного подлатать их спереди.

— Но ведь у нас не было настоящего поединка, — удивился я, — разве это по правилам?

— Правила устанавливают люди, — Ругон улыбнулся, — он набросился на тебя без предупреждения. Ты защищался, как мог. С семьей Булина мы все уладим. Им не за что преследовать тебя.

Я с сомнением уставился на него.

— Ну что же ты, — старик подмигнул, — неужели не хочешь примерить?

Я с трепетом снял с шеста тяжелую броню. На первый взгляд она казалась прочнее, чем панцирь Тагона. К тому же мы с Булином были одного роста, поэтому она пришлась мне как раз в пору. К доспехам прилагался магический жезл, меч и тот самый кинжал, которым безумный воин ранил Марона.

— Это очень дорогие вещи, — сказал Ругон, — твой первые трофей. Береги их.

На самом деле моим первым трофеем была кривая сабля, которая сейчас лежала рядом с телом Тагона, но говорить об этом вслух я не решился. Сколько времени прошло с того момента, как я покинул разоренный монастырь? Сколько хороших людей погибло ради того, чтобы сопливый послушник стал дворянином и воином короля? Я помнил всех по именам и, если бы меня разбудили среди ночи назвал бы их не задумываясь одно за другим. Только благодаря им я сейчас держал в руках эти вещи, которые стоили дороже чем все хозяйство моего настоящего отца. Как там говорил Ругон: "если решился на поступок отбрось сомнения"? Значит теперь мне не было обратной дороги. Глуповатый и трусоватый послушник навсегда сгинул где-то в лесах за западной стеной, зато на свет появился Тибон из Дикого места или как там по-настоящему называлась усадьба Тагона.

Ругону пора было отправляться вслед за войском. Меня вредный старик брать с собой не хотел.

— Хватит с тебя сражений, — заявил он, — останешься с Мароном.

— Но я хочу пойти с тобой, — возмущился я, — еще идет война.

На самом деле я не особенно рвался в бой, но за последние дни успел привыкнуть к Ругону и теперь не представлял, как буду жить без его поддержки. Впереди меня ждал совершенно незнакомый мир, новый дом, какие-то чужие люди, которые собирались назвать меня родней. Официально я считался наследником Тагона, так что с этим предстояло считаться. За последнее время я успел насмотреться на дворян и привыкнуть к их образу жизни, но одно дело военный лагерь и совсем другое мирная усадьба. Смогу ли я сойти за своего или буду похож на белую ворону? Злобные степняки, кривые сабли, ночевки в

холодном лесу, запах костра, мокрые ноги и сырой плащ пугали меня меньше, чем выход в свет.

— Ничего, — ворчал Ругон, — справимся без тебя.

— Зачем я Марону? Ему сейчас лекарь нужнее, чем я. Говорят, он еще месяц будет валяться в постели.

— Вот и присмотришь за ним.

— Но я должен вернуться в Паус, — не сдавался я, — там погибли мои друзья.

— Все мы потеряли друзей, — проворчал Ругон, — не стоит таскать за собой груз воспоминаний.

Вот упрямый старик! В отчаянии я готов был броситься на него с кулаками, но неожиданно мне в голову пришла одна дельная мысль. Король не успокоится пока не прогонит захватчиков с родной земли и значит освобождением Пауса он не ограничится. Войска будут преследовать кочевников до старого земляного вала. Если монастырь, в котором я провел большую часть жизни уцелел Гамон обязательно захочет его осмотреть. Он был очень дружен с владыкой, поэтому постарается отыскать в обители его тело, а если не получится, то хотя бы выяснить что случилось с понтификом.

— Наверно, когда мы прогоним степняков Вы захотите обследовать монастырь, — сказал я, — вдруг там остались какие-нибудь записи. Я знаю все потайные места, в которых монахи могли спрятать свои дневники.

Старик сердито засопел и уставился на меня. Несомненно, Гамон обсуждал с ним свои планы. Думаю, что поискам владыки в них было отведено особое место.

— Ну пожалуйста, — взмолился я, — разреши мне пойти с тобой. Никто не знает монастырь лучше меня. Я все вам покажу, везде проведу.

Воин надолго задумался, но похоже мои доводы подействовали на него.

— А что прикажешь делать, если твоя рана откроется? — спросил Ругон.

— Оставишь меня в обозе. Какая разница под каким кустом лежать — здесь или рядом с Паусом?

Все, кто мог держать оружие давно ушли вместе с королем, в лагере остались только раненные со своими слугами. Даже лекари отправились вместе с войском. Они больше ничем не могли помочь. Покалеченные руки и ноги были ампутированы, раны зашиты и теперь только время могло излечить несчастных, а менять повязки и наносить лечебные мази могут и оруженосцы. Получалось, что даже если моя рана откроется настоящую помощь я смогу получить только под стенами Пауса.

— Ладно, — старик кивнул — лишние вещи сложи в доме Марона. Пойдем налегке.

Жалко было оставлять дорогое оружие в незнакомом месте, но и тащить все это на себе мне не хотелось. Вдова, у которой мы поселили Марона обещала присмотреть за моими вещами. Я дал ей пару медяков, простился с раненым другом и заторопился в лагерь. Нужно было спешить пока Ругон не передумал и не ушел без меня.

Странное дело, почему-то Гамона и остальных совершенно не интересовала моя прежняя жизнь. Казалось прошлого для них не существовало. Я не переставал удивляться тому, что любого, кто претендовал на титул и наследство дворяне проверяли со всей тщательностью, тогда как увидев мой амулет они сразу поверили в то, что я являюсь последним представителем древнего рода. Чем было вызвано это безграничное доверие я так и не сумел понять. Никто меня ни о чем не спрашивал и не пытался подловить на

неточностях. Только один раз Ругон осторожно завел разговор о моем детстве.

— Значит все это время ты жил при монастыре? — спросил он, когда мы шли по дороге в сторону Пауса. Отступавшие степняки, а затем воины короля превратили старый тракт в сплошное грязевое месиво.

— Все время сколько себя помню, — соврал я.

Оруженосец шел впереди и проверял глубину луж длинной палкой. Он заранее предупреждал нас об опасности и указывал направление. Несколько раз нам приходилось забираться в лес, чтобы обойти совершенно разбитый участок дороги.

— И никто никогда не говорил откуда ты там взялся? — спросил старик.

— Нет. Сказали только будто бы меня привела какая-то женщина.

Я вспомнил мать, ведущую меня по улице прочь от отчего дома. Она крепко держала меня за руку, а я хныкал, упирался и все время оглядывался назад. Еще мне запомнился узелок с едой, который я должен был взять в дорогу и сильно поношенная куртка с большой заплаткой на локте.

— А родню свою ты не помнишь?

— Нет.

На самом деле я часто видел во сне братьев, мать и отца. Со временем их лица потускнели словно постаревшие от времени и сырости священные рисунки на стенах древнего монастыря. Наверно, если бы я встретил их на улице, то не узнал бы.

"Нет", — одернул я себя, — "мать я бы узнал".

— Ты мне не веришь?

— Почему, — удивился Ругон, — род Трех вершин давно скрывается от мира. Может быть ты жив только благодаря тому, что все эти годы ничего не знал о своем высоком происхождении.

— А что, если я не последний в своем роду? Что, если есть еще такие, как я?

Признаться, этот вопрос сильно беспокоил меня. Философы древности считали, что тайное всегда становится явным. Не вскрыется ли мой обман самым неожиданным образом?

Ругон пожал плечами.

— Такое возможно.

Идущий впереди оруженосец поскользнулся и едва не уронил в грязь вещи хозяина.

— Поосторожней там, — рявкнул Ругон, — не дрова несешь!

Какое-то время мы шли молча, и я стал надеяться на то, что старик больше не будет задавать вопросы про мою жизнь в монастыре, но не тут-то было.

— А ты когда-нибудь разговаривал с владыкой? — неожиданно спросил он, — не мог же он ни разу к тебе не обратиться за все эти годы?

— Конечно разговаривал, — ответил я.

О своей жизни в монастыре я поведал дворянам во всех подробностях. Скрывать мне было нечего.

— Я думаю, что владыка знал кто ты на самом деле и специально приставил к тебе того воина, чтобы он приглядывал за тобой. Как говоришь его звали?

— Химон.

В свое время я в красках описал, как поддельный монах-огородник пытался защитить монастырь и спасти владыку. Я очень надеялся на то, что, узнав о подвигах Химона богатые вельможи позаботятся о его семье, но как оказалось никто из моих новых друзей никогда ничего не слышал о старом воине.

— Гамон не может поверить в то, что владыки больше нет с нами! Он станет всюду его искать. Помоги ему.

Я кивнул.

— Конечно.

— Не могу понять, — в сердцах бросил Ругон, — как боги смогли допустить, чтобы такой человек покинул наш мир!

Последнее время мне самому не давала покоя мысль о том, почему боги отвернулись от обители. Как получилось, что я безродный мальчишка был вознесен их стараниями на самый верх, а владыка и остальные братья пали от рук гнусных варваров. Сколько было пропето молитв, сказано слов и пролито слез. И ничего нам не помогло. Я вспомнил дрожащее пламя догорающих факелов, зловонный провал сливного люка, страшные крики гибнущих монахов и злобный рез ворвавшихся в обитель кочевников. В свое время я успел оплакать братьев, но наверно боль утраты и тень пережитого ужаса будут преследовать меня всю жизнь.

— Что это ты побледнел, — забеспокоился Ругон, — плечо болит?

— Да, — в очередной раз за сегодня соврал я

— Давай сделаем привал, — сказал воин, — все равно за один день до Пауса нам не дойти.

Война словно сорвавшийся со скалы огромный камень прокатилась по южному краю долины навсегда изменив ее вид. Берега Суры было не узнать. Подступающий к дороге лес в котором мы с Тагоном в первые сутки скрывались от кочевников был вырублен начисто. Вместо него раскинулся огромный лагерь, обнесенный низким частоколом и рассеченный глубокими канавами для отвода воды. Создавалось такое впечатление, что королевское войско решило обосноваться здесь надолго. По своей наивности я думал, что гвардия уже форсировала реку и напала на степняков, но выяснилось, что, как и в случае с защитой западной стены армия не спешила проливать кровь. Казалось короткий переход к Паусу отнял у воинов последние силы и теперь они думали только о том, как бы хорошенько выпить и отдохнуть.

Нас с Ругонов встретили радушно и сразу провели к Гамону. Ставка военачальника находилась далеко от дороги почти у самой кромки леса. Пробираясь по узким тропинкам между палатками, поленницами дров, большими походными котлами, кострами и кучами мусора мы радостно приветствовали знакомых дворян. Воины из нашего отряда оставшиеся в живых после большой битвы стали заметно теплее относиться друг к другу. Общая боль и пролитая кровь сближали людей. Несмотря на то, что я присоединился к войску совсем недавно, многие воины узнавали меня.

Возле палатки Гамона скопилось множество оруженосцев. Видимо хозяева собрались на совет оставив слуг дожидаться снаружи. Похоже мы прибыли вовремя. Обычно ни одно подобное сборище не обходилось без Ругона.

— Вот что, — громко сказал старик, — на собрании тебе нечего делать. Походи по лагерю, воздухом подыши.

Я кивнул.

— Хорошо.

Неожиданно воин притянул меня к себе и тихо сказал, — по сторонам смотри. Булин не единственный кто хотел до тебя добраться.

Я затравленно огляделся. В лагере было полно народа и любой из стоящих поблизости

воинов мог желать мне смерти. Невозможно было по внешнему виду отличить друга от врага. Некоторые ощутив на себе мой взгляд улыбались и кивали в ответ, но были и те, кто отводил глаза в сторону.

— Пойдешь с ним, — видя мое замешательство сказал Ругон своему оруженосцу, — головой за него отвечаешь.

— Хорошо, господин, — ответил парень.

У меня сразу отлегло от сердца. С такой охраной можно было ничего не бояться. Судя по тому, что молодой слуга сумел выжить в битве он был не дурак подраться. К тому же в отличие от большинства дворовых вооружен он был очень серьезно. Ругон не жалел денег на снаряжение своих людей, поэтому на оруженосце был надет кожаный панцирь, укрепленный на плечах железными пластинами, а на поясе у молодца висел длинный кинжал, который своими размерами больше походил на настоящий меч.

Ругон был прав — на военном совете делать мне было нечего. К тому же собрание могло затянуться до вечера, а слушать споры о том, как лучше разгромить врага мне не хотелось. Да и что тут думать? Мост уцелел, степняки сидят на другом берегу — хватай меч и вперед!

Сначала мы чуть не заблудились, бродя среди палаток и шалашей. Оруженосец Ругона молча шел сзади и внимательно поглядывал по сторонам, а я спрашивал дорогу, чтобы поскорее найти путь к реке. Мне не терпелось взглянуть на Паус.

С большим трудом нам наконец удалось выбраться на главную улицу. Широкий проход специально оставленный в центре лагеря для перемещения войск сейчас больше напоминал городской базар. Обогатившиеся за время войны маркитанты расставили на нем свои палатки и теперь бойко торговали едой и вином. В ожидании сражения благородные дворяне накачивались выпивкой и тискали продажных девок, которые нисколько не смущаясь отдавались клиентам прямо позади покосившихся прилавков. Чтобы не видеть всего этого безобразия я постарался как можно скорее выбраться за ворота.

С другой стороны частокола дышалось легче. Холодный осенний ветерок принес с собой запахи воды и леса. Спускаться к реке я не собирался, поэтому мы пошли по дороге прочь от лагеря. Я вертел головой в разные стороны и не мог узнать эти места. Возле моста вместо сгоревших сторожевых башен появились новые укрепления. Сколоченные наспех из кривых бревен выглядели они не очень солидно, но как оказалось засевающие в них арбалетки спокойно могли простреливать раскинувшуюся напротив площадь и ближайšie к мосту улицы. Кочевников на другом берегу видно не было — может быть прятались или ушли, только изредка среди домов можно было заметить мелькнувший яркий халат или услышать беспокойное ржание коротконогой степной лошади.

Очень скоро я выбился из сил и запросился обратно, все-таки мы с Ругоном утром прошли изрядное расстояние. Казалось оруженосец был только рад поскорее вернуться под защиту частокола и сторожевых постов. По дороге я купил у маркитанта две лепешки. Одну съел сам тут же у прилавка запивая водой из фляги, а второй угостил слугу. У палатки Гамона народа поубавилось. Видимо военный совет закончился. Ругона нигде не было видно, поэтому я нашел свободное место у костра, присел, пригрелся и задремал. Через какое-то время меня разбудил оруженосец Ругона.

— Пойдем, — сказал он, — нам выделили место для ночлега.

Я не заставил просить себя дважды. Плечо опять разболелось, поэтому мне хотелось поскорее выпить вина и лечь спать.

За ужином Ругон рассказал мне, что король приказал больше не медлить и напасть на город этой ночью. Войну надо было заканчивать, как можно скорее. Казна пустела, а впереди страну ждала долгая зима. За последнее время мои иллюзии относительно королевской особы развеялись, как дым. Его величество оказался человеком грубым, недалеким и тщеславным. Победу в великой битве он сразу приписал себе, хотя, судя по разговорам в лагере идею с огненным вихрем подсказал Гамон. Король Дидон не был трусом и в бою покрыл себя неувядающей славой. Он храбро бился и поэтому упрекнуть его было не в чем, но сразу после боя он устроил отвратительную оргию, после которой его обнаружили спящим в чужом шатре в одном исподнем. Пока верховный главнокомандующий предавался разврату и пьянству, его верные слуги делали тоже самое. В ставке судьи-воина в открытую поговаривали о том, что если бы король не напивался каждый день до полного бесчувствия, то в армии было бы больше дисциплины.

Весь день работая без отдыха слуги и захребетники сколачивали плоты для переправы. Огромной армии нужно было как можно скорее перебраться на другой берег, а одного моста и нескольких рыбацких лодок для этого было мало. Даже вечером, когда стемнело над лагерем стоял несмолкаемый стук топоров и визг пил. Вражеский берег притих в ожидании атаки. Степняки не могли не понять, что в лагере затевается недоброе и похоже готовились к бою. В этот раз никто не собирался ставить молодых воинов в задние ряды. Все грузились вместе, а выбирая плоты старались оказаться рядом с друзьями и родственниками.

— Страшно плыть на этих гнилушках, — пожаловался я, когда под ногами закачались связанные веревками бревна, а в широких щелях проступила вода, — я плавать не умею.

По задумке короля гвардейцы должны были идти через мост, а отряд Гамона собирался на плотях перебраться через реку левее и пристать к вражескому берегу возле покосившихся рыбацких сараев. Вооружившись факелами, командиры руководили погрузкой. Сами плоты старались специально не освещать, чтобы не облегчать задачу вражеским стрелкам.

— Ты что дурной, — Ругон взялся за плечевые накладки моего панциря и хорошенько меня встряхнул, — в такой броне сразу утонешь даже если плавать умеешь.

Оруженосец оттолкнулся от берега длинным шестом, плот покачнулся, бревна основательно погрузились в воду, но потом немного приподнялись и заскользили по реке.

Страшно было оказаться на раскачивающемся плоту посередине бурной реки. Замирая от ужаса, я старался не смотреть себе под ноги. Вода заливала бревна, и я даже через сапоги чувствовал ее ледяной холод. Приближающийся берег тонул в крошечной тьме. Что там впереди? Может быть сотни стрелков только и ждут, чтобы спустить тетиву.

Но время шло, а в нас никто не стрелял. Скоро из темноты проступили очертания деревянных причалов. Раньше к ним были пришвартованы десятки лодок, но сейчас их не оказалось на месте. Плоты сносило течением, поэтому нам пришлось высаживаться левее. Когда бревна ткнулись в песок я чуть не свалился в воду.

— Пошли, — выдохнул Ругон, и мы бросились вперед. В этом месте узкий пляж переходил в довольно крутой склон. Наверно при свете дня мы бы сразу нашли тропинки, по которым местные жители ходили за водой, но сейчас нам приходилось вслепую карабкаться вверх. Когда мы выбрались на ровное место я все никак не мог отдышаться. Лезть по склону в тяжелых доспехах оказалось невероятно трудно. Эти места были мне знакомы. Где-то впереди должны были стоять сараи и покосившиеся крестьянские домики, мимо которых

я крался месяц назад возвращаясь из разведки. Ведущие к центру городские улицы и площадь остались правее. Сначала я подумал, что мы сразу пойдем вперед, но Ругон приказал ждать. Согласно общему плану наш отряд должен был атаковать одновременно с королевскими гвардейцами, которые почему-то замешкались на мосту.

На нас никто не напал и мне уже стало казаться, что степняки оставили город. В самом деле, что им здесь делать? Паус разграблен, значит можно все бросить и вернуться домой. Не станешь же выковыривать камни из стен и забирать их с собой, а больше здесь ничего не осталось. И все-таки я ошибся. Неожиданно над заборами крайних домов взвились огненные языки. Заранее пропитанные маслом дома и сараи вспыхнули в одно мгновение осветив берег и замерших воинов и сразу сотни горящих капель взмыли над нами. Казалось будто бы множество светлячков одновременно решили поиграть в ночном небе. Завороженный невиданным зрелищем я открыл рот и замер, задрал голову вверх.

Приставленный ко мне Ругоном оруженосец успел повалить меня на землю и прикрыть сверху своим телом. Хозяин приказал ему спасти меня любой ценой, и верный слуга решил до конца исполнить свой долг. Наверно я никогда бы себе не простил, если бы храбрый парень погиб из-за меня. На мое счастье одна из стрел только ранила его. Из тех, кто первым выбрался на вражеский берег мало, кто остался в живых. Бронебойные стрелы, обмотанные горячей ветошью без труда, пробивали кольчуги даже самого тонкого плетения. Воинам в сплошных латах и кирасах повезло больше, но, во-первых, таких было немного, а во-вторых даже у них оставались незащищенными руки, ноги и лица. Ругона тоже поместили. Металлический доспех защитил его большое тело, но узкий наконечник пробил кожаный наплечник и глубоко засел в ране.

Хитрый обманный маневр удался только в одном месте — слева от моста, потому что там деревянные постройки вплотную подходили к воде. На площади зажечь было нечего. Конечно вражеские стрелки и там обстреляли наступающее дворянское войско, но такого серьезного урона нанести не сумели, потому что трудно было целиться в темноте. Вместо ярко освещенных фигур перед лучниками предстали неясные размытые тени. Бросившиеся вперед отряды королевской гвардии опрокинули слабый заслон и накиннулись на стрелков. Но в этот раз ханы решили не принимать бой. Организовав ловушку у реки, они не собирались всерьез защищать город. Степняки только хотели немного задержать наступающее войско и отомстить за гибель лучших воинов, павших от магического вихря, поэтому при виде королевской гвардии варвары бросились врассыпную и растворились на ночных улицах. Отряды, отправившиеся в погоню, вынуждены были вернуться. Невозможно было пробиться к воротам сквозь сплошную стену огня. Навсегда уходя в степь, кочевники решили оставить за собой разоренное пепелище и подожгли город. Паус полыхал и не было в королевстве силы, которая могла бы его потушить.

Город пылал 3 дня. Кварталы бедноты выгорели полностью. От жара потрескалась даже крепостная стена, к которой вплотную подходили деревянные постройки. Остовы каменных зданий уцелели, но полы, крыши и перекрытия погибли в огне. В купеческом и аристократическом кварталах дома почти не пострадали. Огонь не смог забраться в гору, зато уничтожил все до чего сумел дотянуться. Служилого, ремесленного и торгового кварталов больше не существовало, а от стоящих на базарной площади прилавков, лавок и кабаков остались одни головешки. Все время пока пламя пожирало город мы сидели в лагере задыхаясь от едкого дыма и копоти. Ругон лежал в палатке и с утра до вечера пил вино.

Старик не мог простить себе, что так глупо попался в ловушку степняков, оплакивал погибших товарищей и залечивал рану в плече. Лекарь не стал прижигать ее магическим огнем, а воткнул в дырку раскаленный прут. Слушая истошные крики и ругань Ругона, я подумал, что этот способ кажется мне менее гуманным.

Даже после того, как все деревянные постройки полностью прогорели мы не сразу смогли попасть в город — жар был еще слишком силен. Гамона Паус не интересовал. Он не собирался подсчитывать ущерб, причиненный городу. Воин-судья хотел только одного — как можно скорее добраться до монастыря. На наше счастье зарядили дожди. Они потушили пожар и утром пятого дня Гамону наконец удалось исполнить свое заветное желание. С ним на разведку отправился небольшой отряд. Степняки ушли и нападения теперь можно было не опасаться. На всякий случай на земляном валу разместили часовых и пару сотен воинов — все что осталось от собранного со всей страны ополчения. Ремесленники и купеческие сынки были плохо вооружены и сражаться не умели, расчет был на то, что они смогут задавить врага числом. Дворяне смотрели на них свысока, а гвардейцы вообще старались не замечать, поэтому ополчением закрывали самые опасные направления и потерь среди простолюдинов не считали.

Монастырь пострадал не сильно. Подходя к воротам я с интересом разглядывал каменные стены и возвышающуюся над ними церковь. Судя по всему, серьезных пожаров внутри удалось избежать. Я прекрасно помнил пылающую во дворе солому и мечущиеся злобные тени. Наверно часть имущества погибла, но главное, что основной храм уцелел. Ворота оказались разбиты. Одна створка была сорвана совсем и лежала на земле, а другая едва держалась на покореженных петлях. Действительно склады и амбары выгорели полностью, но каменные здания почти не пострадали. На первом этаже от жара в окнах полопались стекла, но в верхней галерее сохранились цветные витражи. Двор был весь изрыт неглубокими ямами. Казалось, варвары что-то искали. Возможно пытались обнаружить укрытые монахами сокровища.

— Словно собаки рылись, — зло ворчал Ругон.

Старик напросился с нами хотя чувствовал себя плохо. Оруженосца мы оставили в лагере.

Стрела вонзилась парню в бедро, и пустяковая в сущности рана не позволяла бедняге ходить. Гамону мои услуги не понадобились. Он прекрасно знал монастырь и сразу поднялся в покои владыки. Мы с Ругоном немного задержались, потому что утомленный переходом старик присел на минутку на ступеньку, чтобы перевести дух.

Когда мы забрались на второй этаж оказалось, что судья уже успел там все осмотреть. В комнатах владыки царил беспорядок, богатые покрывала, перины, красивые безделушки, предметы культа и даже занавески были вывезены грабителями. Часть мебели оказалась разбита, а на кровати остались следы засохшей грязи. Из купальни доносилось ужасающее зловоние, похоже варвары использовали ее, как туалет.

— Какой ужас, — все время повторял безутешный Гамон.

Конечно в разгромленных покоях мы ничего не смогли найти. Судьба владыки так и осталась тайной за семью печатями. Чтобы ничего не упустить мы обыскали монастырь. Я провел дворян по всем закоулкам и потайным лестницам. Кругом стояла мертвая тишина, только наши шаги нарушали покой этого места. Кельи и кладовые были пусты, из трапезной исчезла посуда, а из кухни кастрюли и сковородки. Казалось, степняки без разбора хватили все, что попадалось под руку. Похоже даже дырявый котел имел для них свою ценность.

Пока я рыскал по закоулкам обители несколько человек во главе с Ругоном обыскали двор.

— Тибон, — окликнул меня дворянин из свиты Гамона, — иди сюда.

Я сбежал по ступенькам, обогнул угол церкви и остановился, как вкопанный у лестницы, ведущей на смотровую площадку. В этом месте на стене кто-то установил деревянную распорку к которой приколотил несколько толстых брусьев таким образом, чтобы их заостренные концы выходили далеко вперед и нависали над двором. К ним за ноги были привязаны тела. Много — около десятка. Некоторые совсем сгнили и упали на землю, но несколько еще висели вверх ногами. При виде страшной картины меня замутило. Много чего мне удалось повидать за последнее время, но такого ужаса и отвращения я еще не испытывал никогда. Судя по всему, перед смертью несчастные подверглись жестоким пыткам. Даже на разложившихся телах еще можно было рассмотреть следы ужасных ран.

— Подойди, — сказал Ругон.

Он стоял в стороне и разглядывал чье-то искалеченное тело.

Я подошел и встал рядом.

— Это тот воин, о котором ты мне рассказывал?

От времени и непогоды тело Химона изменилось до неузнаваемости и все-таки я сразу узнал его.

Враги стащили с него не только дорогую кольчугу, но и штаны с сапогами. Монах-воин оставался только в одной нательной рубашке.

— Да, — ответил я, — это Химон.

Старик кивнул и повернулся к остальным.

— Срежьте тела, — приказал он, — сегодня вечером мы их похороним.

— А владыка, — воскликнул я, — вы нашли его?

— Нет, — Ругон снял тяжелую каску и вытер вспотевший лоб, — тела владыки мы так и не нашли.

Война закончилась, и дворяне засобирались домой. С каждым днем в лагере оставалось все меньше воинов. Король распустил войско и люди торопились вернуться в родные края до наступления настоящих холодов. Зима неумолимо приближалась. Все считали, что угроза миновала, но в Паусе все равно оставили для охраны стены около трехсот воинов. В центральной башне установили новые ворота и решетку, а на бывшей базарной площади несколько маркитантов расставили палатки и прилавки. Жизнь возвращалась в Паус. Говорили, что по приказу короля из столицы должен был отправиться большой обоз с материалами и мастерами, которым было велено в кратчайшие сроки восстановить город. Специальные люди рыскали по стране в поисках беженцев и тех, кто готов был за хорошее вознаграждение вернуться в разоренный город. Король не скупился, и посланцы сулили хорошие деньги за жизнь на границе со степью.

— Помяни мое слово, — сказал Ругон, когда мы тоже собрали свои нехитрые пожитки и оправились в обратный путь, — скоро здесь опять осядут люди и потекут караваны из столицы. Даже в монастырь скоро прибудет новая братия. Все вернется и станет, как прежде.

— Нет, — задумчиво сказал я, — как прежде уже не будет.

— Смотри на мир шире, — усмехнулся старик, — Паус горел множество раз. Что такое человеческая жизнь по сравнению с веком богов? Десятилетия для них песчинка. Пройдет

несколько лет и новые поколения забудут о набеге, и только дряхлые старики станут пугать степняками неразумных детей.

— Неужели мы все забудем, — вскинулся я, — неужели вычеркнем из памяти погибших товарищей?

Старик нахмурился.

— Мы нет, — очень серьезно ответил Ругон, — но у бедняков короткая память. Очень скоро они и не вспомнят о том, как все было на самом деле. Настоящее знание им заменяют песни и сказки.

Старик обнял меня и тяжело оперся на мое плечо.

— А нам с тобой забывать нельзя, поэтому всегда держи меч под рукой.

Добравшись до старого лагеря возле западной стены, мы устроили привал. Ругона измучила тяжелая дорога, от сырости рана в плече опять открылась. Молодой оруженосец тоже с трудом проделал обратный путь. Первую ночь мы провели под открытым небом, а на утро сбежали в деревню. Осень окончательно вступила в свои права — похолодало, начались затяжные дожди, и мы больше не могли оставаться на улице. Вдова, приютившая Марона, пустила нас на постой за две серебряные монеты в неделю, для деревенских жителей это были большие деньги, но не в дом, а в амбар. Теперь, когда оруженосец Ругона сам получил ранение мне все приходилось делать самому: рубить дрова для очага, стирать, готовить еду. Хозяйка согласилась кормить нас обедом, но для трех здоровых мужчин одной трапезы в день было мало, поэтому на деньги Ругона я покупал у местных картошку, сало, колбасу и придумывал из этих продуктов различные блюда. Оруженосец благодарно принимал миску с едой, а Ругон ворчал и обзывал меня белоручкой, скверной стряпухой и отравителем.

За неделю спокойной жизни раны моих новых друзей затянулись, и они принялись собираться в столицу. Королевское войско уже давно покинуло деревню и Ругон хотел, как можно скорее догнать Гамона. Он говорил, что у него впереди много дел.

— Я пойду с тобой? — спросил я старика.

На самом деле я был уверен в том, что он не захочет отпускать меня, поэтому с вечера уже собрал свои пожитки.

— Нет, — воин замахал здоровой рукой, — тебе туда нельзя. В столице ты привлечешь к себе слишком много внимания. Там слишком много шпионов.

От неожиданности я не сразу нашелся, что сказать. Наверно старик был прав. За долгие годы жизни при дворе он хорошо изучил столицу. Конечно она кишит шпионами короля, но неужели они с Гамоном не смогут защитить меня?

— Что же мне делать, — от обиды я едва не расплакался, — вернуться в Паус?

Я знал, что каждый кто пожелает жить на границе может обратиться к властям ближайшего города и получить от них ссуду на строительство собственного дома и обустройство небольшого участка земли. Некоторые в войске считали это предложение очень выгодным. Участь вернувшихся домой младших сыновей дворянских семей была незавидна. В королевскую гвардию их не возьмут. Обычно туда набирают столичных жителей, а на мальчишек с периферии даже не взглянут. Оставшись дома молодые дворяне в лучшем случае проживут свою жизнь в тени старших братьев, подвизаясь на роли помощников или оруженосцев, а согласившись на посулы королевских зазывал смогут стать полновластными хозяевами собственной усадьбы.

— В Паус тебе нельзя, — сказал Ругон, — сейчас там каждый дворянин на особом

счета. Начнутся расспросы, и ты попадешься. Нечего мудрить. Ты получил в наследство усадьбу Тагона. Туда и отправляйся.

Конечно это был самый простой путь, но как я стану смотреть в глаза семье погибшего воина. Все это время я гнал от себя мысли о наследстве. На словах все казалось просто — пришел к незнакомым людям и предъявил свои права на дом, но в реальной жизни все могло оказаться намного сложнее.

— А разве там я буду в безопасности? — заупрямился я, — они тоже станут задавать вопросы, потребуют доказательств.

Казалось Ругон с первого взгляда уловил мои сомнения. Наверно страх написанный на моем лице можно было так же легко прочесть, как слова на пергаменте выведенные большими буквами.

— Никто не станет тебя ни о чем расспрашивать, — примирительным тоном сказал старик, — Тагон жил в глуши и надежнее места для того, чтобы спрятаться тебе не сыскать. К тому же ты пойдешь не один.

Я удивленно уставился на него. Интересно кого это старый хитрец решил навязать мне в попутчики?

— Помоги Марону добраться до дома, — попросил Ругон, — во-первых, другу поможешь, а во-вторых не заблудишься по дороге. Мальчишка хорошо знает те края, а от его усадьбы и до твоей недалеко. К тому же после такого ранения человеку трудно одному проделать длинный путь. Пойдете вместе. И вам веселее и мне спокойней будет.

После всего что нам с Мароном пришлось пережить на поле боя я действительно считал его другом, но у меня не было твердой уверенности в том, что юноша испытывает ко мне такие же чувства. Перед уходом в Паус мы с ним тепло простились, но после нашего возвращения он встретил меня холодно. Казалось, что за время нашего отсутствия что-то произошло с молодым воином. Самочувствие его явно улучшилось, рана начала затягиваться и мучившие его сильные боли наконец отступили. По всему выходило, что выздоравливающий юноша должен был пребывать в хорошем расположении духа, но почему-то все выходило наоборот. Он не скрывал, что мое присутствие его раздражает и несколько раз позволял себе отпускать в мой адрес колкие замечания. На вопросы Ругона мальчишка отвечал охотно и часто подолгу не отпускал старика, расспрашивая его о подробностях освобождения Пауса, но стоило мне заглянуть к нему в комнату, как он сразу замыкался в себе и ссылался то на плохое самочувствие, то на усталость.

— Не бери в голову, — сказал мне Ругон, — мальчишке здорово досталось. Не знаю, как бы я сам себя вел после такого ранения.

— Да я понимаю, — ответил я, — просто странно все это. Раньше мы с ним нормально ладили.

— Дай ему время. Рана заживет, и он опять начнет радоваться жизни.

Я не стал спорить со стариком, но в глубине души чувствовал, что рана Марона здесь не причем. Что-то другое мучило юношу. С Холином мне было легко. Простодушный стражник ничего не скрывал и всегда говорил то, что думал, но с молодым дворянином дело обстояло иначе. О чем он грезил ночами мучаясь от боли в жарко натопленной комнате? Какие сомнения и страхи терзали его душу?

Помимо нас к Марону заходил еще один человек. Не знаю участвовал ли он в основном

сражении, но на поле боя мы с ним не встречались. Он несколько раз навещал раненного и подолгу засиживался у его постели. Таинственный незнакомец остановился в стороне от деревни в собственном шатре. Он путешествовал не один. Конечно свита его была меньше чем у Гамона, но судя по количеству сопровождающих вельможа занимал высокое положение при дворе. Как оказалось, Ругон успел с ним пообщаться.

— Это троюродный дядя Марона, — пояснил он мне, — он специально прибыл из столицы, чтобы поддержать племянника.

— Значит он не участвовал в битве? — спросил я.

— Он занимался сбором ополчения, — ответил старик, — в королевской армии не обязательно все время махать мечом, можно и другими делами заниматься.

Это было для меня новостью. Все время я считал, что главное для дворянина — это возможность защитить свою родину с мечом в руке. По крайней мере в лагере воины только об этом и говорили.

Видя мое удивление Ругон усмехнулся.

— Не все хотят воевать, но уверяю тебя честь этого человека не пострадала. Его ценят при дворе и Гамон хорошо отзывался о нем.

К сожалению, я все еще слишком мало знал о нравах, царящих в столице. Дворяне со всеми своими правилами, неписанными законами и клятвами все еще оставались для меня загадкой. И не было рядом настоящего учителя, который мог бы поведать мне обо всех премудростях этого мира. Ругон, как мог старался объяснить и помочь, но многие вещи он считал очевидными, поэтому не заострял на них внимание. Выходит, родственник Марона достиг высокого положения при дворе только за счет своего острого ума. Об этом стоило подумать. В отличие от большинства дворян, встреченных мной в лагере я был хорошо образован. Получив в наследство меч и жезл дети знатных фамилий часто не хотели утруждать себя изучение различных наук. Может быть знания, полученные в монастыре, в будущем пригодятся мне больше, чем умение махать мечом и способность бросаться в бой сломя голову.

После этого разговора одна тревожная мысль не давала мне покоя. Раньше я считал, что у Марона родственников очень немного, но теперь выходило, что за спиной маленького воина стояла большая семья. Кто я для них? Смогут ли они принять незваного наследника?

Судьба долгое время хранила меня от встречи с дядей Марона, но однажды я столкнулся с ним нос к носу. В тот день я возвращался от зажиточного крестьянина, у которого обычно покупал еду. Ввалившись в сени, я ненадолго задержался, чтобы снять мокрый от дождя плащ. Ругон должен был быть в доме вдовы. Старик уезжал в столицу и еда, которую я принес предназначалась для прощального ужина. Когда я вешал плащ неожиданно распахнулась дверь в комнату и на пороге появился родственник Марона. Похоже он навещал раненного и сейчас собирался уходить. Увидев меня, он застыл в проеме. Свет падающий из комнаты хорошо освещал меня, зато фигура незнакомца оставалась в тени. Я видел перед собой только темный силуэт.

— Ты Тибон? — спросил он.

— Да, — ответил я, чувствуя ужасную неловкость. Для того чтобы познакомить меня с новой родней боги выбрали неподходящее время. Я только что вошел с улицы, поэтому был мокрый, как мышь, к тому же мои руки были заняты снедью. Наверно сейчас я больше походил на слугу, чем на дворянина.

— Меня зовут Лагон, — представился незнакомец, — я дядя Марона.

— Я знаю.

— Рад, что мы встретились, — голос у вельможи был резкий и хриплый словно карканье ворона, — давно хотел посмотреть на того, кто унаследовал усадьбу Тагона. Это большая честь для нашей семьи.

Мне не понравился тон, которым были сказаны эти слова. Похоже Лагон в открытую смеялся надо мной. Но что мне было делать? Не мог же я бросить вызов своему новообретенному родственнику.

— Дай пройти, — неожиданно сказал дворянин и я с ужасом понял, что все это время загораживал ему дорогу. Возможно, если бы я сразу посторонился и пропустил вельможу к выходу он и не заговорил бы со мной. Я поспешно отошел в сторону. Дворянин прошел мимо и открыл дверь. С улицы дохнуло ветром и дождем. Уже на пороге Лагон обернулся и мне наконец удалось рассмотреть его лицо.

— Марон объяснил мне кто ты такой, — сказал он на прощание, — скажу прямо — мне не нравится опасная игра, которую затеял Гамон. Королевство не нуждается в возрождении твоего рода. Тем не менее я не стану доносить на тебя. Просто держись подальше от меня и моей семьи.

— Хорошо, — сказал я.

Лагон на мгновение задержался на пороге словно хотел еще что-то сказать, но видимо передумал, кивнул и вышел под дождь.

Я смотрел, как он идет прочь высокий и сутулый похожий на большую черную птицу и думал о том, что впереди меня ждет еще много неприятных разговоров. Вроде бы у Марона еще жива матушка, есть сестры и другая родня. Если все они думают так же, как Лагон, то мне не стоило останавливаться в доме Марона. Провожу его до ворот и сразу уйду.

— Эй, Тибон, — окликнул меня из комнаты Ругон, — это ты там? Иди скорее сюда! Пора выпить и закусить!

Прощальный вечер прошел весело. Старый воин много пил, шутил и смеялся. Казалось даже Марон развеселился. Когда Ругон ушел спать я немного задержался в доме, чтобы помочь вдове убрать со стола.

— Что ты делаешь? — спросил Марон.

— Что ты имеешь в виду? — не понял я.

— Зачем ты словно слуга таскаешь грязную посуду, бегаешь Ругону за едой? Для этого у старика есть оруженосец.

— А что в этом такого? — искренне удивился я, — оруженосец вещи собирает, к тому же его рана еще не зажила, а Ругон мой наставник. Нужно уважать старших и помогать им.

Казалось мой ответ разозлил Марона.

— Как ты не понимаешь, — вспыхнул он, — в тебе течет священная кровь! Это они должны перед тобой стелиться и бегать на посылках!

Я не совсем понял кого он имел в виду, и кто должен был мне прислуживать, но ярость с которой были сказаны грубые слова напугали меня.

— Что с тобой, Марон, — попытался я успокоить его, — мне это ничего не стоит.

— Наследство моего дяди не поможет тебе измениться, — с обидой сказал мальчишка, — наверно ты так и останешься до конца дней простаком-деревенщиной.

Ругон ушел, и я оказался совсем один. Нет конечно по соседству жили и другие дворяне,

в деревне и в лагере оставалось много раненых, но я старался ни с кем не сходитья и держался особняком. Больше всего я боялся сделать или сказать что-нибудь не то. Все-таки дворянином я стал совсем недавно, и любая мелочь могла меня выдать. Перед отъездом Ругон даже предложил мне на время снять и спрятать драгоценный амулет, но я отказался.

Маркитанты ушли и достать что-нибудь съестное становилось все труднее. Крестьяне продали почти все, что могли проходящим войскам и теперь вынуждены были отказывать нам в самом необходимом, чтобы зимой не опухнуть от голода. Сейчас мнегодились навыки, полученные на монастырских полях. Вечно голодные послушники-огородники умели добывать еду разными способами. Я ловил рыбу самодельной острогой и воровал у соседей отложенные на зиму картошку и яблоки. Обнаружив пропажу, местные жители валили все на оставшихся в лагере слуг. На остановившегося в доме молодой вдовы дворянина они и подумать не могли.

Рана Марона заживала хорошо. Каждый день его навещал лекарь. Наверно не было в лагере другого такого дворянина за которым был бы такой уход. Гамон не оставил своего любимца и перед отъездом хорошо заплатил за его проживание и лечение. А тем временем похолодало еще сильнее, и хозяйка наконец пустила меня в дом. Я устроился ночевать в теплых сенях на старом сундуке. Наверно какой-нибудь молодой воин нашел бы такую постель слишком жесткой и неудобной, но ложе в монастырской спальне было немногим лучше, поэтому я не роптал. Дядя Марона ушел вслед за Ругоном. Он задержался не несколько дней, простился с племянником и отправился в столицу в сопровождении большого отряда слуг. Все это время я старался не попадаться ему на глаза. Странное дело, после ухода Лагона молодой воин перестал меня дичиться. С глаз Марона словно спала пелена и он стал радоваться моему присутствию в доме. Большую часть времени мы проводили вместе и только на ночь я уходил в сени на старый сундук.

И все-таки иногда от его странного взгляда мне становилось не по себе. Казалось, что мальчишка меня в чем-то подозревает. Раньше он сам любил поговорить, а теперь больше слушал. Неожиданно Марон заинтересовался моей прошлой жизнью. Он подробно расспрашивал меня о монастырских порядках, о владыке и Химоне. Казалось, ему нравились мои истории, но иногда я замечал, как во время моего рассказа по губам юноши проскальзывает презрительная улыбка.

Время шло, миновал первый месяц зимы, и мы с Мароном стали собираться в дорогу.

— Мы с тобой не пойдем по главному тракту, — говорил мальчишка, разглядывая небольшую карту, которую он захватил из дома и сам дополнил по дороге к западной стене, — так будет короче. Будем двигаться от деревни к деревне, через пару дней доберемся до ближайшего города, немного передохнем и свернем к горам.

Я с интересом слушал своего нового друга. Окружающий мир оставался для меня загадкой, поэтому до поры я решил во всем с ним соглашаться.

Мы отправились в путь, когда прекратились сильные снегопады. За последнее время Марон окреп и уже мог ходить без посторонней помощи. Он торопился домой и хотел поскорее обнять родных. Как только нам удалось нанять в деревне двух носильщиков мы с радостью простились с хлебосольной хозяйкой и пустились в дальнюю дорогу. Как не спешил Марон вернуться в родные края, но тяжелая рана не позволяла ему быстро идти. Мы часто останавливались и делали длительные привалы, чтобы молодой воин мог восстановить силы, поэтому до ближайшего города мы добрались не на третий день, как планировали, а только на пятый. Люди радовались победе короля, поэтому в деревнях нас встречали

хорошо, кормили даром и бесплатно оставляли на ночлег. Наш путь лежал вдаль от главного тракта, поэтому прошедшее ранее королевское войско не успело опустошить кладовые местных жителей. Охочие до новостей крестьяне с радостью приглашали нас к себе, чтобы послушать о великой битве со степью. Так медленно двигаясь от селенья к селенью, мы прошли через всю страну.

По сравнению с Паусом город Нуйс выглядел бедно, грязно и убого. Это было самое последнее крупное поселение на севере. Дальше нам могли встретиться только небольшие деревеньки, хутора, хижины пастухов и охотников. В единственной таверне нам отвели две широкие лавки у огня, предложили вина и жаренного мяса. За последнее время мой кошелек порядком полегчал и видя мои страдания Марон сжалился надо мной.

— Здесь есть один торговец. Он с удовольствием купит у тебя мою старую куртку.

— А ты не обидишься? — спросил я.

Все-таки в свое время мы поменялись доспехами, и я не был уверен в том, что Марон обрадуется, если я попробую избавиться от вещи, которая раньше принадлежала ему.

— Вот еще, — юноша скривился словно от зубной боли, — тебе она больше ни к чему.

Он с завистью посмотрел на доспехи Булина, которые теперь красовались на мне.

— Вон какая у тебя теперь броня.

— Тогда кинжал, которым тебя пытались заколоть я тоже продам, — сказал я.

Марон погрузился.

— Покажи мне его.

Я вытащил из-за пояса тонкий стилет. Вещь была дорогая на рукоятке сверкал драгоценный камень.

— Сколько ты за него хочешь? — спросил молодой воин.

— Не знаю, — честно признался я, — никогда не торговал оружием и цены не знаю.

— Я куплю его.

При виде кинжала едва не лишившего его жизни Марону стало не по себе. Он вытер ладонью, проступивший на лбу пот и полез за кошельком.

— Не надо, — сказал я, — возьми так. Это подарок.

Юноша удивленно посмотрел на меня и покачал головой.

— Так не пойдет. Ты и так мне уже доспехи Тагона подарил.

— А сейчас еще и кинжал подарю, — беззаботно сказал я, — мы же теперь родня. Какие счета могут быть между своими?

Мальчишка хмыкнул и отвернулся.

— В чем дело? — спросил я.

— Так, ни в чем, — сказал мальчика, — спасибо!

— Значит берешь? — переспросил я и протянул ему стилет.

Марон кивнул, взял кинжал, но все равно вытащил кошелек и достал оттуда две большие серебряные монеты.

— Чтобы оружие не подвело своего нового владельца за него все равно надо заплатить, — сказал он, — такова традиция. Но не волнуйся. Кинжал стоит намного дороже, поэтому будем считать, что я принял его в дар.

Старые доспехи Марона ушли за хорошие деньги. Торговец сказал, что куртка находится в приличном состоянии. Искореженную Булином пластину заменят, а порез на коже зашьют.

В этих местах оружие всегда было в цене, потому что местные кузнецы в основном занимались изготовлением крестьянского инструмента и охотничьей снасти. Хорошие мечи и прочные латы дворяне заказывали в столице, поэтому в здешних лавках почти не было подходящего товара. Конечно при желании местный мастер мог бы и меч отковать, но такие заказы поступали редко. Тем не менее торговцы старались держать под рукой какой-нибудь доспех, пусть и самый простой. Вдруг понадобится здешнему вельможе для младшего сына.

— Ты бы себе сапоги купил что-ли, — сказал Марон, когда мы вышли из лавки, — а то скоро подметки отвалятся.

Не могу сказать, что моя обувь была в таком плачевном состоянии, но мальчишка был прав — за последние месяцы сапоги совсем потеряли вид.

— Да и штаны бы новые не помешали, — продолжал юноша, презрительно оглядев меня с ног до головы.

Я не стал с ним спорить и сразу согласился отправиться в соседнюю лавку, потому что хорошо понимал его беспокойство. Скоро Марону придется представить меня семье, и он не хотел, чтобы в первый же день я ударил в грязь лицом.

Чем дальше мы уходили на север, тем безлюднее становились места вокруг. Я привык к тому, что в моих родных краях каждый свободный участок земли был возделан трудолюбивыми крестьянами и дома лепились друг к другу словно пчелиные соты, а здесь жильё встречалось редко и вместо плодородной почвы под ногами лежали камни. Удивляться тут было нечему, потому что мы подошли к северной оконечности долины — месту глухому и безрадостному. В стародавние времена боги ради смеха разбросали у подножия гор огромные валуны, отгородились от людей отвесными скалами, непроходимыми лесами, глубокими ущельями и быстрыми горными ручьями, которые приходилось обходить стороной, чтобы не стать жертвами ревущего потока. Наверно один я бы потерялся среди камней и елок, но Марон уверенно вел меня по едва заметным тропинкам проложенным одинокими путниками и дикими зверями.

— Ты уверен, что знаешь куда идти? — спросил я.

— Конечно, — мальчишка беззаботно махнул рукой, он явно повеселел, предвкушая скорую встречу с семьей, — я ходил здесь множество раз. Совсем скоро мы будем на месте.

Мы провели в дороге уже несколько недель и признаться я был бы не против оказаться у пылающего очага. Последние несколько ночей мы спали под открытым небом, потому что попавшиеся нам на пути крестьянские хижины оказались слишком малы, чтобы приютить нас. В этих краях зима была холоднее, а снега с неба сыпалось больше.

Вчера у нас с Мароном состоялся странный разговор. Мы расположились в неглубокой расщелине, развели большой костер и поели колбасы купленной у охотников два дня назад. Носильщики оставили наши вещи и ушли. У них была своя еда и ночевать они предпочитали подальше от нанимателей.

— В доме у дяди ты будешь в безопасности, — сказал Марон, когда мы уже улеглись у огня и накрылись плащами.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Его дом стоит далеко от главных дорог, людей там в округе очень немного, так что вряд ли в эдакую глушь заберутся королевские шпионы. Думаю, что если они и станут тебя искать, то точно не здесь. Говорят, что в больших городах легче затеряться.

Я промолчал, думая о том, что теперь мне всю жизнь придется прятаться от

словоохотливых незнакомцев и больше помалкивать, чем говорить. И все-таки я был рад, что добился своего. Так или иначе мой план удался. Я стал дворянином и теперь у меня будет свой дом, а в кошельке заведутся звонкие монеты. Могла ли предположить моя бедная матушка, что ее младший сын когда-нибудь станет настоящим вельможей и будет соперничать с самим королем? Не стану скрывать от открывшихся перспектив у меня иногда захватывало дух. Конечно я никогда всерьез не думал, что когда-нибудь смогу занять королевский трон, но никто из нас не может знать наперед, что задумали боги. Вдруг они приготовили мне что-нибудь настолько невероятное, что даже представить нельзя? И все-таки, как я не радовался своему новому положению, но возможная встреча с рыскающими повсюду королевскими шпионами пугала меня до смерти.

— А твоя усадьба далеко от дома Тагона? — спросил я Марона.

— Изрядно.

— Значит в случае чего ты не успеешь прийти мне на помощь?

Мальчишка привстал на локте и удивленно уставился на меня.

— А я и не собираюсь, — ответил он.

От неожиданности я чуть не потерял дар речи. Вот так помощник! Выходит, для юноши, которого я считал своим другом и чуть ли не родственником все это время я оставался чужим человеком.

Казалось мое искреннее удивление развеселило Марона.

— Послушай, Тибон, — сказал он, — тебе пора понять, что мы с тобой не родные братья. Мы вместе воевали и только. Сейчас нам с тобой по пути, но завтра каждый из нас пойдет своей дорогой. Не думай, что я собираюсь нянчиться с тобой всю жизнь.

Вот так дела! Конечно Марон здорово помог мне в пути, кое-что объяснил, кое-что показал, научил, как нужно вести себя с торговцами, но все это время я считал себя в нашей группе старшим. По просьбе Ругона я сопровождал раненного мальчишку домой и следил за тем, чтобы в дороге с ним ничего не случилось, а он значит думает, что все происходило наоборот.

— Скажу тебе честно, — продолжал Марон, — мы вряд ли сможем стать друзьями. Мы слишком разные. Не хочу тебя обидеть, но боги могли бы выбрать для своих целей кого-нибудь более достойного.

Теперь его косые взгляды и презрительные усмешки стали мне понятны. Похоже моего попутчика терзала простая человеческая зависть.

— Ты хотел бы оказаться на моем месте? — прямо спросил я.

— Я уже один раз оказался, — ответил юноша, — когда надел твои доспехи.

Мне было обидно слышать такие слова. Признаться, я ожидал от Марона большей благодарности. Все-таки убив Булина я спас ему жизнь. А мальчишке похоже понравилось поучать меня. Не знаю кем он себя вообразил — мудрым наставником или старшим товарищем, но остановиться он уже не мог.

— И вообще имей в виду, что мы — настоящие воины всегда делаем только то, что выгодно, — важно заявил Марон, — и сейчас я иду с тобой только потому что нам по пути.

Снисходительный тон, которым были сказаны эти слова здорово разозлил меня.

— По-твоему Ругон и остальные всюду сопровождают Гамона только потому что им так выгодно? Я думал они делают это из любви и уважения, думал, что они друзья. Неужели вы — настоящие воины все время талдычащие про верность и честь на самом деле думаете только о материальном благополучии?

Видимо мои слова задели Марона. Мальчишка отбросил в сторону плащ и сел на постели.

— Глупец! Гамон полководец и ближайший соратник короля. Тот, кто окажется с ним рядом в нужное время получит от жизни все.

— Ругон тоже так думает?

— Конечно! — глаза Марона блеснули в свете костра, — за свою службу он получает большие деньги. Только ей он обязан домом в столице и местом при дворе.

— Значит им движет только корысть? — не сдавался я.

— Корысть движет всеми нами, — воскликнул мальчишка, — говорю тебе Ругону повезло! Конечно ему много лет и рано или поздно Гамон заменит его кем-нибудь по моложе, но это будет еще очень нескоро. Так что у старика еще есть время, чтобы потуже набить свой кошелек.

Похоже Марон завидовал не только мне. Наверно он был бы не прочь когда-нибудь занять место старика. Неужели Тагон не видел, как алчность овладевает его племянником? Я был уверен в том, что в этом споре маленький воин поддержал бы меня. Наверно он был бы так же удивлен услышав слова любимого родственника. В речах Марона то и дело проскальзывали интонации Лагона. Неужели за такое короткое время троюродный дядя сумел вложить в голову юноши свои мысли.

— Значит ты можешь выдать меня королевским шпионам, — спросил я боясь услышать утвердительный ответ, — если тебе это будет выгодно?

Мальчишка вскинулся и сердито засопел.

— Я поклялся хранить твою тайну и сдержу обещание, но не проси у меня большего.

Он лег, повернулся ко мне спиной, накрылся плащом с головой и притворился спящим. Сказать мне было нечего, поэтому я свернулся калачиком на постели и попытался заснуть. Похоже заполучив богатое наследство я так и не обзавелся родней. Действительно глупо было надеяться на то, что представители другого мира встретят самозванца с распростертыми объятиями. Конечно я им не ровня. Кстати Ругон так и не показал мне, как нужно обращаться с магическим жезлом, сославшись на то, что серьезному колдовству лучше учиться у настоящих знатоков.

— В каждом городе есть мастер огня, — сказал он, — обратишься к нему. Он тебя всему научит.

Теперь я понимал, что старику просто не досуг было со мной возиться.

После нашего разговора Марон все больше молчал и держался особняком. Я старался не обращать на него внимания. Кто знает, что сейчас происходит у мальчишки в душе. Может быть мои слова о предательстве задели молодого дворянина и теперь он мучается от обиды, а может быть он понял, что вел себя глупо и сейчас испытывает стыд за свои необдуманные речи. Будет очень жаль, если мы поссоримся из-за подобного пустяка. При первой же возможности я постараюсь объяснить ему, что дорожу его дружбой и ценю все, что он для меня делает. Даже, если он не станет меня слушать ему все равно еще какое-то время придется терпеть мое общество. Я обещал Ругону проводить Марона домой и слово свое сдержу.

Горные дороги трудны и небезопасны, но все когда-нибудь заканчивается и даже нашему долгому путешествию пришел конец. Извилистая тропа неожиданно вывела нас к небольшому поселению, состоящему из шести дворов. Я с интересом принялся разглядывать

деревню Марона. Признаться, ее маленькие размеры удивили меня. Я думал, что она будет значительно больше. Постройки выглядели весьма внушительно. Дома и заборы в этих краях по традиции складывали из камня, потому что обломки скал лежали прямо под ногами и собирать их было легче, чем таскать из ближайшего леса бревно для сруба. Колодца я не заметил, зато в двух шагах от деревни обнаружился небольшой водопад. С горной кручи поднимая тучи брызг низвергался вниз сверкающий поток, который не замерзал даже зимой и падал в глубокую каменную чашу.

"Интересно, где же усадьба Марона", — подумал я, разглядывая крестьянские дома, — "Не станет же дворянин прозябать в этих холодных хижинах".

— Нам туда, — молодой воин махнул рукой.

Только сейчас я заметил стоящую неподалеку от деревни прижавшуюся одной стороной к отвесному горному склону одинокую башню. Сложенная из дикого камня она практически сливалась со скалой. Ведущую к ней некогда ухоженную дорожку занесло снегом и засыпало сорвавшимися с кручи мелкими камешками. Небольшой участок земли, отведенный под огород, весь зарос высокими с человеческий рост сорняками. Высохшие от холода они печально шелестели на ветру и покачивали круглыми пустыми головками. От сырости на одной из сторон башни обращенной к водопаду неровно уложенные камни поросли зеленым мхом. Рассохшаяся входная дверь была чуть приоткрыта.

— Добро пожаловать домой, — сказал Марон.

Я замер с открытым от удивления ртом разглядывая давно заброшенное строение. Несомненно, эта башня когда-то была дворянской усадьбой. В стародавние времена, когда людей в долине было совсем немного, а дворян и того меньше воины по праву считались защитниками родных мест. Удерживать большие крепости малым числом было трудно, поэтому они строили вот такие башни в которых могли жить и при случае обороняться от врагов или диких животных. С тех пор многое изменилось, население долины умножилось, и дворяне стали возводить для себя обычные дома к которым в память о трудных временах иногда пристраивали небольшие башни. Правда теперь они служили больше для красоты, чем для безопасности.

Судя по всему, эту башню люди покинули много лет назад. Почему Марон привел меня сюда? Не может быть, чтобы его семья жила в таких условиях. А если это так, то где его мать и родня?

— Что случилось с твоим домом? — в ужасе спросил я.

Марон зловеще рассмеялся.

— Это твой дом.

— Мой? Но как же..., - не понял я, — мы же шли к твоей усадьбе?

— Вот еще, — фыркнул мальчишка, — стану я приводить в дом человека, который лишил меня наследства. Да и мои родственники вряд ли обрадуются такому гостю. Извини, Тибон, но хотя ты и принадлежишь к великому роду, но выглядишь и ведешь себя, как оборванец.

Я смотрел на него во все глаза и не верил своим ушам. Значит странный разговор состоявшийся между нами вчера был только прелюдией к чему-то большему и теперь мне предстояло узнать много интересного. От нехорошего предчувствия похолодело в груди. Если бы сейчас из-за крайнего дома появились королевские стражники я бы не удивился.

— Поздравляю, — сказал Марон, — ты теперь зовешься Тибон и Регема. Можешь войти в дядюшкин дом, если не боишься пауков и крыс.

Словно громом пораженный я стоял и смотрел на высокую древнюю башню.

Не может быть, чтобы блестящий воин Тагон жил в такой дыре.

"Хотя почему не может", — неожиданно подумал я, — "человек которому я прислуживал не был богат, после его смерти в кошельке оказалось совсем немного денег и оружие у него было самое простое".

А Марон все никак не мог успокоиться. Видимо то, что я получил в наследство имущество его дяди не давало ему покоя. Всю дорогу обида и зависть разъедали душу молодого воина и сейчас долго скрываемое раздражение наконец вырвалось наружу.

— Наверно зря ты подарил мне кинжал Булина, — издевательским тоном сказал он, — сейчас бы он тебе пригодился. Думаю, вырученные с его продажи деньги помогли бы тебе отремонтировать новый дом.

Наверно он хотел унизить и обидеть меня этими словами, вот только у него ничего не получилось. Несмотря на то, что жестокая правда наконец открылась мне в душе не было горечи. Я ни о чем не сожалел. Подаренные вещи не значили для меня ровным счетом ничего. Легко пришли, легко ушли. Наверно потому что я еще не привык к тому, что в этом мире за все надо было расплачиваться звонкой монетой деньги не имели для меня такого значения, как для Марона. К тому же давно в прежней жизни мудрые люди говорили со мной на другом языке, который до сих пор был мне более понятен и близок, чем язык современного дворянства.

"Прощайте врагам своим недостойное поведение" — говорил Гугон красноречивый, — "ибо демоны терзают их души и не дают видеть мир таким, каков он есть на самом деле. Но прощая их слабости и пороки держите свой разум закрытым, чтобы зло не могло проникнуть в вас. Только тогда отвратительные демоны, блуждающие по миру в поисках неокрепших душ, будут не властны над вами".

— Ничего, — сказал я, — обойдусь.

Услышав мои слова Марон ошетинился словно дикий зверь. Теперь, когда маски были сброшены он больше не скрывал своей ненависти ко мне. Неужели от того, чтобы броситься на меня с мечом его удерживала только клятва?

— Теперь понятно почему Тагон называл этот дом Диким местом, — продолжал я, — и ты так страдаешь только потому что не смог заполучить его? Неужели ты так хочешь владеть этой старой башней?

Насмешка, прозвучавшая в моих словах, окончательно вывела Марона из себя.

— Когда-нибудь этот дом все равно станет моим, — прошипел он, — мы дворяне всегда получаем то, что хотим. Этим мы отличаемся от самозванцев вроде тебя.

Я удивленно приподнял бровь.

— Да, — продолжал Марон, — я наблюдал за тобой. Хоть все и считают тебя носителем великой крови, но ведешь ты себя, как простолюдин. Поэтому я говорю тебе прямо в глаза — ты не такой, как мы! Пусть у тебя на шее висит амулет, но высокое происхождение надо еще доказать!

Зачем он говорил мне все это? Чего добивался? Неужели мальчишка всерьез рассчитывал на то, что я не вынесу оскорблений и вызову его на бой? Ну уж нет. Я хорошо помнил на что он способен. Одно оставалось для меня загадкой, что он собирался сказать Ругону в случае, если я погибну в поединке? Конечно он бы без труда меня победил. Безобидное испытание в шатре Гамона наглядно показало, что я совершенно беспомощен перед настоящим воином. И все-таки не стоило спесивому мальчишке говорить со мной от

имени всех дворян. Я вспомнил Химона, Тагона и многих других. Всех тех, кто за последнее время стал мне ближе и роднее, чем собственная семья. Казалось, что сейчас все они сгрудились за моей спиной. Призраки угрюмо молчали, слушая ядовитые речи отпрыска знатной фамилии.

— Мне все равно, что ты думаешь и кем меня считаешь, — ответил я, — род трех вершин столетия скрывался среди простых людей. Они пасли скот, копались в огороде, плели корзины и резали ложки на продажу, но не потеряли ни чести ни совести. Быть простолудином не преступление.

Мальчишка хотел что-то сказать, но я не позволил.

— Жадность затмила твой разум. Я вернул тебе доспехи дяди, подарил дорогой кинжал, а тебе все мало. Ну так убей меня и забери амулет. Назовись наследником рода Трех вершин и займи мое место, если у тебя хватит на это смелости.

Казалось мои слова наконец отрезвили Марона. В замешательстве он разжал сведенные от бешенства кулаки и отступил назад на тропу.

— Тебе пора домой, — сказал я, — не заставляй волноваться свою мать.

Я повернулся к нему спиной, вошел в башню и с силой захлопнул за собой дверь.

Так вот ты какой, дом Тагона! С одной стороны каменной кладки не было вовсе. Древние строители начали строить башню прямо от скалы. Хорошо пригнанные друг к другу дикие валуны вплотную прижимались к утесу. Крутая лестница ведущая на второй этаж тянулась вверх вдоль скалы повторяя все ее выступы и неровности. Дверь сделали на южной стороне, чтобы теплые ветра быстрее прогревали холодное жилище. В стене, обращенной на восток был устроен очаг и дымоход, рядом с ним предыдущие хозяева башни соорудили лежанку, а у западной стены стоял массивный стол, к которому примостилась широкая лавка. Пол был деревянный набранный из хорошо подогнанных друг к другу толстых досок. Я сделал несколько шагов и пылевые вихри поднялись из-под моих ног. Не знаю сколько лет простоял этот дом в запустении. Наверно Тагон давно покинул его и большую часть времени проводил в столице. Теперь мне было понятно почему Ругон не взял меня я собой. Хитрый старик понимал, что здесь в этом захолустье никто не станет меня искать, если конечно Марон не предаст меня. Но почему-то я был уверен в том, что мальчишка не станет этого делать. Сквозь узкие словно бойницы окошки внутрь падал рассеянный свет и поднятые моими шагами пылинки плясали и играли в его лучах.

— Добро пожаловать домой, — сказал я сам себе.

Когда я налюбовался на свое новое жилище и вышел наружу оказалось, что Марон и носильщик уже ушли. Я видел, как они поднимались по тропе. Даже если бы я захотел их окликнуть и остановить у меня бы ничего не получилось. Они ушли слишком далеко. На дорожке осталась цепочка следов.

— Господин!

Я оглянулся и увидел стоящего рядом носильщика. Он аккуратно сложил мои вещи возле башни и терпеливо ждал, когда я соизволю с ним расплатиться.

— Мы пришли, господин? — спросил он.

— Да.

Я вытащил из кошелька маленькую серебряную монету и протянул ему.

— Этого хватит?

Я платил ему каждые три дня и знал, что полученных от меня денег будет более чем

достаточно.

— Спасибо, господин, — парень поклонился.

— Ступай.

Он не заставил просить себя дважды и бросился вслед за Мароном. Носильщики занимались вдвоем, наверно и вернуться в родную деревню они собирались вместе.

Рядом с башней в скальном выступе было выдолблено широкое сиденье. Его засыпало снегом и сухими листьями. Я вычистил мусор и тяжело опустился на него. Ноги гудели от долгой ходьбы и им требовался отдых. С этого места открывался потрясающий вид на маленькую затерянную в горах долину, на деревню и узкий проход по которому мы пришли. Наверно прежние хозяева сажали сюда наблюдателя, чтобы он следил за тем, не идут ли враги. Облокотившись спиной на холодные камни и положив меч на колени, я подумал: "Мой путь закончен. Долгая дорога подошла к концу. Вот оно наследство Тагона за которое я так долго боролся — крошечная нищая деревенька и заброшенная старая башня. Кошелек мой пуст, зато все королевские ищайки рыщут по стране в поисках меня. Великая насмешка богов состояла в том, что, получив свою долгожданную награду я все-равно остался ни с чем".

Пошел снег. Мягкие хлопья повалили с неба заметая узкую тропинку, следы Марона и носильщиков. Я сидел на холодных камнях и вспоминал свое бегство из захваченного монастыря, оборону Пауса, великую битву, ужасы войны, которые мне пришлось пережить, всю ложь, которую мои уста смогли произнести и кровь, которую мне пришлось пролить.

Из-за стены крайнего дома выглянул крестьянин. Он смотрел на меня во все глаза, словно увидел перед собой великое чудо. Одна за другой двери домов стали открываться. Жители выходили из дворов и шли к башне. Их было много, больше чем я мог себе представить. Люди остановились на дорожке, немного не доходя до моего нового дома. Они робко жались друг к другу и с испугом смотрели на меня.

— Здравствуй, молодой господин, — наконец сказал какой-то старик, который рискнул подойти ближе всех.

Я встал и сделал шаг к притихшим людям.

— Здравствуй, — сказал я, — Здравствуйте все!

Больше книг на сайте - Knigolub.net